

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. Ломоносова

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ма Яньхун

Типы словообразовательной мотивации в русском языке:

неединственная мотивация

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

Доктор филологических наук, профессор

Е.В. Петрухина

Москва – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	6
Глава 1. Теоретические проблемы изучения словообразовательной мотивации.....	15
1. Типы мотивации слов.....	15
1.1. Вступление.....	15
1.2. Звуковая мотивация.....	16
1.3. Словообразовательная мотивация.....	16
1.4. Семантическая мотивация.....	17
1.5. Графическая мотивация.....	18
2. Понятия словообразовательной мотивации и производности в их соотношении.....	20
3. Типы словообразовательной мотивации в русском языке.....	24
4. Непосредственная и опосредствованная, единственная и неединственная мотивация.....	32
5. Выводы.....	37
Глава 2. Неединственная словообразовательная мотивация в русском языке.....	40
1. Вступление.....	40
2. Теории неединственной мотивации.....	41
2.1. Поликоррелятивность в «Толковом словообразовательном словаре русского языка» И.А. Ширшова	45
2.1.1. О словаре И.А. Ширшова.....	45
2.1.2. Понятие поликоррелятивности	46
3. Полимотивированность в «Толковом словообразовательном словаре русского языка» И.А. Ширшова.....	48
3.1. Типы полимотивированных существительных и наречий с	

приставками <i>не-</i> и <i>без-</i>	48
3.2. Анализ полимотивированных слов в 70 гнездах.....	55
3.2.1. Выбор словообразовательных гнезд для анализа.....	55
3.2.2. Тип <i>увеличиваться</i> ← <i>увеличивать, увеличиться</i>	56
3.2.3. Личные имена существительные женского рода типа <i>красавица</i>	57
3.2.4. Тип <i>согреться</i> ← <i>согреть, греться</i>	60
3.2.5. Типы <i>невыгодность</i> ← <i>невыгодный, выгодность; нелогично</i> ← <i>нелогичный, логично</i>	60
3.2.6. Тип <i>нагревание</i> ← <i>нагревать, нагреваться</i>	61
3.2.7. Полимотивированность некоторых приставочных глаголов НСВ с суффиксом <i>-ыва(-ива-)</i>	63
3.2.8. Типы <i>нагрев</i> ← <i>нагревать, нагреваться и неравноправие</i> ← <i>неравноправный, равноправие</i>	63
3.2.9. Другие типы полимотивированных слов в ТСС.....	63
3.3. Спорные случаи полимотивированности производных слов в ТСС.....	66
4. Способы верификации неединственной мотивации производных слов.....	68
4.1. Способы верификации неединственной мотивации в других исследованиях.....	68
4.2. Корпусный анализ как способ верификации неединственной мотивации производных слов	74
4.2.1. Подтверждение двойной мотивации.....	74
4.2.2. Корпусный анализ для решения спорных случаев.....	88
4.3. Анализ неединственной мотивации производных слов в Генеральном интернет-корпусе русского языка.....	97
5. Выводы.....	100
Глава 3. Мотивация русских личных имен существительных женского рода в словаре и тексте.....	104
1. Вступление. Трактовка мотивационных отношений в родовых парах	

в российской лингвистике.....	104
1.1. Родовые пары личных имен.....	104
1.2. Воззрения В.В. Виноградова на родовые пары и мотивацию личных имен женского рода.....	105
1.3. Трактовка мотивационных отношений в родовых парах в работах других лингвистов.....	107
2. Суффиксы женскости.....	109
3. Полимотивированные личные имена женского рода в ТСС.....	110
3.1. Анализ личных имен женского рода в ТСС.....	110
3.2. Полимотивационные связи существительных со значением женскости по ТСС.....	114
3.3. Проверка данных ТСС при помощи контекстного анализа.....	120
3.4. Мотивационные связи у личных имен женского рода типа <i>писательница</i>	136
4. Исследование мотивационных связей личных имен женского рода в связи с гендерной проблематикой.....	145
5. Выводы.....	146
Глава 4. Типы мотивации слов в русском языке в сравнении с китайским языком.....	149
1. Вступление.....	149
2. Понятие мотивации слов в российской и китайской лингвистике.....	150
2.1. Звуковая мотивация	151
2.2. Семантическая мотивация.....	154
2.3. Графическая мотивация	156
3. Словообразовательная мотивация в российской и китайской лингвистике.....	157
4. Метафорические типы словообразовательной мотивации в русском языке в сравнении с китайским языком.....	170
4.1. Ассоциативно-образные типы словообразовательной мотивации	

в русском языке.....	171
4.2. Метафорические типы словообразовательной мотивации в китайском языке.....	173
4.3. Сходство метафорической мотивации в русском и китайском языках.....	177
5. Выводы.....	179
Заключение.....	181
Библиография.....	187

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена исследованию различных типов словообразовательной мотивации и, прежде всего, неединственной мотивации в современном русском языке.

Словообразовательная мотивация изучается в работах многих российских лингвистов: В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Е.А. Земской, Е.В. Клобукова, В.В. Лопатина, О.П. Ермаковой, Н.А. Николиной, М.В. Панова, Е.В. Петрухиной, Л.В. Рацибурской, И.С. Улуханова, И.А. Ширшова и др. Выделяются и описываются различные её типы: основная и периферийная, полная и частичная, прямая и переносная, метафорическая, косвенная, ассоциативная, непосредственная и опосредствованная, исходная и неисходная, регулярная и нерегулярная, единственная и неединственная и др. Однако ряд аспектов этой проблематики, с нашей точки зрения, требует дополнительного изучения.

Основной **целью** диссертационной работы является исследование неединственной (множественной) словообразовательной мотивации, которая определяется как возможность мотивации одного производного двумя и более мотивирующими. Это понятие рассматривается на фоне преобладающих в русском языке одномотивированных слов. При этом множественная словообразовательная мотивация – это не аномалия, а системное явление в русском словообразовании, требующее поэтому более глубокого изучения с привлечением большого языкового материала. Этим и определяется **актуальность** данной работы.

В диссертационной работе неединственная словообразовательная мотивация анализируется с помощью новых методов корпусной лингвистики и количественного анализа, позволяющих верифицировать множественную мотивацию производных слов определенных словообразовательных типов на обширном языковом материале. Насколько нам известно, вопрос о верификации полимотивированности в лингвистике специально не изучался.

Объектом исследования являются типы словообразовательной мотивации в современном русском языке, прежде всего множественная мотивация.

Предметом изучения выступают полимотивированные производные слова, типы реализации словообразовательной мотивации в языковой системе и тексте в русском языке.

Материалом для исследования послужили полимотивированные производные слова, извлеченные из «Толкового словообразовательного словаря русского языка» (ТСС) И.А. Ширшова (2004). По материалу всего словаря мы исследовали 5 словообразовательных моделей: существительные на *-ость* с приставками *не-* и *без(с)-*; наречия на *-о* с приставками *не-* и *без(с)-*, а также производные имена со значением женскости. При изучении последней модели языковой материал был расширен. Мы использовали поисковую систему <https://bezbukv.ru> (поиск слов по конечной части слова) для получения более полного списка женских имен с финалиями *-ниц(а)*, *-тельниц(а)*, *-овниц(а)*, *-иц(а)*, *-чиц(а)*, *-лиц(а)*, *-виц(а)*, *-риц(а)*, *-диц(а)*, *-миц(а)*, *-тиц(а)*, *-нк(а)*, *-тк(а)* и др. Остальные модели полимотивированных производных слов извлекались из 70 словообразовательных гнезд ТСС, включающих производные с неединственной мотивацией. Выбор гнезд бы определен предварительным анализом количества дериватов с неединственной мотивацией в отдельных гнездах. В выборку попали те гнезда, в которых имеется наибольшее количество таких слов. В 70 проанализированных словообразовательных гнездах содержится 4284 производных слова, среди которых насчитывается 512 слов с отмеченной в словаре неединственной мотивацией.

В сопоставительном разделе диссертации анализируются словообразовательная и другие типы мотивации слов в русском и китайском языках с предварительной классификацией и систематизацией этих типов, исследуются сходства и различия между принципами мотивации в двух языках.

Неединственная словообразовательная мотивации в современном русском языке рассматривается с точки зрения системных и семантических отношений

между производным словом и его мотивирующим, а также способов ее верификации. Достижение данной **цели** потребовало решения следующих исследовательских **задач**:

1) анализа типов словообразовательной мотивации в русском языке, систематизация различных точек зрения российских лингвистов на нестандартные типы словообразовательной мотивации и на типы полимотивированности и поликоррелятивности;

2) анализа полимотивированных слов словообразовательных типов в ТСС И.А. Ширшова;

3) изучения способов верификации неединственной мотивации: использования словарных толкований и корпусного анализа. Последняя методика, разработанная в нашем диссертационном исследовании, основана на поиске в Национальном корпусе русского языка (в дальнейшем – НКРЯ) пары родственных слов (мотивирующего и мотивированного) в одном тексте, как правило в пределах одного предложения;

4) исследования функционирования производных слов с неединственной мотивацией (по ТСС) в НКРЯ и Генеральном интернет-корпусе русского языка (ГИКРЯ);

5) анализа мотивационных отношений в родовых парах и проверка мотивационных связей личных имен существительных со значением женскости при помощи корпусных методов анализа;

6) сопоставления типов мотивации слов в русском и китайском языках.

Специфика объекта исследования и поставленные задачи обусловили выбор **методов лингвистического анализа**, основными из которых являются описательный, корпусно-количественный, сопоставительный. Для предмета нашего исследования важен количественный анализ мотивационных связей. Задача проверки полимотивированности производных слов была поставлена ещё в 60 – 70-е годы прошлого века [Шаталова 1976, Волоцкая 1960]. Эта задача не была тогда полностью решена в связи с малым объемом выборки

(нерепрезентативностью) и фрагментарностью языкового материала. Однако в настоящее время при наличии современных языковых корпусов эта задача может быть решена в более полном объеме. Количественные исследования явлений словообразования в русском языке с использованием методов автоматической обработки текстов являются важной и актуальной задачей современной лингвистики. С помощью таких исследований можно изучить мотивационные отношения в тексте между однокоренными словами. В данном исследовании мы использовали некоторые из этих возможностей, изучая мотивационные связи слов в НКРЯ. Пользуясь определенной формой поиска, мы искали в одном тексте употребления производного слова и его мотивирующей базы для подтверждения и изучения мотивационных отношений.

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертационной работе впервые системно анализируется полимотивированность производных слов в русском языке и изучается реализация неединственной мотивации в тексте. Впервые системно изучена мотивация в рамках словообразовательной категории личных имен женского рода (с использованием корпусного анализа). Новым также является сопоставление типов мотивации слов в русском и китайском языках.

Теоретическая значимость исследования определяется выявлением словообразовательных типов, регулярно допускающих множественную мотивацию, подтверждением необходимости исследования мотивационных отношений не только между членами словообразовательных пар, но и другими членами деривационной цепи, не связанными отношениями непосредственной мотивации, а также изучением реализации мотивационных отношений в тексте.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его выводы и результаты могут быть использованы в практике преподавания словообразования современного русского языка, прежде всего в китайской аудитории. Особенно трудным для китайских учащихся является установление в русском языке мотивационной связи между производными словами и производящими.

Положения, выносимые на защиту:

1) Полимотивированность производных слов играет большую роль в словообразовательной системе русского языка. Полимотивированность в русском языке представлена шире, чем обычно это описывается в словообразовательных исследованиях и словарях. При полимотивированности производное слово имеет две мотивирующие базы, каждая из которых отличается от производного только одним формантом и может использоваться в его толковании.

2) Наибольшая регулярность двойной мотивации обнаруживается у следующих словообразовательных типов: у существительных с суффиксом *-ость* и с приставкой *не-* (тип *независимость* ← *независимый*, *зависимость*; *неграмотность* ← *неграмотный*, *грамотность*); у качественных наречий на *-о* с приставкой *не-* (тип *нелогично* ← *нелогичный*, *логично*; *ненормально* ← *ненормальный*, *нормально*); у приставочных глаголов НСВ (тип *вдохновляться* ← *вдохновлять*, *вдохновиться*; *увеличиваться* ← *увеличиться*, *увеличивать*); у имен существительных женского лица с суффиксами *-к(а)*, *-ниц(а)*, *-иц(а)*, *-ищиц(а)* и др. (*красавица* ← *красавец*, *красивый*; *избранница* ← *избранник*, *избранный*); у возвратных приставочных глаголов совершенного вида СВ (тип *развариться* ← *разварить*, *вариться*; *согреться* ← *согреть*, *греться*); у отглагольных существительных со значением действия на *-ние* (тип *увеличение* ← *увеличить*, *увеличиться*; *повышение* ← *повысить*, *повыситься*, *повышать*, *повышаться*).

3) Следующие словообразовательные типы реализуют полимотивированность менее регулярно: существительные на *-ость* с приставкой *без(с)-* (тип *безопасность* ← *безопасный*, *опасность*; *безответственность* ← *безответственный*, *ответственность*); наречия на *-о* с приставкой *без-* (тип *беззлобно* ← *беззлобный*, *злобно*); личные существительные с суффиксами *-ник*, *-чик*, *-щик* такие, как *советник* (← *советовать*, *совет*), *разведчик* (← *разведать*, *разведка*); существительные на *-ств(о)* (тип *разбирательство* ← *разбирать*, *разбираться*); отглагольные существительные с нулевым суффиксом (тип *нагрев* ← *нагревать*, *нагреваться*; *прогрев* ← *прогревать*, *прогреваться*); адъективные

существительные на *-ие* с приставкой *не-* (тип *неравноправие* ← *неравноправный, равноправие*) и др.

4) Корпусный метод верификации двойной мотивации, впервые примененный в нашем исследовании, делает возможным изучение реализации, системно обусловленной полимотивированности в тексте, выявляя мотивационные связи дериватов.

5) Проведенное исследование позволило четче определить полимотивированность производных слов, разграничив непосредственную и опосредствованную мотивацию, а также отделить данные типы мотивации от случаев расхождения формальных и семантических отношений между однокоренными словами.

6) Мотивирующие базы при полимотивированности отличаются от производного только одним формантом, а при опосредствованной мотивации – несколькими формантами. В область множественной мотивации не входят производные, у которых наблюдается расхождение формальной и семантической производности.

7) Применение корпусных методов в исследовании выявило, что в тексте мотивационные отношения реализуется намного шире, чем в системе. Мотивационные связи могут реализоваться между однокоренными словами, стоящими друг от друга в нескольких деривационных шагах, что рассматривается в работе как опосредствованная мотивация. Корпусные методы позволяют более глубоко изучить мотивационные связи производных слов.

8) Мотивационные связи у личных имен существительных со значением женскости (феминитивов) в русском языке шире, чем они представлены в словообразовательных публикациях, в которых личные имена женского рода трактуются исключительно как производные от имен мужского рода. Наше исследование показало, что производные номинации женщин могут иметь две производящие базы: помимо имен существительных мужского рода в качестве мотивирующих слов могут выступать также глаголы, прилагательные и

предметные имена существительные, отличающиеся от производного имени со значением женскости только одним формантом и способные использоваться в толковании феминитивов.

9) Основные типы мотивации в русском и китайском языках совпадают, несмотря на различие языковой структуры этих языков. В обоих языках есть звуковая, семантическая и словообразовательная мотивации. Основным различием является то, что для китайского языка с его иероглифическим письмом характерна также графическая мотивация, которой нет в русском языке. В русском языке словообразовательная мотивация – это основной тип мотивации слов, в китайском языке к основным типам мотивации можно отнести семантическую и графическую. Неединственной словообразовательной мотивации в китайском языке нет.

10) Словообразовательная мотивация в современной русистике – это понятие исключительно синхронного словообразования, а в китайском языке не проводится разграничения между диахронической и синхронической мотивацией. Ассоциативно-образная словообразовательная мотивация реализуется как в русском, так и в китайском языке, но в последнем лишь при образовании сложных слов. В русском языке данная мотивация представлена шире, чем в китайском, так как связана с образованием не только сложных слов, но и с аффиксальными способами словообразования.

Апробация работы.

По теме исследования опубликованы 6 научных работ – статьи и тезисы докладов на международной конференции и в журналах, в том числе и 4 статьи в журналах, рекомендованных ВАК:

1. Ма Яньхун. Типы мотивации слов в русском языке в сравнении с китайским языком // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 2019, № 6. С. 54-63.

2. Петрухина Е. В., Ма Яньхун. Неединственная словообразовательная мотивация в русском языке и способы её верификации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020, № 1. С. 181-187.

3. Петрухина Е. В., Ма Яньхун. Мотивация русских личных имен женского рода в словаре и тексте с точки зрения гендерной проблематики // Когнитивные исследования языка. 2020, № 3. С. 557-664.

4. Ма Яньхун. Метафорические типы словообразовательной мотивации в русском и китайском языках // Мир науки, культуры, образования. 2020, № 4. С. 421-423.

5. Ма Яньхун. Типы мотивации слов в русском языке в сравнении с китайским языком // Материалы первого молодежного форума (Ульяновск, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, 1–3 ноября 2018 г.) / под ред. С.В. Рябушкиной. В 2 т. М.: Директ-Медиа, 2019. С. 113-117.

6. Ма Яньхун. Нестандартные типы словообразовательной мотивации в русском языке (на китайском фоне). Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020» [Электронный ресурс] / Отв.ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2020.

https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/index.htm,

Структура диссертации. Данная работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка. Библиографический список включает 97 наименований.

Во введении обосновывается актуальность исследования, названы объект, предмет, языковой материал и методы исследования, сформулированы цель и задачи диссертационной работы, определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы.

В первой главе представлены теоретические основы диссертационной работы. Рассматриваются публикации, посвященные понятиям мотивированности и производности, дается краткий обзор взглядов на виды мотивации слов вообще

и классификация типов словообразовательной мотивированности. В качестве инструмента анализа выбрана классификация В.В. Лопатина и И.С. Улукханов, которая позволяет описывать отношения внутри деривационной цепочки. Анализируются типы мотивации слов и словообразовательной мотивации в русском языке.

Вторая глава посвящена вопросу о неединственной словообразовательной мотивации в русском языке. Рассматриваются такие важные понятия, как полимотивированность и поликоррелятивность. Анализируются регулярные модели неединственной мотивации производных слов, представленные в «Толковом словообразовательном словаре русского языка» И.А. Ширшова, рассматриваются способы верификации неединственной мотивации в других исследованиях, а также определяются и используются корпусные методы (на материале НКРЯ и ГИКРЯ) для установления мотивационных связей производных слов.

В третьей главе освещается вопрос о мотивации русских личных имен существительных женского рода в словаре и тексте. Анализируются полимотивированные феминитивы, реализующие в тексте мотивационные связи не только с личными именами мужского рода, но также с глаголами, прилагательными и предметными именами.

Четвертая глава посвящена сопоставлению типов мотивации в русском и китайском языках с предварительной классификацией и систематизацией этих типов, исследуются сходства и различия между принципами мотивации. Проводится сопоставительный анализ нестандартных типов словообразовательной мотивации в русском языке на китайском фоне.

В заключении содержатся основные результаты и выводы исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ

1. Типы мотивации слов

1.1. Вступление

Мотивированность слова имеет свои разновидности и ступени. В настоящее время существуют различные классификации мотивированности слов в зависимости от аспекта анализа языкового материала. В.Г. Гак выделяет абсолютную и относительную мотивации по отношению к системе языка в зависимости от того, «обусловлено ли значение слова непосредственно явлениями объективной реальности или же оно становится ясным через значение других слов языка» [Гак 1977: 35]. По мнению В.Г. Гака, абсолютная мотивированность называется также фонетической, относительная может быть морфологической (значение слова вытекает из значения составляющих его частей) или семантической (значение образуется вследствие переосмысления) [Там же]. Он отмечает, что к абсолютно мотивированным словам, значение которых как бы само собой вытекает из их звуковой формы, относят междометия и так называемые ономатопеи – звукоподражательные слова, изображающие звуки, действия животных, издающих определенные звуки, и т. п., а относительная мотивированность представлена в словах, значение которых определяется внутриязыковыми ассоциациями. При этом мотивированными оказываются лишь производные слова и слова, получившие значение в результате семантического переосмысления, в то время как исходные языковые элементы являются произвольными, немотивированными в их значении. Так, глагол *добежать* оказывается мотивированным при сравнении с приставкой (и предлогом) *до-*, обозначающим достижение цели при движении, и корнем *бежать*. Сами же исходные элементы (*до-* и *бежать*) не мотивированы [Там же].

М. Докулил в книге «Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov» (1962) рассмотрел три типа мотивации слова: 1) звуковую или подражательную; 2) словообразовательную; 3) семантическую [Dokulil 1962: 103].

1.2. Звуковая мотивация

По мнению М. Докулила, звуковая мотивация проявляется в ассоциативной связи между звуковой формой слова и его семантикой [Dokulil 1962: 103]. Например, слово *кукушка* означает лесную птицу, которая издает звуки, подобные своему названию, поэтому существует схожесть между звуковой формой слова и звуками, которые издает птица. Звукоподражательные слова, относящиеся к такому типу мотивации, включают в себя звучания, сопровождающие действия, воспроизводимые человеком (междометия), а также животными или предметами (звукоподражания). К данному типу мотивации относятся такие слова, как *ква-ква* – *квакать*, *му* – *мычать*, *мяу* – *мяукать*, *тик-тик* – *тикать*, *ай* – *айкать*, *хм* – *хмыкать*, *шуршать*, *шелестеть* и т.д. В этих примерах звуковая форма слов является имитацией реальных звуков, так как денотатом слова является сам звук или какой-то предмет, производящий характерный звук.

1.3. Словообразовательная мотивация

По мнению М. Докулила, словообразовательная мотивация обнаруживается «в словах с прозрачной словообразовательной структурой» [Dokulil 1962: 103]. Такой тип мотивации выделяется также в «Русской грамматике» (1980) (авторы раздела В.В. Лопатин и И.С. Улуханов), в которой словообразовательная мотивация рассматривается как отношение, сложившееся между двумя разными словами, обладающими следующими признаками:

- 1) оба слова имеют один и тот же корень;
- 2) значение одного из слов или полностью входит в значение другого (*дом* – *домик* ‘маленький дом’), *победить* – *победитель* (‘тот, кто победил’), или тождественно лексическому значению другого, но либо синтаксические позиции

этих слов различны (сюда относятся пары типа *бежать* – *бег*, *белый* – *белизна*, *быстрый* – *быстро*, образуемые словами разных частей речи; второй член этих пар представляет собой, по Е. Куриловичу, синтаксический дериват [Курилович 1962: 61]), либо слова различаются стилистически (при тождестве синтаксических позиций): *книга* – *книжка* – *книженция*; *вор* – *ворюга*; *комната* – *комнатуха*; *колени* – *коленка*; *столовая* – *столовка*; *Ваня* – *Ванюха* и т.п. [Улуханов 2019: 7, РГ-80: 133].

Одно из двух однокоренных слов, связанных отношениями словообразовательной мотивации, является мотивирующим, а другое – мотивированным. И.С. Улуханов и В.В. Лопатин в «Краткой русской грамматике» (1989) отметили, что мотивированным следует считать слово, основа которого характеризуется большей формальной (фонематической) сложностью по сравнению с мотивирующим (*лес* – *лес-ок*, *стоять* – *про-стоять*), а также большей семантической сложностью, то есть значение мотивированного определяется через другое однокоренное слово (*химия* – *химик* (‘специалист по химии’), *художник* – *художница* (‘женщина-художник’)). Если все компоненты значений слов тождественны, кроме грамматического значения части речи, в парах "глагол – существительное, обозначающее то же действие по этому глаголу" (*рисовать* – *рисование*, *скрипеть* – *скрип*) и "прилагательное – существительное, обозначающее то же признак" (*изящный* – *изящество*, *синий* – *синь*), мотивированным признается существительное, подробнее см. в [Лопатин, Улуханов 1989].

1.4. Семантическая мотивация

М. Докулил считал, что семантическая мотивация наблюдается «в словах с переносными (метафорическими или метонимическими) значениями, связанными с прямыми значениями» [Dokulil 1962: 103]. В русском языке многозначные слова широко распространены, поэтому в нем довольно много слов, в определенном значении мотивированных семантически. Семантическая мотивация связана с

развитием многозначности слова. Например, у слова *заразить* основное значение – ‘передать заразу / болезнь кому-нибудь’, на базе основного значения слову присваивается переносное значение – ‘увлечь кого-н. чем-н., внушить кому-н. что-н., передать кому-н. какую-н. склонность’ (*заразить идей, заразить своим весельем, заразить примером*), мотивированностью этого производного слова стало расширение первоначального значения. Слово *мост* имеет основное значение ‘искусственное сооружение, по которому проложен путь для беспрепятственного передвижения через реки, овраги и ущелья’, второе значение данного слова – ‘человек или предмет, как посредник, связующее звено’ вступает в отношения семантической мотивации со своим основным значением при помощи расширения и переноса значения слова, например, *перевод является мостом между двумя разными культурами*. В этом случае слово *мост* употребляется в втором переносном значении. Аналогично в результате семантической деривации от основного значения глагола *переварить* ‘переработать в процессе пищеварения’ развивается переносное значение ‘усвоить, воспринять’, например, *переварить прочитанное в книге*. Приведем другие примеры: прилагательное *тусклый* часто употребляется в его переносном значении – ‘безжизненный, мрачный, угрюмый, невыразительный’, например, *тусклый взгляд; тусклая жизнь*. Так же сходны и метафорические значения слов *выкорчевать*, которое обозначает (‘искоренить, уничтожить, прекратить чье-л существование’), например, *искоренить зло; искоренить всякое пустословие*; Все данные дериваты образовались из-за расширения и переноса первоначального значения.

1.5. Графическая мотивация

Учитывая связь между графической формой и семантикой слов в китайском языке, китайские лингвисты выделяют еще один тип мотивации, а именно графическую мотивацию, которая определяется особенностями иероглифов. Поэтому графическая мотивация характерна только для китайского языка.

Графическая мотивация имеется лишь в китайском языке и представляет собой отношение между изображением или начертанием иероглифа (графического символа) и его значением [Вэй Чжичэн 2003: 63]. В иероглифическом письме большое значение придается начертанию и идеограммам. Вэй Чжичэн считает, что «китайский относится к такому типу идеографического письма, в котором иероглиф изначально был связан с образом, имитирующим внешние черты и признаки обозначаемого предмета или явления» [там же]. Это отчасти справедливо и для современного китайского языка, но намного большее значение в нём имеют теперь идеограммы, т.е. понятия или комбинации понятий, представленные в символической форме. Например, иероглиф 男 – nán / нань ('мужчина') образован путем слияния двух иероглифических ключей: 田 – tián / тянь ('поле') (наверху) и 力 – lì / ли ('сила') (внизу), получается: мужчина = 'сильный мужчина, возделывающий землю, работающий в поле'. Иероглиф 好 – hào / хао ('хорошо') состоит из левой графемы 女 – nǚ / нюй ('женщина, дочь') и правой графемы 子 – zǐ ('сын'). Получается такая мотивация: хорошо = 'когда у женщины есть ребенок, сын', или хорошо = 'когда у семьи есть и дочь, и сын'. Иероглиф 坏 – huài / хуай ('плохо') состоит из левой части с ключом 土 – tǔ / ту ('участок земли') и правой части с ключом 不 – bù / бу ('нет, не'). Получается такая мотивация: *плохо* = 'когда у кого-то нет участка земли'. Иероглиф 娶 – qǔ / цюй ('жениться') опять же включает в себя верхнюю часть 取 – qǔ / цюй ('брать, забирать, овладевать') и нижнюю 女 – nǚ / нюй ('женщина'), то есть 'если ты забрал, овладел женщиной, значит, ты на ней женился'. Иероглиф 歪 – wāi / вай ('кривой') образован верхней частью 不 – bù / бу ('нет, не') и нижней 正 – zhèng / чжен ('прямой'), то есть дословно *кривое* – 'это все то, что не прямое'. Иероглиф 林 – lín / линь ('лес') состоит из двух графем 木 – mù / му ('дерево'), то есть лес = 'два дерева', в то время как иероглиф 森 – sēn / сэн, состоящий уже из трех 'деревьев', обозначает 'чащу', то есть густой частый лес.

Мы полагаем, что проблему типологии мотивации слов можно раскрыть, опираясь на рассмотренные выше четыре типа мотивации. Подробно сопоставление мотивации слов в русском и китайском языках мы проводим в 4-ой главе.

2. Понятия словообразовательной мотивации и производности в их соотношении

На современном этапе развития лингвистической теории словообразование является самостоятельной дисциплиной, имеющей собственный понятийный аппарат и объект исследования. Особую роль в словообразовании играют понятия «мотивация» и «производность», история изучения которых напрямую связана с этапами развития русского словообразования [Клобуков 2009: 348].

Словообразовательная мотивация – это центральное понятие синхронного словообразования, поскольку основным предметом его изучения являются производные слова, мотивированные значением и формой другого слова. Производные слова представляют собой вторичные языковые единицы и выполняют номинативную функцию не напрямую, а через лежащие в их основе первичные языковые единицы. Исходное слово является мотивирующим, а производное – мотивированным. И.С. Улуханов считает, что «мотивированное слово определяется как слово, осознаваемое как образованное от иного слова, существующего в том же языке той же эпохи, а мотивация является отношениями между рассматриваемыми словами, одно из которых осознается в качестве мотивирующего (производящего, исходного), другое – в качестве мотивированного (производного, образованного)» [Улуханов 2015: 9].

«Мотивирующее слово может быть в свою очередь мотивированным по отношению к другому слову. Например, слово *учитель* является мотивирующим по отношению к слову *учительница*, а по отношению к слову *учить* — мотивированным. Эти три слова составляют словообразовательную цепочку: *учить* → *учитель* → *учительница*» [РГ–80: 144]. Мотивированное слово всегда

может быть объяснено через мотивирующее слово, которое, будучи более простым по форме и смыслу, является максимально близким к мотивированному в формальном и смысловом отношении [Ташлыкова 1999: 35].

Стоит сразу отметить, что термины «мотивация» и «мотивированность» у разных авторов, по сути, обозначают одно и то же явление в словообразовательной системе русского языка. В нашей работе мы тоже разделяем эту точку зрения и используем эти термины как синонимы.

В русистике отсутствует общепринятая терминология для основных понятий – «мотивация» / «производность» / «мотивированное» / «производное» / «образованное от». При этом в большинстве случаев все эти термины используются лингвистами как близкие синонимы. Например, производными (мотивированными) считаются слова, которые образованы от других языковых единиц (преимущественно от слов и словосочетаний) с тем же корнем. Структура и значение производных слов обусловлены, то есть мотивированы, структурой и значением производящих (мотивирующих) единиц [Зубова, Меньшикова 2014: 109]. В свою очередь, производящими (мотивирующими) единицами языка являются такие единицы, которыми обусловлены структура и значение производных (мотивированных) слов [Зубова, Меньшикова 2014: 111].

Стоит отметить, что в русском языкознании на протяжении длительного времени использовались лишь термины «производность», «производный», «образованный от». При этом нередко подразумевалось параллельное использование реального образования слов и синхронных связей, а уже спустя некоторое время начали использоваться термины «мотивация», «мотивированность», «мотивированный», «мотивирующий». В то же время могут быть названы работы, где применяются обе группы понятий (производность, мотивация и однокоренные с ними). При этом в основном в этих работах мотивированностью считается свойство разных производных слов. В русской лингвистике термин «мотивированность» был введен Г.О. Винокуром в статье «Заметки по русскому словообразованию» (1946), в которой мотивированность

представлена в качестве свойства производных слов. Под производностью он понимал формально-семантическую выводимость одного слова из другого: «...есть слова, по структуре своей составляющие вполне условные обозначения соответствующих предметов действительности, и слова, составляющие в известном смысле не вполне условные, мотивированные обозначения предметов действительности, мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживающимися в самой структуре этого рода слов. Эти слова и суть слова с производными основами» [Винокур 1959: 421]. Другими словами, «отличие производной основы от непродводной заключается в том, что они по-разному относятся к предмету действительности, который они обозначают, то есть слово называет любой известный предмет действительности одним из двух способов: непосредственно или устанавливая связь между предметом, который оно обозначает, и другими предметами» [Винокур 1959: 421]. «...Отношение между словом и обозначаемым им предметом мысли, в случаях, вроде *настольный*, *косить*, *алеть*, *поднести*, обнаруживают такое обозначение идеи, в котором данная идея раскрывается в известной хотя бы части своих связей, формирующих её в живой действительности» [Там же]. *Настольный* означает «‘находящийся на столе, предназначенный для этого’, *косить* – ‘работать косой’, *алеть* – ‘быть или становиться алым’, *поднести* – ‘совершить действие, обозначаемое словом нести в направлении полного приближения к чему-нибудь’» [Винокур 1959: 422], то есть «в этих случаях известная сторона отношений, существующих у данного предмета мысли, находит себе выражение в тех отношениях, которые существуют внутри самого слова» [Там же].

В книге В.В. Виноградов «Русский язык (грамматическое учение о слове)» с понятие мотивированности соотнесено с внутренней формой слова: «Мотивированность значений слов связана с пониманием их строя, с живым сознанием семантических отношений между словесными элементами языковой системы» [Виноградов 2001: 17]. В данном определении «мотивированность

лексической единицы обусловлена тремя факторами: 1) фактором ее структуры («строя»); 2) фактором системы, системных отношений; 3) фактором языкового сознания» [Виноградов 2001: 17]. «Различия между мотивированными и немотивированными словами обусловлены не только грамматическими, но и лексико-семантическими связями слов. Тут открывается область новых смысловых отношений в структуре слова, так называемых внутренних форм слова» [Виноградов 2001: 17].

Е.А. Земская понимает термины «мотивированность» и «производность» как близкие синонимы [Земская 1981: 136-137]. Аналогично данные термины используются в [Тихонов, Джамбазов, 1988: 103].

В славистику термин мотивация для обозначения синхронных словообразовательных связей вошёл после публикации упомянутой выше книги М. Докулила [Dokulil 1962]. После этого данный термин стал активно употребляется и в русистике. Появились монографии, посвященные словообразовательной мотивации [Улуханов 1977, 2005, Ширшов 1981]. Появилось целое направление – мотивология [Голев 1989, Блинова 1984].

Однако не все лингвисты используют термины «производность» и «мотивированность» как синонимы. Для обозначения синхронных отношений между формально и семантически связанными словами И.С. Улуханов предлагает использовать термин «мотивация», а для диахронического образования слова – «производность» [Улуханов 2015: 9]. По мысли лингвиста, это позволяет четко разграничить «реальное возникновение слова и его синхронные формально-семантические связи» [Улуханов 2015: 9]. И.С. Улуханов считает важным последовательно различать термины «производность» и «мотивированность», поскольку синхронные словообразовательные отношения не всегда тождественны реальной истории образования слова [Там же].

Занимаясь проблемой разграничения терминов «производность» и «мотивация», некоторые лингвисты пытались ввести в словообразовании новые термины. Например, говоря о том, что необходимо разграничение двух этих

понятий, Н.А. Янко-Триницкая выступила с предложением вместо термина «производный» использовать «выводимый», а «производящий» сменить на «базовый» [Янко-Триницкая 1969, Янко-Триницкая 2001]. Термины «мотивированный» и «мотивирующий», по мнению Н.А. Янко-Триницкой, являлись односторонне семантическими. Однако, термины «базовый» и «выводимый» не закрепились в словообразовательной терминологии [Улуханов 2015: 9].

Таким образом, в своей диссертации мы предполагаем использовать оба термина «мотивация» и «производность» по отношению к синхронному словообразованию. В нашем исследовании реализуется такой же подход, как в учебнике «Современный русский литературный язык» (под ред. П.А. Леканта), где «словообразовательная производность рассматривается как отношение двупланное, формально-семантическое, а мотивация трактуется с точки зрения семантики» [Клобуков 2009: 351]. Вообще мотивированность шире понятия производности, так как мотивация, как уже было отмечено выше, может быть не только словообразовательная, но и семантическая и звуковая.

Таким образом, термины «словообразовательная мотивированность и производность», вслед за Г.О. Винокуром, мы понимаем как синонимы. Но при этом отмечаем, что при изучении словообразовательной мотивации акцент делается на семантических связях мотивирующего и мотивированного.

3. Типы словообразовательной мотивации в русском языке

Словообразовательная мотивация в российской лингвистике изучается с разных сторон. Исследования Е.А. Земской, В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, О.П. Ермаковой, Е.С. Кубряковой, И.А. Ширшова, Д.Н. Шмелева, Н.А. Николиной посвящены проблеме мотивации, в них выделяются и описываются различные её типы: полная и частичная, основная и периферийная, прямая и переносная, метафорическая, косвенная, ассоциативная, непосредственная и

опосредствованная, исходная и неисходная, регулярная и нерегулярная, единственная и неединственная и др.

При этом все типы мотивации делятся на два большие вида: стандартная и нестандартная мотивация. «Основанием для их выделения служит полное или неполное включение значения мотивирующего (производящего) слова в значение мотивированного (производного)» [Мусатов 2011: 200]. Некоторые ученые (например, И.А. Ширшов) в данном случае говорят о полной и частичной мотивации.

Таким образом, полная (стандартная) словообразовательная мотивация предполагает, что семантика производящей основы непосредственно и полностью входит в значение деривата и мотивирует его. Например, *домик* = ‘маленький дом’; *студентка* = ‘студент-женщина’; *переделать* = ‘сделать заново’ и т.д.

И.А. Ширшов делит полную мотивацию на прямую и переносную на основе того, «с каким значением производящего – прямым или переносным – соотносится значение производного» [Ширшов 1995: 47]. Под полной прямой мотивированностью понимается «основной тип словообразовательной мотивированности, характеризующийся полным вхождением прямого значения производящего в значение производного, причем в производном оно формирует ядро лексического значения, ср.: *каменный* ‘относящийся к камню’, *каменистый* ‘обильный камнями’» [Ширшов 1995: 47- 48].

Полная переносная мотивированность характеризуется «полным вхождением переносного значения производящего в значение производного, причем в ряде случаев производное осваивает только переносное значение производящего» [Ширшов 1995: 48], ср.: «*выкусить* ‘кусая, выесть’, *обкусать* ‘кусая, обгрызть со всех сторон’, *откусить* ‘кусая, отделить’, *перекусить* ‘кусая, разделить надвое’, *раскусить* ‘кусая, раздробить, разъединить на части’. Все вышеупомянутые производные (*выкусить*, *обкусать*, *откусить*, *перекусить*, *раскусить*) мотивируются вторым значением слова *кусать* (‘захватывая зубами, отделять части чего-л съестного’)» [Там же: 49]. Так, например, основное и прямое

значение у слова *петух* – ‘самец курицы’, переносное значение – ‘задиристый, запальчивый человек, забияка’. Его переносное значение полностью вошло в значение мотивированного *петушиться* – ‘вести себя задиристо, запальчиво, как петух’. Слово *зверь* имеет переносное значение – ‘жестокий, свирепый человек’, которое полностью вошло в значение слова *звереть* – ‘становиться жестоким, свирепым человеком, вести себя, как зверь’.

При частичной (нестандартной) мотивации «семантические отношения между производящим и производным базируются на переносных значениях, образах, ассоциациях, экспрессии, причем нередко в их взаимодействии» [Петрухина 2018]. И.А. Ширшов выделяет три типа частичной мотивации: «косвенную, метафорическую и ассоциативную мотивацию» [Ширшов 1995: 50-53].

Частичная косвенная мотивация обнаруживается в тех случаях, когда «производное осваивает только часть значения производящего, а вторая часть нейтрализуется, устраняется» [Ширшов 2004: 5], то есть «прямая отсылка к производящему или прямое включение производящего в толкование производного невозможны, а семантические отношения проявляют себя косвенно, через лексическое значение производящего, точнее – через его часть» [Ширшов 1995: 50]. И.А. Ширшов выявляет особенности частичной косвенной мотивации, подробно анализируя следующие примеры. В словах «*столярский, ювелирский, интеллигентский*» суффикс *-ск-* со значением ‘относящийся к столяру, ювелиру, интеллигенту’ соединяется со всем значением производящего: *столярский* ужин, *ювелирский* инструмент, *интеллигентские* искания. В словах же *столярный, ювелирный, интеллигентный* семантические отношения с производящими не такие явные, они завуалированы, поэтому непросто описать их значения. В толковых словарях слово *столярный* толкуется через ‘относящийся к обработке дерева’, слово *ювелирный* – через ‘обладающий изделиями из драгоценных металлов и камней’, слово *интеллигентный* – через ‘обладающий большой внутренней культурой» [Ширшов 1995: 50]. Таким образом, при косвенной

мотивированности в толковании значения производного невозможно полностью включить значение производящего, при этом, однако, значение производного толкуется через лексическое значение производящего.

Метафорическая мотивация впервые была выделена В.В. Лопатиным в середине 70-х годов. В его статье «Метафорическая мотивация в русском словообразовании» выделено три типа: так называемая нормальная мотивация, переносная и метафорическая. При нормальной мотивации «толкование слова не вызывает трудности вследствие прозрачности мотивационных отношений и предельной близости значений производного и производящего слов» [Лопатин 1975: 54], при этом значение мотивированных слов такого типа соотносится «с прямым значением мотивирующих: 1) мутационное словообразование (*учитель* ← *учить*), 2) модификационное словообразование (*учительница* ← *учитель*), 3) транспозиционное словообразование (*ученье* ← *учить*)» [Лопатин 1975: 54]. При переносной мотивации «значение мотивированного слова соотносится не с прямым, а с переносным значением производящего слова, т.е. переносный смысл наследуется от мотивирующего», например, *пролаза* ← *пролезть* (переносное значение мотивирующего слова ‘попасть куда-либо, проявив хитрость’)» [Лопатин 1975: 55]. Метафорическая мотивация отличается от переносной тем, что при ней образное значение возникает только в словообразовательной структуре мотивированного слова. В.В. Лопатин писал: «Специфика метафорической мотивации состоит в том, что переносный смысл возникает у определенных основ только на уровне мотивированного слова, только в его словообразовательной структуре» [Лопатин 1975: 55]. Речь идет о таких производных, как *плакучая* (*ива*), *головорез*, *молокосос*, *небоскреб*, *буквоед*, *гробить*, *задубеть*, *вертихвостка*, *прихлебатель*, *бесхребетный*, *педалировать*, *головомойка*, *бреющий* (*полет*), *окрылить* и др. Е.А. Земская говорит в этом случае о «переносной и образной мотивации» [Земская 1984: 120-130]. И.С. Улуханов рассматривает подобные случаи как особый тип «ассоциативно-сравнительной мотивации» [Улуханов 1992: 50-53]. У

приведенных слов «ассоциативное значение содержит элемент сравнения, например, *советь* – ‘становиться полусонным (подобно сове)’» [Улуханов 1992: 52]. Ассоциативно-сравнительная мотивация базируется на образах, которые обычно в словарные толкования не включаются. Например, *бесхребетный* (человек) – ‘беспринципный, не имеющий твердости, стержня в характере (по ассоциации с хребтом, являющимся таким стержнем для тела)’; *плакучая* (ива) – ‘ива с длинными и опущенными ветвями (имеющая печальный образ, как будто она плачет)’; *небоскреб* – ‘очень высокое многоэтажное здание (как будто упирающееся в небо и поэтому как будто скребущее его)’; *буквоед* – ‘формалист, педант, придающий значение внешней стороне дела, мелочам (буквам) в ущерб общему смыслу’; *окрылить* – ‘привести в состояние душевного подъема, как будто у человека вырастают крылья за спиной’. В.В. Лопатин, говоря в подобных случаях о метафорической мотивации, также отмечает, что «толкование производного слова включает сравнение». Например, *небоскреб* – ‘многоэтажный дом, очень высокий, как будто скребущий небо’; *змеиться* – ‘извиваться подобно змее’ [Лопатин 1975: 267-271].

По словам И.А. Ширшова, при метафорической мотивации «из лексического значения производящего извлекается только один семантический компонент, который кладется в основу новой номинации» [Ширшов 1999: 234]. Это осуществляется «при помощи метафоры, т.е. способом переноса по сходству, в результате чего происходит рождение нового слова, которое является единственным носителем этого метафорического смысла» [Ширшов 1995: 235]. Особую роль в этом процессе играет сравнение, которое «выступает промежуточным звеном между производящим и производным» [Там же]. При порождении слова оно «свертывается в метафору, при описании значения производного метафора развертывается в сравнение, ср.: *каменеть* ‘становиться твердым как камень’, *кипенный* ‘белый как кипень’, *змеиться* ‘извиваться подобно змее’, *змеевик* ‘трубка, по форме напоминающая змею’, *репчатый* ‘по виду похожий на репу’, *пуговичник* ‘растение с соцветием, напоминающим

пуговицы’, *волнушка* ‘гриб, у которого на шляпке разводы в виде волн’, *дождевание* ‘искусственное орошение способом, напоминающим дождь’ [Ширшов 1999: 236]. Таким образом, при метафорической мотивации в толковании значения производного полностью включается значение производящего, но это происходит через сравнение.

При ассоциативной мотивации значение производного «базируется не на значении производящего, а на тех или иных ассоциациях, связанных с ним в языковом коллективе. Выделяется какой-либо семантический признак, который, как правило, не фиксируется толковыми словарями у мотивирующего слова, а как бы только потенциально сопутствует ему» [Шмелев 1977: 227]. Этот признак обычно «связывается с образными характеристиками и является основой уподобления, например: *гуськом* – ‘один за другим, как гуси’ (гуси – ‘дикие и домашние водоплавающие птицы, обычно передвигаются по земле строго в ряд друг за другом’)» [Мусатов 2011: 201], при этом отмечается «ассоциативный признак – способ передвижения; *сова* – ‘хищная ночная птица с большими глазами и крючковатым клювом’ (ассоциативный признак – способ поведения днем) – *советь* – ‘пребывать в дремотном состоянии, как сова днем’; *цыгане* – ‘народность, живущая преимущественно кочевыми и полукочевыми группами’ (ассоциативный признак – способ поведения) – *цыганить* – ‘попрошайничать, просить, как обычно просят цыгане’. Ассоциативная мотивация характерна, прежде всего, для разговорной речи и жаргонов» [Мусатов 2011: 202].

Некоторые исследователи в рамках нестандартной мотивации выделяют ещё один тип – периферийную мотивацию, при которой семантика мотивирующего слова связана с значением мотивированного не полностью, а лишь частью своего значения и обычно занимает периферийное положение при толковании мотивированного. Явление периферийной мотивации впервые описала Е.А. Земская. Она отмечала, что периферийная мотивация проявляется во всех случаях, когда «семантика мотивирующего слова составляет периферийную часть семантики мотивированного слова» [Земская 1984: 337-349]. Это происходит, в

частности, при метонимическом расширении или сужении значения мотивированного в сравнении с мотивирующим. Например, «*полковник* – ‘тот, кто командует воинским подразделением, в том числе полком’»; *булочная* – ‘магазин, где продается хлебопекарная продукция, в том числе булки’; *госпитализировать* – ‘положить в любую больницу, в том числе в госпиталь’» [Земская 1984: 342]. Лексическое значение приведенных производных слов шире семантики производящих: производное слово мотивировано гипонимом, (т.е. понятием, выражающим частную сущность по отношению к другому, более общему понятию), а значение получает по соответствующему гиперониму (т.е. слову с более широким значением) [Ермакова, Земская 1991].

Реже встречается сужение семантики дериватов по сравнению с мотивирующим. Так, номинация цвета *розовый* мотивирована именем цветка роза, который может быть почти любого цвета (белого, красного, черного, желтого), но номинация розовый связана с представлением о классическом цвете розы. Исследователь отмечает, что «в таких случаях приведенные слова имеют живые семантические связи с производящими, но связи эти можно назвать периферийными (т.е. не основными, окраинными), потому что семантика производных не включает семантику производящих целиком, как в парах типа *дом* – *домик*, *стол* – *столик*, *тигр* – *тигрёнок*, но связана с семантикой производящего лишь краешком своего значения. Е.А. Земская подчёркивает, что для таких слов характерен семантический компонент ‘в том числе’» [Земская 1989: 242].

И.А. Ширшов считает, что при периферийной мотивации семантические отношения производного и производящего являются слабыми и имеет эквиполентный характер. Он отмечает, что «значение производящего формирует узкий участок семантического пространства, окраину семантического поля». При этом лексическое значение производного расширяется и «мотивационное значение перемещается на периферию семантического пространства, а ядро занимает значение, находящееся с мотивационным в парадигматических

отношениях, чаще всего – в родовидовых» [Ширшов 1995: 49]. И.А. Ширшов указывает на «ослабление семантической выводимости производного из производящего, однако она не исчезает вовсе, а поддерживается прозрачностью формы производного, ср.: *гостинец* – ‘подарок, в том числе и от гостей’, *столяр* – ‘рабочий, изготавливающий изделия из дерева, в том числе столы’» [Ширшов 1995: 49].

Е.В. Клобуков определяет периферийную мотивацию как метонимическую, так как считает, что в таких случаях «наблюдается метонимическое расширение значения производящей основы: *белый* → *бельё* (любого цвета), *госпитализировать* ‘поместить в больницу, в том числе и в военную’» [Клобуков 1995: 168].

По мнению И.С. Улуханова, к периферийной мотивации относятся дериваты, «у которых семантически мотивирующая часть значения не полностью совпадает со значением другого однокоренного слова» [Улуханов 2005: 56]. Лингвист опирается на точку зрения польских учёных, считающих явление периферийной мотивации пограничной сферой деривации. Дериватологи, рассматривая периферийную мотивацию в современном русском языке, указывают на гиперо-гипонимические отношения реального производящего и потенциального производящего.

При описании видов словообразовательной мотивации особого внимания заслуживает классификация типов мотивации разработанная И.С. Улухановым. И.С. Улуханов «описывает степени словообразовательной мотивации на основе четырех признаков:

1. Входит или не входит значение А (мотивирующее) в значение Б (мотивированное):

1а. полностью входит;

1б. частично входит;

2. В какой степени А заполняет мотивирующую часть значения Б;

3. В какое из значений (денотативное или ассоциативное) слова Б входит значение слова А;

4. Какую роль (описательную, сопоставительную, экспрессивную) играет значение слова А по отношению к слову Б.

В результате получается три степени словообразовательной мотивации:

1. Все значения А входят в значение Б:

1а: значение А совпадает с мотивирующей частью денотативного значения Б:
лес – лесок;

1б: значение слова А совпадает с мотивирующей частью ассоциативного значения слова Б (ассоциативная мотивация):

1б-1. с ассоциативно-описательным значением: *горб – горбуша*;

1б-2. с ассоциативно-сравнительным; *сова – совет*.

2. Часть А входит в Б: *булава – булавка*.

3. Ни один из компонентов значения А не входит в Б, мотивированное и мотивирующее связаны экспрессивно: *патрон – распатронить, быть – забыть* [Улуханов, 1992: 83-95].

Сходная классификация используется в «Словаре словообразовательных аффиксов» В.В. Лопатина и И.С. Улуханова (2016), где выделяются «следующие виды словообразовательной мотивации: непосредственные и опосредствованные, исходные и неисходные, регулярные и нерегулярные, единственные и неединственные мотивации» [Лопатин, Улуханов 2016: 23-25].

4. Непосредственная и опосредствованная, единственная и неединственная мотивация

Проанализируем подробно важные для нашего исследования понятия непосредственной и опосредствованной мотивации.

Непосредственная мотивация – это «мотивационное отношение между двумя словами, одно из которых отличается от другого только одним формантом» [Лопатин, Улуханов 2016: 23]. Например, глагол совершенного вида

накрахмалить непосредственно образуется от глагола несовершенного вида *крахмалить* (*накрахмалить* ← *на-крахмалить*), в этом случае в глаголе *накрахмалить* только один формант – приставка *на-*. Глагол *очистить* непосредственно образуется от глагола несовершенного вида *чистить* (*очистить* ← *о-чистить*) при помощи приставки *о-*. Опосредствованная мотивация – это «мотивационное отношение между двумя словами, одно из которых отличается от другого совокупностью формантов» [Лопатин, Улуханов 2016: 23]. Другими словами, чтобы образовать производное слово, надо прибавить к производящему два или более форманта, как например, глагол совершенного вида *накрахмалить* может быть образован от существительного *крахмал* при помощи префикса *на-* и суффикса *-ить* (*крахмал* → *на-крахмал-ить*) [Там же: 24]. Глагол *посолить* опосредствованно мотивируется существительным *соль* (*посолить* ← *по-сол-ить*), в данном случае «формантом глагола *посолить* является префикс *по-*, а суффикс *-и(ть)* – формант непосредственно мотивирующего глагола *солить*» [Там же].

По мнению В.В. Лопатина и И.С. Улуханова, опосредствованные мотивации можно разделить на типовые и нетиповые. Типовые опосредствованные мотивации – это «мотивационные отношения двух слов, различающихся между собой совокупностью формантов, которая в других случаях функционирует как единый формант» [Там же]. Так, например, члены опосредствованных мотиваций *вредить* – *вредительство* или *чистый* – *очистить* отличаются друг от друга элементами *-тельств-* или *о-, и-*, представляющими собой соответственно совокупность продуктивных аффиксов *-тель* (*вредить* – *вредитель*) и *-ств-* (*вредитель* – *вредительство*, ср. *герой* – *геройство*), *-и-* (*чистый* – *чистить*) и *о-* (*чистить* – *очистить*), которая в других случаях функционирует как единый формант – суффиксальный (*-тельств-*, ср. *издеваться* – *издевательство*) или префиксально-суффиксальный (*о-* + *-и-*, ср. *здоровый* – *оздоровить*) [Там же]. Нетиповые опосредствованные мотивации – это мотивационные отношения двух слов, «различающихся между собой совокупностью формантов, которые никогда

не функционируют как единый формант» [Лопатин, Улуханов 2016: 24]. Например, «наряду с парами типа *влага* – *влажнеть* в языке нет пар, в которых бы мотивированное и непосредственно мотивирующее отличались друг от друга отрезком *-не(ть)*: все мотивационные глаголы на *-неть* непосредственно мотивируются прилагательными на *-н(ый)* (ср. *влажный* – *влажнеть*, *грязный* – *грязнеть*), и поэтому выделяют в своем составе суффикс *-е-*, а не *-не-*. Элемент *-не-*, которым различаются слова типа *влага* – *влажнеть*, не является словообразовательным аффиксом, не функционирует в системе как словообразовательный формант, способный как целое участвовать в одном акте словообразования. Такими же отрезками являются, например, *-ни(ть)* в *грязнить* (*грязь*, *грязный*), *-озность* в *религиозность* (*религия*, *религиозный*) и мн. др.» [Лопатин, Улуханов 2016: 24].

Широко понимает мотивационные отношения А.Н. Тихонов: «Мотивационными следует считать любые отношения однокоренных слов, если одно из них входит в семантику другого, если одно из этих слов можно истолковать через другое, несмотря на то, что они не образуют словообразовательной пары» [Тихонов 1985: 37]. А.Н. Тихонов приводит следующие примеры мотивационных отношений: «*красный* – *раскраснеться* ('стать сильно красным'), *лед* – *заледеневать* ('покрываться льдом'), *вода* – *обезвоживаться* ('лишиться воды'). При этом словообразовательные цепочки выглядят следующим образом: *красный* → *краснеть* → *раскраснеться*, *лед* → *леденеть* → *заледенеть* → *заледеневать*, *вода* → *обезводить* → *обезвоживать* → *обезвоживание*» [Тихонов 1985: 37]. Соответственно, по А.Н. Тихонову, «мотивационные отношения обнаруживаются между словами, стоящими в начале и конце словообразовательной цепочки и отделенными друг от друга несколькими словообразовательными шагами. Иначе говоря, не всякое мотивационное отношение одновременно выступает и как словообразовательное» [Тихонов 1985: 37]. Сходным образом определяет опосредствованную мотивацию и И.А. Ширшов. «Опосредствованные мотивации — это словообразовательные

отношения между конечным звеном полной цепи и предшествующими звеньями, кроме предпоследнего» [Ширшов 1981: 32].

В нашем исследовании в центре изучения находятся словообразовательные мотивационные отношения, когда производное отличается от производящего одним формантом и производящее используется в толковании производного. По И.С. Улуханову, это непосредственная мотивация. Широкие мотивационные отношения между однокоренными словами в тексте (так, как они представлены в «Словообразовательном словаре» А.Н. Тихонова) мы не анализируем. Только в Главе 3 мы рассматриваем нетиповую опосредствованную мотивацию – в связи с изучением словообразовательных способов выражения женскости и мотивационных связей личных имен существительных женского рода в словаре и тексте.

Стоит упомянуть о том, что В.В. Лопатин и И.С. Улуханов выделяют также и другие типы мотивации. Исходная мотивация – это «мотивация немотивированным словом, а неисходная мотивация – это мотивация мотивированным (производным) словом. Так, например, слово *познать*: *знать* → *познать* – это исходная мотивация, а *познавать* ← *познать*; *познавательный* ← *познать* – неисходная мотивация. Исходная и неисходная мотивации могут также принадлежать к непосредственной или опосредствованной мотивациям» [Лопатин, Улуханов 2016: 24]. Регулярная мотивация – это «такая мотивация, члены которой различаются неуникальными (общепринятыми) словообразовательными средствами» [Там же]. Общепринятое словообразовательное средство – это регулярные аффиксы, например, *учи-тель*, *води-тель*, *изда-тель*, *чита-тель*.» [Там же]. Нерегулярная мотивация – это мотивация, «члены которой различаются уникальными словообразовательными средствами. С помощью этих средств не различаются члены других мотиваций, например: *пасти* – *пастух*, *стекло* – *стек-лярус* (непосредственные нерегулярные мотивации)» [Там же].

Для нашего исследования важно определение неединственной мотивации, т.е. мотивации одного и того же слова несколькими словами, «отличающимися от мотивированного равным количеством формантов» [Лопатин, Улукханов 2016: 25]. Например, у существительного *неравенство* две непосредственные мотивации: оно может быть произведено от прилагательного *неравный* при помощи суффикса *-ство* (*неравен-ств-о* ← *неравный*), но также и от существительного *равенство* при помощи префикса *-не* (*не-равенство* ← *равенство*). Неединственными являются также непосредственные мотивации отглагольного существительного *проверка*: оно может быть мотивировано не только глаголом несовершенного вида *проверять* (*провер-к-а* ← *провер-я-ть*), но и глаголом совершенного вида *проверить* (*провер-к-а* ← *провер-и-ть*), здесь при обеих мотивациях формант один и тот же – суффикс *-к(а)* [Там же].

Явление множественной мотивации подробно рассматривается в работах И.А. Ширшова. Это понятие в его «Толковом словообразовательном словаре русского языка» обозначается двумя терминам – полимотивированность и поликоррелятивность. Полимотивированность – это выводимость одного производного из разных производящих, рассмотренные выше дериваты *неравенство*, *проверка* являются полимотивированными. Под поликоррелятивностью понимается явление, когда «производное разными своими значениями обращено к разным производящим» [Ширшов 2004: 12]. Например, существительное *пилка* мотивируется двумя словами – *пила* и *пилить*. В случае, когда производное *пилка* образуется от существительного *пила*: (*пил-к-а* ← *пил(а)*), оно имеет значение ‘маленькая пила’, а когда то же самое производное образуется от глагола *пилить*: (*пил-к-а* ← *пил(и-ть)*), оно имеет транспозиционное значение, при котором полностью сохраняются все компоненты значения производного и производящего слова, кроме общего грамматического значения части речи: *пилить* (глагол), *пилка* (существительное, выражающее действие). Соответственно, варьирование производных баз при полимотивированности реализуется в рамках одного лексического значения, а

при поликоррелятивности связано с разными значениями. Все остальные мотивации являются единственными, например, *стол* → *столик*; *огромный* → *преогромный* и *студент* → *студентка*, поскольку во всех этих словах только одна мотивация.

Как уже было отмечено, неединственная мотивация является основным предметом нашего исследования, поэтому подробно это понятие мы рассматриваем в Главе 2 (раздел 2). В дальнейшем мы опираемся на теории неединственной мотивации, разработанные И.С. Улухановым (в сотрудничестве с В.В. Лопатиным) [Улуханов 2005, Улуханов, Лопатин 2016] и И.А. Ширшовым [1981]. Выборка полимотивированных слов реализуется на материале «Толкового словообразовательного словаря русского языка» (ТСС) И.А. Ширшова.

5. Выводы

В конце данной главы мы хотели бы ещё раз схематично представить структуру классификаций, связанных с мотивированностью, в работах В.В. Лопатина, Е.А. Земской, И.А. Ширшова, И.С. Улуханова.

Классификация В.В. Лопатина [Лопатин 1975: 267-271] является одной из первых классификаций степеней мотивированности по степени семантической связанности мотивирующего и мотивированного слова, она включает в себя 3 типа словообразовательной мотивации:

1. нормальная мотивация (*учитель* ← *учить*);
2. переносная мотивация (*пролаза* ← *пролезть*);
3. метафорическая мотивация (*небоскреб*).

Классификация Е.А. Земской [Земская 1984: 337-349] отражает виды семантических связей производного слова с производящим и строится на характере реализации в мотивированном слове мотивирующей семантики (семантики производящего слова). Е.А. Земская выделяет следующие типы словообразовательной мотивации:

1. Основная и периферийная мотивации (*столик* ← *стол*; *кашевар* ← *каша*);

2. Прямая и переносная мотивации (*школьник* ← *школа*);
 - 2а. переносная реальная мотивация (*петушиться* ← *петух*);
 - 2б. переносная ассоциативная мотивация (*школьничать* ← *школьник*);
3. Образная мотивация (*молокосос* ← *молоко* + *сосать*).

И.А. Ширшов в своем исследовании [Ширшов 1995: 47-54] разработал шкалу степеней мотивированности, которая описывает все типы отношений между производными и производящими, а также учитывает явления диахронии и синхронии. Таким образом, шкала мотивированности И.А. Ширшова включает в себя следующие типы:

1. Полная мотивированность:
 - 1а. Прямая мотивированность (*каменный* ← *камень*);
 - 1б. Переносная мотивированность (*выкусить* ← *кусать*);
 - 1в. Периферийная мотивированность (*бельё* ← *белый*);
2. Частичная мотивированность:
 - 2а. Косвенная мотивированность (*столярный* ← *стол*);
 - 2б. Метафорическая мотивированность (*змеиться* ← *змея*);
 - 2в. Ассоциативная мотивированность (*шулерничать* ← *шулер*);

Шкала мотивированности И.С. Улуханова строится на «следующих параметрах:

1. Степень вхождения мотивирующей семантики в значение мотивированного слова;
2. Степень заполнения значением мотивирующего слова значения мотивированного слова;
3. Статус формируемого значением мотивирующего слова значения мотивированного (денотативное или ассоциативное);
4. Функция (описательная, сопоставительная, экспрессивная) мотивирующей семантики по отношению к мотивированной» [Улуханов 1992: 83-95].

Классификация, предложенная И.С. Улухановым, включает:

1. исходную и неисходную мотивации (*познать* ← *знать*; *познавать* ← *познать*);
2. опосредствованную и непосредственную мотивации (*накрахмалить* ← *крахмал*; *накрахмаливать* ← *крахмалить*);
3. регулярную и нерегулярную мотивации (*учитель* ← *учить*; *пастух* ← *пасти*);
4. единственную и неединственную мотивации (*домик* ← *дом*; *неравенство* ← *равенство* или *неравный*);

Шкала, разработанная И.С. Улухановым представляется нам наиболее убедительной, в диссертации мы будем строить наш анализ, опираясь прежде всего на неё. Предметом данного исследования является неединственная мотивация, которая занимает важное место в системе типов мотивации И.С. Улуханова. В работах И.А. Ширшова неединственная мотивация входит во множественную мотивацию, которая, как мы уже отмечали, может быть двух типов – как поликоррелятивность и полимотивированность. Мы используем также термины И.А. Ширшова «множественная мотивация» (как синоним неединственной) и «полимотивированность». Кроме того, учитываются также термины И.С. Улуханова «непосредственная» и «опосредствованная мотивация».

ГЛАВА 2. НЕЕДИНСТВЕННАЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Вступление

Основное внимание в данной главе мы уделяем неединственной мотивации, как системному явлению, широко представленному в современном русском языке и требующему, с нашей точки зрения, более глубокого исследования с привлечением обширного языкового материала.

В самом общем виде можно сказать, что в русском языке при единственной мотивации производное слово мотивировано одним словом (или несколькими словами, если речь идет об образовании сложного слова), а при неединственной мотивации в качестве мотивирующей базы может выступать несколько слов, тем самым актуализирующих разные деривационные связи производного слова. Большинство производных слов в русском языке имеют единственную мотивацию, например *книжник* ← *книга*, *цветочек* ← *цветок*, *чтение* ← *читать*, *столик* ← *стол*, *красота* ← *красивый*, *получатель* ← *получать*, *стеклянный* ← *стекло*. Но в русской словообразовательной системе нередко встречаются случаи, когда одно и то же производное мотивировано несколькими словами, «отличающимися от мотивированного равным количеством формантов» [Улуханов 1977: 43]. Например, слово *неравенство* может быть произведено от прилагательного *неравный*, но также и от существительного *равенство*. Аналогичные мотивационные отношения наблюдаются в русском языке и у отвлеченного существительного *безответственность*: оно может быть мотивировано прилагательным *безответственный*, а также бесприставочным отвлеченным существительным *ответственность*. Подобным образом, производное *вероотступничество* может быть связано с мотивирующим словом с номинацией лица *вероотступник*, а может пониматься и как образованное более сложным, комбинированным способом: сложением основ *вера* и *отступничество* при помощи соединительного элемента – интерфикса *-о-*. И.А. Ширшов считал, что «множественность мотивации – не частное явление, лежащее на периферии

словообразовательной системы, она принадлежит системе и порождается разнонаправленными связями, функционирующими в словообразовании» [Ширшов 1981: 4]. В российской лингвистике мотивация изучается с точки зрения как системных, так и семантических отношений между производным словом и его мотивирующим. В данной главе анализируется обусловленная словообразовательной системой неединственная мотивация, которую мы верифицируем в тексте, используя корпусные методы исследования. На материале Национального корпуса русского языка проверяется реализация в пределах одного предложения мотивационных связей между дериватом и его мотивирующей базой. При этом мы исходим из класса полимотивированных слов, представленных в «Толковом словообразовательном словаре русского языка» И.А. Ширшова.

2. Теории неединственной мотивации

Явление неединственной мотивации (другие термины: множественная мотивация, полимотивация, двойная мотивация) активно изучалось русскими лингвистами XX века, это явление впервые было отмечено В.В. Виноградовым и Г.О. Винокуром, рассмотревшими двойную возможность формирования слова, обусловленную его смысловыми связями. Так, В.В. Виноградов писал: «...Двойная возможность членения слова во многих случаях зависит от смысловых связей этого слова. Например, слово *бродяжничество* может быть соотнесено со словом *бродяга* и со словом *бродяжничать*; в зависимости от того или иного осмысления оказывается и понимание морфологического состава этого слова: *бродяж-ни-честв-о* или *бродяжничеств-о*, ср. *кустарничество* от *кустарь* или *кустарничать*» [Виноградов 1952: 53]. Г.О. Винокур в статье «Заметки по русскому словообразованию» обратил внимание на то, что «производное слово в зависимости от своего значения может быть связано с разными однокоренными словами. Например, слово *учительство*, если имеет значение ‘занятие того, кто учит’, мотивировано глаголом *учить*, а если называет класс учителей, то связано

мотивационными связями с существительными *учитель*» [Винокур 1959: 434]. Как видим, общим в работах обоих лингвистов является акцентирование внимания на способности производного слова по-разному члениться. Но В.В. Виноградов и Г.О. Винокур вели речь о разных явлениях. Так, если В.В. Виноградов изучал «двойную возможность членения» производного в одном значении, то Г.О. Винокур анализировал многозначное слово и рассматривал его через понятие «омонимия словообразовательной формы». Вследствие этого возникло два направления: первое исследовало связь производного в одном значении с двумя производящими, второе обращало внимание на то, что каждый лексико-семантический вариант производного характеризуется своей словообразовательной формой.

Явление, названное «омонимией словообразовательной формы», рассматривается в работах Н.М. Шанского. По его мнению, «омонимия словообразовательной формы может наблюдаться и в пределах одного и того же слова» и проявляется она в способности слова делиться на разные части» [Шанский 1959: 21]. Так, анализируя слово *стяжательство*, Н.М. Шанский отмечает, что слово *стяжательство* может члениться на *стяжа-тельств(о)* и *(стяжа-тель)ств(о)* в зависимости от того, соотносится ли оно со словом *стяжать* или со словом *стяжатель*. Если на первый план в слове *стяжательство* выдвигается значение действия, будет правильным его деление на *стяжа-тельств(о)*. Если на первый план в этом слове выступает значение состояния, будет правильным его деление на *(стяжа-тель)ств(о)* [Там же]. Эту же омонимию словообразовательной формы мы наблюдаем в словах *топотня*: *топ-отн(я)* от *топать*, *(топ-от)-ня* - от *топот*; *нескромность*: *не (скромн-ость)* от *скромность*. *(не-скромн-)-ость* от *нескромный*; *пустяковина*: *(пустяк)-овин(а)* от *пустяк*, *(пуст-як)-ов/ин(а)* от *пустяковый* и т.п. [Шанский 1959: 21].

В теорию множественной мотивации с самого начала уже была заложена возможность разной интерпретации производного слова, что и получило свое развитие в дальнейших исследованиях. За последние годы в русской лингвистике

сформировалось несколько пониманий множественной мотивации, таких, как 1) омонимии словообразовательной формы, 2) множественность мотивации, 3) множественность словообразовательной структуры слова.

Данное направление разрабатывается В.В. Лопатиным и И.С. Улухановым. Множественность мотивации рассматривается на фоне одномотивированных слов типа *домик, горный, утюжить* и определяется как возможность образования одного производного от двух и более производящих [Лопатин, Улуханов 1969: 12], например *нелогично* ← *нелогичный*, *нелогично* ← *логично*; *неверность* ← *неверный*, *неверность* ← *верность*. В.В. Лопатин и И.С. Улуханов разработали теоретические положения этого понятия. «Неединственные мотивации – это мотивации одного и того же слова несколькими словами, отличающимися от мотивированного равным количеством формантов: *неравенство* от *неравный* и *равенство*» [Лопатин, Улуханов 1977: 43]. В.В. Лопатин также рассматривает случаи неединственной мотивации, «когда ни семантические, ни формальные основания не дают возможности предпочесть одно из двух (или более) однокоренных слов в качестве непосредственно мотивирующего для данного производного слова: *нежизненность* от *нежизненный* и *жизненность*» [Лопатин 1977: 92]. Кроме того, В.В. Лопатин использовал критерий системности: «... понятие множественности мотивации целесообразно использовать только в тех случаях, когда каждая из параллельных мотиваций представлена в части такой же структуры в качестве единственной» [Лопатин 1972: 100].

А.Н. Тихонов в своих работах уделял внимание различиям словообразовательной структуры слова при его производности из разных производящих основ. Анализируя существующие в науке термины «омонимия словообразовательной формы» и «множественность мотивации», А.Н. Тихонов пишет: «На наш взгляд, оба эти термина не отражают существа изучаемого явления. Основной их недостаток заключается в том, что они не выражают главного признака таких слов – способности по-разному члениться, имея несколько структур» [Тихонов 1970: 84]. Мотивированные с одним лексическим

значением типа безбилетник: *безбилет-ник* от *без-билета* и *безбилет-ник* от *безбилетный*, а также производные с двумя значениями: *учитель-ство* от *учитель* и *учи-тельство* от *учить* – рассматриваются Тихоновым как многоструктурные. Различие этих явлений очевидно: варьирование структуры слова *безбилетник* происходит в пределах одного лексического значения производного, в то время как варьирование структуры слова *учительство* связано с обозначением разных лексико-семантических вариантов одного слова. А.Н. Тихонов пишет: «Во всех рассмотренных случаях множественность смысловой структуры слова находит выражение в разной членимости слова» [Тихонов 1970: 88]. В работах А.Н. Тихонова акцентировано внимание не только на различии словообразовательных структур многомотивированных производных, но и на их семантическую интерпретацию, что в определенной степени продвинуло изучение рассматриваемой проблемы вперед.

Итак, для обозначения рассматриваемого явления в рассмотренных работах предложены следующие термины: 1) омонимия словообразовательной формы (Г.О.Винокур, Н.М. Шанский); 2) неединственная, или множественная, мотивация (В.В. Лопатин, И.С. Улукханов); 3) множественность словообразовательной структуры слова (А.Н Тихонов).

Большое внимание множественной мотивации уделял И.А. Ширшов, этому вопросу посвящена его монография: «Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке» [1981], важное место это понятие занимает и в его «Толковом словообразовательном словаре русского языка» (ТСС). Он выделял два типа неединственной мотивации – полимотивированность и поликоррелятивность. Рассмотренный выше дериват *неравенство* является полимотивированным, а пример Г.О. Винокура *учительство* – поликоррелятивным: «производное разными своими значениями обращено к разным производящим». Соответственно, варьирование производных баз при полимотивированности реализуется в рамках одного лексического значения, а при поликоррелятивности связано с разными значениями. Явление

поликоррелятивности рассматривается в следующем разделе.

2.1. Поликоррелятивность в «Толковом словообразовательном словаре русского языка» И.А. Ширшова

2.1.1. О словаре И.А. Ширшова

Свое исследование мы построили на данных упомянутого выше «Толкового словообразовательного словаря русского языка» И.А. Ширшова (в дальнейшем, как уже было отмечено, мы используем сокращение ТСС), в котором слова последовательно характеризуются с точки зрения наличия множественной мотивации.

Изданный в 2004 году словарь И.А. Ширшова является образцом комплексного гнездового толково-словообразовательного словаря, в котором реализована гнездовая структура расположения слов и при этом введены принципы определения границ синхронного словообразовательного гнезда. В словаре автором анализируются 37000 слов русского языка и перечисляются все производные с одним корнем в пределах одного словообразовательного гнезда. Подобным образом в словаре описывается около 2000 таких комплексных единиц.

Важно отметить, что «гнездо – это комплексная единица словообразования, разными своими сторонами повернутая к лексике, морфемике, деривации» [Ширшов 2004: 6]. В отличие от морфемного и лексического гнезда словообразовательное гнездо – это «группировка однокоренных слов, упорядоченных отношениями производности, с фиксацией ступеней словообразования и словообразовательной структуры каждого производного слова» [Ширшов 2004: 6]. Однако «словообразовательное гнездо не объективирует лексико-словообразовательные связи слов. Эта задача решается в толково-словообразовательном гнезде, которое сочетает в себе два аспекта – семантический и структурный» [Ширшов 2004: 6]. Соответственно, «толково-словообразовательное гнездо представляет собой группировку

однокоренных слов с фиксацией лексических значений и словообразовательной структуры производных» [Ширшов 2004: 6]. По мнению автора, однако, его нельзя считать «механическим соединением лексического и словообразовательного гнезда, оно представляет собой своеобразный сплав того и другого, раздельное описание их не дает целостного представления о языке» [Ширшов 2004: 7]. Благодаря этому толково-словообразовательный словарь И.А. Ширшова наглядно демонстрирует деривационные возможности слов и корней и тем самым способствует изучению русского языка как иностранного.

2.1.2. Понятие поликоррелятивности

Термин поликоррелятивности выражает другой тип множественной мотивации, при которой все значения многозначного слова мотивируются разными производящими: «скрепленные общей корневой морфемой, эти значения не распадаются на омонимы, а сосуществуют внутри одного производного» [Ширшов 2004: 12]. Например, в слове *пилка* основа *пил-* выступает в разных значениях: 1) предметном: *пил-к-а* ← *пил(а)*, в этом случае мы имеем дело с использованием суффикса *-к-* в модификационном значении, т.е. он привносит дополнительный смысловой компонент (*пилка* = ‘маленькая пила’), при этом не меняя часть речи производного слова *пила* (существительное); 2) процессуальном: *пил-к-а* ← *пил(и-ть)*, суффикс *-к-* в данном случае имеет транспозиционное значение, при котором полностью сохраняются все компоненты значения производного и производящего слова, кроме общего грамматического значения части речи: *пилить* (глагол), *пилка* (существительное, выражающее действие) [Ширшов 2004: 12]. Таким образом, поликоррелятивность сопровождается множественностью словообразовательной структуры, то есть производное, имеющее два и более мотивирующих, может члениться по-разному [Там же].

Важно отметить, что поликоррелятивность отличается от полимотивированности тем, что подразумевает многозначность производного, тогда как полимотивированность предполагает наличие лексической однозначности «при выводимости одного производного из разных

производящих» [Ширшов 2004: 12]. Так, существительное *авангардистка* мотивируется двумя словами – *авангардизм* и *авангардист*, *авангард-истк-а* «сторонница авангардизма» и *авангардист-к-а* «женск. к авангардист». Слово *авангардистка* является однозначным, хотя может быть мотивировано двумя производящими. По словам И.А. Ширшова, «здесь происходит нейтрализация разных словообразовательных типов, в точке пересечения которых оказывается одно производное» [Там же]. В тех случаях, когда имеется разный источник формирования одного и того же значения, можно говорить о полиструктурности производного.

Приведем ещё несколько примеров поликоррелятивности. Так, глагол *приговаривать* мотивируется двумя глаголами – *говорить* и *приговорить*. *При-говар-ива-ть* образован от глагола *говорить* при помощи префикса *при-* и суффикса *-ива-* – [говор(и-ть) → при-говар-ива-ть] [ТСС: 220] и имеет значение ‘говорить (во 2 знач.), делая что-л.; сопровождать что-л. словами’, например, *шьет и приговаривает*. *Приговар-ива-ть* образован от глагола *приговорить* при помощи суффикса *-ива-* – [приговор(и-ть) → приговар-ива-ть] [Там же] в значении ‘несов. к приговорить’, например, *приговаривают к высшей мере не часто*.

Прилагательное *разборчивый* имеет два основных значения: первое значение – ‘хорошо в чем-л, разбирающийся (во 2 знач.), требовательный’, например, *разборчивый покупатель*. В этом случае оно образовано от глагола *разобраться* при помощи суффикса *-чив-* – [разобр(а-ть-ся) → разбор-чив-ый] [ТСС: 102]. Другое его значение: ‘такой, который легко разобрать (в 3 знач.), четкий.’, например, *разборчивый почерк*. В этом случае оно мотивировано невозвратным глаголом *разобрать* при помощи суффикса *-чив-* – [разобр(а-ть) → разбор-чив-ый] [Там же].

Глагол *отвертеться* представлен в словаре в двух основных значениях: первое значение – ‘отвернуться, отвинтиться (к 1 знач. глал. отвертеть)’, например, *гайка отвертелась*. В этом случае он образован от глагола *отвертеть*

при помощи добавления постфикса *-ся* – [отвертеть → отвертеться] [ТСС: 146]. Второе его значение такое: ‘суметь избежать чего-л с помощью уловок, ухищрений; уклониться (к 6 знач. глаг. вертеться) (разг.)’, например, *отвертеться от поездки*. В этом случае он мотивирован возвратным глаголом *вертеться* при помощи префикса *от-* – [вертеться → от-вертеться] [Там же].

Глагол *увязаться* зафиксирован в словаре в трех основных значениях: первое значение – ‘стать увязанным (в 1 знач.), а также упаковаться, уложиться’, например, *увязались и поехали на станцию*. В этом случае он образован от глагола *увязать* при помощи добавления постфикса *-ся* – [увязать → увязаться] [ТСС: 196]. Второе его значение – ‘оказаться с чем-л. увязанным (во 2 знач.)’, например, *предлагаемые решения так и не увязались с плановым заданием*. В этом случае он также мотивирован глаголом *увязать* при помощи добавления постфикса *-ся* – [увязать → увязаться] [Там же]. Третье его значение такое: ‘пойти, неотступно следуя за кем-чем-л. без приглашения (к 3 знач. глаг. вязаться).’, например, *за ребятами увязался щенок*. В этом случае он мотивирован возвратным глаголом *вязаться* при помощи префикса *у-* – [вязаться → у-вязаться] [Там же].

Таким образом, поликоррелятивность указывает на наличие полисемии у производного слова и выражает другой тип множественной мотивации. Это явление заслуживает специального исследования, так как оно является важным признаком полисемии и важной частью неединственной мотивации, но в нашей диссертационной работе оно подробно не рассматривается.

3. Полимотивированность в «Толковом словообразовательном словаре русского языка» И.А. Ширшова

3.1. Типы полимотивированных существительных и наречий с приставками *не-* и *без-*

В данном разделе основное внимание уделено анализу полимотивированности, когда производное слово с одним и тем же значением может быть связано с двумя (и редко, с тремя) мотивирующими базами. По

нашим наблюдениям, полимотивированность встречается у производных слов определенной структуры и заложена в самой словообразовательной системе. Полимотивированность – это «системное явление, которое для некоторых словообразовательных типов является регулярным» [Ширшов 2004: 6]. По материалу всего словаря мы исследовали 4 словообразовательные модели: существительные на *-ость* с приставками *не-* и *без(с)-*; наречия на *-о* с приставками *не-* и *без(с)-*.

Двойная мотивация регулярно обнаруживается у существительных с суффиксом *-ость* и с приставкой *не-* (тип *независимость*). Например, слово *несвязность* является полимотивированным, в словообразовательной системе оно может мотивироваться двумя словами – *связность* и *несвязный*, ср. *не-связность* ('отсутствие связности') и *несвязн-ость* ('свойство по прил. *несвязный*'). «Слово *несвязность* однозначно, несмотря на выводимость из двух мотивирующих: здесь происходит нейтрализация разных словообразовательных типов, в точке пересечения которых оказывается одно производное» [Ширшов 2004: 12]. Оказалось, что в словаре И.А. Ширшова среди отвлеченных существительных с неединственной мотивацией на *-ость* преобладают существительные с приставкой *не-*. Таких существительных насчитывается всего 83 (а всего существительных на *-ость* и приставкой *не-* в словаре 176): *неадекватность*, *неблагопристойность*, *невежливость*, *невезучество*, *неверность*, *невменяемость*, *невразумительность*, *невыгодность*, *негласность*, *неграмотность*, *недоговоренность*, *независимость*, *незатейливость*, *незначительность*, *неизмеримость*, *неласковость*, *нелогичность*, *нелюбезность*, *немногочисленность*, *ненадобность*, *ненамеренность*, *необоснованность*, *необщительность*, *необъективность*, *необязательность*, *неодушевлённость*, *неопределённость*, *неопытность*, *неорганизованность*, *неограниченность*, *неосновательность*, *неосторожность*, *неосуществимость*, *неосвязаемость*, *неофициальность*, *неощутимость*, *неощутительность*, *непитательность*, *неплатёжеспособность*, *неплодородность*, *неплодотворность*, *неплотность*,

неповоротливость, непокорливость, непокорность, неполитичность, неполноправность, неполноценность, неправильность, неправомерность, неправомотность, неправомотность, непрактичность, непреднамеренность, непрерывность, непригодность, непритязательность, непродуктивность, непроницаемость, непрочность, неработоспособность, неравномерность, неравноправность, нераспаханность, нерациональность, нерешимость, неровность, неродовитость, несвоевременность, нескромность, неслаженность, несоизмеримость, несоразмерность, нетерпеливость, нетрудоспособность, неубедительность, неуживчивость, неумеренность, неуместность, нечистоплотность, нечувствительность, нечуткость, неэкономичность.

На первый взгляд может показаться, что аналогичная картина наблюдается и в словообразовательном типе существительных с суффиксом *-ость* и приставкой *без(с)-*. Например, дериват *безграмотность*, который может быть образован суффиксальным способом от приставочного прилагательного *безграмотный* и префиксальным способом от отвлеченного имени *грамотность*. Аналогичными словообразовательными способами производное слово *безопасность* может быть мотивировано прилагательным *безопасный* и существительным *опасность*; слово *бесчеловечность* может быть образовано от *бесчеловечный* и *человечность*. Но оказалось, что в ТСС среди 77 существительных этого типа (*безалаберность, безапелляционность, безбедность, безбожность, безболезненность, безбоязненность, безбрежность, безбровость, безвестность, безветренность, безвинность, безводность, безвозбранность, безвозвратность, безвольность, безвременность, безголовость, безграмотность, безграничность, бездарность, бездетность, бездеятельность, бездоказательность, бездуховность, безжалостность, безжизненность, беззаботность, беззаветность, беззвучность, безмозглость, безмятежность, безнадежность, безнадзорность, безобидность, безоблачность, безобразность, безоговорочность, безопасность, безосновательность, безответственность, безотносительность, безошибочность, безрадостность, безубыточность, безыдейность*,

бесклассовость, бесконечность, беспамятность, беспартийность, бесперебойность, беспечность, бесплановость, бесплатность, бесплодность, бесповоротность, бесполезность, беспомощность, бесправность, непрерывность, беспризорность, беспробудность, беспросветность, бессвязность, бессердечность, бессловесность, бессменность, бессмертность, бессмысленность, бессовестность, бесформенность, бесхитростность, бесхозяйственность, бесцветность, бесценность, бесчеловечность, бесчисленность, бесчувственность) всего лишь 8 имен с неединственной мотивацией: *безграмотность, бездуховность, безмятежность, безопасность, безответственность, безубыточность, бессердечность, бесчеловечность.*

Столь значительные количественные расхождения между двумя типами существительных объясняются прежде всего тем, что некоторые мотивирующие существительные без приставки *без(с)-* или вообще не употребляются, или имеют другое значение. Так, по ТСС , 35 производных слов, таких как *безалаберность, безапелляционность, безбожность, безбоязненность, безбрежность, безбровость, безветренность, безвестность, безвинность, безвозбранность, безголовость, безграничность, бездарность, бездетность, безжалостность, беззаботность, беззаветность, безмозглость, безнадзорность, безобидность, безоговорочность, беспамятность, бесперебойность, беспечность, бесплодность, бесповоротность, беспомощность, бесправность, беспризорность, беспробудность, беспросветность, бессмысленность, бессовестность, бесформенность, бесхитростность* являются одномотивированными: они образованы от соответствующих прилагательных *безалаберный, безапелляционный, безбожный, безбоязненный, безбрежный, безбровый, безветренный, безвестный, безвинный, безвозбранный, безголовый, безграничный, бездарный, бездетный, безжалостный, беззаботный, беззаветный, безмозглый, безнадзорный, безобидный, безоговорочный, беспамятный, бесперебойный, беспечный, бесплодный, бесповоротный, беспомощный, бесправный, беспризорный, беспробудный, беспросветный, бессмысленный,*

бессовестный, бессформенный, бесхитростный. Второй тип мотивации в данном случае не реализован, так как существительные **алаберность, *апелляционность, *божность, *боязненность, *брежность, *бровость, *ветренность, *вестность, *винность, *возбранность, *головость, *граничность, *дарность, *детность, *жалостность, *заботность, *заветность, *мозглость, *надзорность, *обидность, *оговорочность, *памятность, *перебойность, *печность, *плодность, *поворотность, *помощность, *правность, *призорность, *пробудность, *просветность, *смысленность, *совестность, *форменность, *хитрость* не зафиксированы в русских толковых словарях. У слов *безводность, безвольность, безжизненность, беззвучность, безосновательность, бессвязность, бессловесность, бессменность, бесцветность, бесчисленность, бесчувственность* также только одна мотивирующая база (*безводный, безвольный, безжизненный, беззвучный, безосновательный, бессвязный, бессловесный, бессменный, бесцветный, бесчисленный, бесчувственный*), так как существительные *водность, вольность, жизненность, звучность, основательность, связность, словесность, сменность, цветность, численность, чувственность* имеют другие значения, не связанные непосредственно с семантикой названных отвлеченных существительных. Например, слово *беззвучность* является, по словарю Т.Ф. Ефремовой, отвлеченным существительным от прилагательного *беззвучный* со значениями ‘не издающий звуков; лишенный звуков, не сопровождаемый звуками; лишённый звучности; глухой; едва слышный’, а слово *звучность* в словаре Д.Н. Ушакова определяется как ‘насыщенность звуками, полновесность звуков, мелодии: *звучность оркестра*’. Итак, между словами *беззвучность* и *звучность* отсутствует семантическая связь. Приведем еще несколько примеров. Слово *невольность* в Словаре С.И. Ожегова имеет следующее толкование: ‘признак *невольный*: совершенный без умысла, произвольный, случайный’, а слово *вольность* в этом же словаре имеет несколько значений ‘признак прилагательного *вольный*; свобода, независимость (устар.): *борьба за вольность*; непринуждённость:

излишняя вольность в обращении; отступление от правил, от нормы в чём-нибудь: *поэтические вольности*; преимущество, льгота (стар.): *казацкие вольности*'. В толковании этих двух слов ясно отмечается, что значения слов *вольность* и *невольность* совсем разные, поэтому *вольность* не рассматривается как мотивирующая база к слову *невольность*. Что касается слов *бессловесность* и *словесность*, в Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой *бессловесность* определяется как отвлеченное существительное от прилагательного *бессловесный* в значении: 'молчаливый, неразговорчивый', а слово *словесность* в Толковом словаре Д.Н. Ушакова имеет четыре значения: 'творчество, выражающееся в слове, как устном, так и письменном, словесное творчество: теория словесности; совокупность произведений такого творчества какого-нибудь народа: *народная словесность, устная словесность, история русской словесности*; филологические науки (лингвистика, стилистика, литературоведение и пр.; устар.): *заниматься словесностью*; слова, разговоры вместо дела (разг. шутол. пренебр.): *это только одна словесность*; занятия с солдатами для изучения воинских уставов (дорев.)'. В данном случае легко заметить, что нет никакой семантической связи между этими словами. Что касается слов *бесчисленность* и *численность*, то в Толковом словаре С.И. Ожегова слово *бесчисленность* трактуется как 'очень большой по количеству, неисчислимый: бесчисленные толпы', а слово *численность* в Толковом словаре Д.Н. Ушакова определяется как 'количественный размер, численный состав: численность населения'. Таким образом, эти два слова имеют разные значения и не связаны между собой семантически.

Двойные мотивационные отношения характеризуют также качественные наречия на -о с приставками *без(с)-* и *не-* (*беззлбно* ← *злбно*, *беззлбно* ← *беззлбный*; *безмятежно* ← *мятежно*, *безмятежно* ← *безмятежный*; *бессердечно* ← *сердечно*, *бессердечно* ← *бессердечный*; *небогато* ← *небогато*, *небогато* ← *небогатый*; *неестественно* ← *естественно*, *неестественно* ← *неестественный*; *ненормально* ← *ненормальный*, *ненормально* ← *нормально*; *нелогично* ← *логично*, *нелогично* ← *нелогичный*;). При этом количественное

соотношение одно- и полимотивированных наречий с приставками *не-* и *без(с)-* сходно с рассмотренными выше существительными, содержащими эти приставки. Наречий на *-о* с приставкой *не-* в ТСС всего 135 (*небезобидно, небезопасно, небезразлично, бесплодно, бесполезно, небогато, небоязливо, небрежно, неважно, неведомо, невежливо, невкусно, невозмутимо, невообразимо, невразумительно, невыгодно, невыносимо, неглупо, негусто, недавно, недалеко, недопустимо, недостойно, неестественно, нежданно, нежирно, незадолго, незамедлительно, незаметно, неизмеримо, неистово, неколебимо, некрасиво, неладно, неласково, нелегко, неловко, нелогично, нелюбезно, нелюдимо, немало, немедленно, немилостиво, немного, немолчно, немудрено, немыслимо, ненадолго, ненатурально, ненормально, необоснованно, необратимо, необъективно, неодолимо, неожиданно, неопасно, неоправданно, неопределённо, неорганизованно, неосторожно, неотвратно, неотлучно, неотрывно, неофициально, неохотно, неоценимо, неощутимо, неощутительно, непедagogично, непереносимо, непечатно, неплодотворно, неплотно, неплохо, неподвижно, непоколебимо, непокорно, неполитично, неправдоподобно, неправильно, неправо, непреднамеренно, непреодолимо, непрерывно, неприлично, неприметно, непримиримо, непритязательно, непродуктивно, непроизводительно, непроницаемо, непростительно, непрочное, непрямо, неравномерно, нерадостно, неразумно, нерационально, нереально, нередко, нерешительно, неровно, нерушимо, несвоевременно, нескромно, несладко, неслаженно, неслыханно, неслышно, несоразмерно, неспокойно, нестерпимо, нестройно, несуразно, нетвёрдо, нетерпеливо, неубедительно, неудачно, неузнаваемо, неуловимо, неумеренно, неуместно, неумно, неумолимо, неумолкаемо, неумолчно, неумышленно, неустроено, нехитро, нечеловечно, нечисто, нешироко, неэкономно, неясно), при этом чуть меньше половины (59 из 135) имеют неединственную мотивацию: *небезобидно, небезразлично, бесплодно, небогато, небоязливо, неведомо, невежливо, невкусно, невразумительно, невыгодно, неглупо, негусто, недавно, недалеко,**

неестественно, неласково, нелогично, нелюбезно, немедленно, ненормально, необоснованно, неопасно, неорганизованно, неосторожно, неофициально, неохотно, неощутимо, неощутительно, непедagogично, неплодотворно, неполитично, неправдоподобно, неправильно, непреднамеренно, неприлично, непритязательно, непродуктивно, непроизводительно, непростительно, непрочное, непрямо, неравномерно, нерадостно, нерационально, нерешительно, неровно, несвоевременно, нескромно, неслаженно, несоразмерно, неспокойно, нетерпеливо, неубедительно, неудачно, неумеренно, неуместно, неумно, нечеловечно, неэкономно, а наречий на -о с приставкой без(с)- в ТСС 49 (безапелляционно, безбожно, безболезненно, безбоязненно, безвинно, безвозбранно, безвозвратно, безвыездно, безграмотно, безгранично, бездушно, беззаботно, беззлобно безмолвно, безмятежно, безобидно, безоблачно, безопасно, безосновательно, безостановочно, безотлучно, безотносительно, безошибочно, безрадостно, безразлично, безудержно, безумно, безумолчно, бесконечно, беспечально, бесплатно, бесплодно, беспокойно, бесполезно, беспомощно, непрерывно, беспросветно, беспутно, бессердечно, бессильно, бессменно, бессмертно, бессмысленно, бессовестно, бесформенно, бесхитростно, бесхозяйственно, бесцветно, бесчеловечно), и только у пяти дериватов отмечена неединственная мотивация: у таких наречий, как беззлобно, безмятежно, беспечально, бессердечно, бесчеловечно.

3.2. Анализ полимотивированных слов в 70 гнездах

3.2.1. Выбор словообразовательных гнезд для анализа. В ТСС мы обнаружили также и другие типы производных слов с неединственной мотивацией. Всего было проанализировано 70 словообразовательных гнезд, включающих производные с неединственной мотивацией с такими вершинами: авантюра, авто, акция, африка, ...бав..., баловать, близкий, болото, брат, булка, варить, вдохновить, ведать, вежливый, великий, вертеть, вести, вет, ветер, высеть, вить, породить, ...врат..., выгода, высокий, вязать, гладкий,

гнать, гнуть, говорить, годиться, гора, город, греть, гулять, далекий, дать, двигать, делать, дёргать, драть, дух, жар, жать, жить, затеять, злой, знать, калить, каприз, катить, кидать, клей, клонить, ключ, краса, крутить, лад, лепить, логика, мерить, мыть, намериться, ощутить, пачкать, плод, равный, скромный, торговать, человек. Выбор гнезд был определен предварительным анализом количества дериватов с неединственной мотивацией в отдельных гнездах. В нашу выборку попали те гнезда, в которых имеется наибольшее количество таких слов. В 70 проанализированных словообразовательных гнездах содержится 4284 производных слова, среди которых насчитывается 512 слов с неединственной мотивацией. В их число входит 135 поликоррелятивных слов (26%) и 377 полимотивированных слов (74%). Рассмотрим все типы полимотивированных слов, обнаруженных в выбранных словообразовательных гнездах, начиная с самых многочисленных, и далее в порядке убывания.

3.2.2. Тип *увеличиваться* ← *увеличивать, увеличиться*. При анализе 70 толково-словообразовательных гнёзд было выявлено, что самой регулярной неединственной мотивацией обладают возвратные приставочные глаголы несовершенного вида (НСВ) типа *прибираться, вдохновляться, развиваться, увеличиваться, связываться*. Они могут быть образованы двумя способами: 1) от соответствующих невозвратных глаголов НСВ при помощи возвратного постфикса *-ся-* типа *прибирать, вдохновлять, развивать, увеличивать, связывать*, 2) от глаголов СВ (*прибраться, вдохновиться, развиться, увеличиться, связаться*) при помощи разных суффиксов (*-а-, -я-, -ва-, -ива-, -ыва-*). Все 139 возвратных приставочных глаголов НСВ, зафиксированные в 70 толково-словообразовательных гнёздах, проявляют такую двойную мотивацию (*заболачиваться, прибираться, обвариваться, отвариваться, развариваться, свариваться, вдохновляться, увеличиться, вывертываться, завертываться, отвертываться, подвертываться, развертываться, разверчиваться, свертываться, выводиться, выветриваться, обветриваться, проветриваться, обвешиваться, увешиваться, взвиваться, обвиваться, перевиваться*,

прививаться, развиваться, свиваться, отворачиваться, перевертываться, переворачиваться, повёртываться, поворачиваться, повёртываться, поворачиваться, разворачиваться, возвышаться, повышаться, ввязываться, завязываться, обвязываться, подвязываться, привязываться, развязываться, связываться, изглаживаться, отглаживаться, разглаживаться, сглаживаться, вгибаться, выгибаться, загибаться, изгибаться, нагибаться, отгибаться, перегибаться, подгибаться, пригибаться, прогибаться, разгибаться, сгибаться, оговариваться, уговариваться, загораживаться, огораживаться, ограждать, отгораживаться, разгораживаться, нагреваться, обогреться, отогреться, перегреться, прогреться, разогреться, согреться, прогуливаться, отдаляться, удаляться, обдаваться, предаваться, продаваться, задёргиваться, издёргиваться, передёргиваться, подёргиваться, продёргиваться, обдирать, отдирать, продирать, раздирать, раззадориваться, сдирать, воодушевляться, одушевляться, жариваться, изжариваться, обжариваться, пережариваться, поджариваться, прожариваться, ужариваться, прижиматься, разжиматься, сжиматься, ужиматься, обживать, оживляться, затеваться, озлобляться, признаваться, закаливаться, закаляться, накаливаться, накаляться, перекаливаться, прокаливаться, раскаляться, докатываться, запрокидываться, отклеиваться, приклеиваться, расклеиваться, склеиваться, наклоняться, включаться, выключаться, отключаться, переключаться, подключаться, изукрашиваться, накрашиваться, окрашиваться, подкрашиваться, прокрашиваться, разукрашиваться, украшаться, накручиваться, прилепливаться, разлепляться, слепляться).

3.2.3. Личные имена существительные женского рода типа красавица. Существительные женского рода с суффиксами *-ниц(а), -чиц(а), -щиц(а), -к(а)* и др. типа *избранница, красавица, наборщица, заговорищица, прогульщица, советщица, торговка, незнакомка* также проявляют высокую степень регулярности в проявлении полимотивированности. По данным ТСС, они могут быть образованы от соответствующих существительных со значением лица

мужского рода (*избранник, красавец, наборщик, заговорщик, прогульщик, советчик, торговец, незнакомец*), а также могут быть образованы от глаголов (*торговать, избрать, прогулять*), прилагательных (*незнакомый, избанный, красивый*) и предметных существительных (*набор, совет, заговор*). По нашим подсчетам, таких существительных с неединственной мотивацией в ТСС всего 53. Приведем эти существительные: *баловница* [балов(а-ть-ся) → балов-ниц-а и балов(ник) → балов-ниц-а], *бездельница* [бездель (ник) → бездель-ниц-а и бездель(ј-е) → бездель-ниц-а], *булочница* [булочн(ый) → булочн-ица и булоч(ник) → булоч-ниц-а], *ветреница* [ветрен(ый) → ветрен-иц-а и ветрен(ик) → ветрен-иц-а], *вестница* [весть → вест-ниц-а и вест(ник) → вест-ниц-а], *горнолыжница* [горнолыжн(ый) → горнолыжн-иц-а и горнолыж(ник) → горн-о-лыж-ниц-а], *городница* [огород → огород-ниц-а и огород(ник) → огород-ниц-а], *городошница* [городк(и) → городош-ниц-а и городош (ник) → городош-ниц-а], *избранница* [избранн(ый) → избранн-иц-а и избран(ник) → избран-иц-а], *изгнанница* [изгнанн(ый) → изгнанн-иц-а и изгнанн(ик) → изгнанн-иц-а], *капризница* [капризн(ый) → капризн-иц-а и капризник → каприз-ниц-а], *ключница* [ключ(ник) → ключ-ниц-а и ключ → ключ-ниц-а], *негодница* [негодн(ый) → негодн-иц-а и негодн(ик) → негодн-иц-а], *развратница* [развратн(ый) → развратн-иц-а и развратн(ик) → развратн-иц-а], *сводница* [свод(и-ть) → свод-ниц-а и свод(чик) → свод-ниц-а]; *советница* [совет → совет-ниц-а и совет(ник) → совет-ниц-а]; *красавица* [крас(ив-ый) → крас-авиц-а и красав(ец) → красав-иц-а], *авантюристка* [авантюр(а) → авантюр-истк-а и авантюрист → авантюрист-к-а], *автомобилистка* [автомобил(изм) → автомобил-истк-а и автомобилист → автомобилист-к-а], *автомоделистка* [автомодел(изм) → автомобил-истк-а и автомоделист → автомоделист-к-а], *акционерка* [акци(ј-а) → акци-онерк-а и акционер → акционер-к-а], *африканка* [Африк(а) → африк-анк-а и африкан(ец) → африкан-к-а], *негодяйка* [негодн(ый) → негодн-яйк-а и негодяй → негодяй-к-а], *горожанка* [город → горож-анк-а и горожан(ин) → горожан-к-а], *горянка* [гор(а) → гор-янк-а и гор (ец) →

гор-янк-а], *дармоедка* [даром + ес(ть), ед(ят) → дарм-о-ед-к-а и дармоед → дармоед-к-а], *незнакомка* [незнаком(ец) → незнаком-к-а и незнаком(ый) → незнаком-к-а], *ободранка* [ободран(ец) → ободран-к-а и ободран(н-ый) → ободран-к-а], *торговка* [торгов(ец) → торгов-к-а и торгов(а-ть) → торгов-к-а], *вязальщица* [вяза(ть) → вяза-льщиц-а и вяза(льщик) → вяза-льщиц-а], *гонищица* [гон(к-а) → гон-щиц-а и гон(щик) → гон-щиц-а], *заговорищица* [заговор → заговор-щиц-а и заговор(щик) → заговор-щиц-а], *загонищица* [загон(к-а) → загон-щиц-а и загон(щик) → загон-щиц-а], *лепищица* [леп(щик) → леп-щиц-а и леп(и-ть) → леп-щиц-а], *наборщица* [набор → набор-щиц-а и набор(щик) → набор-щиц-а], *прогульщица* [прогул(я-ть) → прогуль-щиц-а и прогульщик → прогуль-щиц-а], *погонищица* [погон(к-а) → погон-щиц-а и погон(щик) → погон-щиц-а], *подборщица* [подобр(а-ть) → подбор-щиц-а и подбор(щик) → подбор-щиц-а], *сварищица* [свар(и-ть) → свар-щиц-а и свар(щик) → свар-щиц-а], *сборщица* [собр(а-ть) → сбор-щиц-а и сбор(щик) → сбор-щиц-а], *сдельщица* [сдель(щик) → сдель-щиц-а и сдель(н-ый) → сдель-щиц-а], *уборищица* [убр(а-ть) → убор-щиц-а и убор(щик) → убор-щиц-а], *вертолётчица* [вертолет → вертолет-чиц-а и вертолет(чик) → вертолет-чиц-а], *наводчица* [навод(и-ть) → навод-чиц-а и навод(чик) → навод-чиц-а], *наладчица* [налад(чик) → налад-чиц-а и налад(и-ть) → налад-чиц-а], *разведчица* [развед(к-а) → развед-чиц-а и развед(чик) → развед-чиц-а], *ответчица* [ответ → ответ-чиц-а и ответ(чик) → ответ-чиц-а], *советчица* [совет → совет-чиц-а и совет(чик) → совет-чиц-а], *вдохновительница* [вдохнови(ть) → вдохнови-тельниц-а и вдохновитель → вдохновитель-ниц-а], *избавительница* [избавитель → избавитель-ниц-а и избави(ть) → избави-тельниц-а], *избирательница* [избира(ть) → избира-тельниц-а и избиратель → избиратель-ниц-а], *издательница* [издатель → издатель-ниц-а и изда(ть) → изда-тельниц-а], *подательница* [податель → податель-ниц-а и пода(ть) → пода-тельниц-а]. Надо отметить, что не все приведенные здесь имена женщин соответствуют нашим критериям полимотивированности слова. Последняя группа имен, заканчивающиеся на *-тельница*, рассматриваются нами в Главе 3 (раздел

3.4.) как производные с опосредствованной мотивацией.

3.2.4. Тип *согреться* ← *согреть*, *греться*. Регулярную множественную мотивацию могут иметь также возвратные приставочные глаголы совершенного вида типа *развариться*, *отклониться*, *согреться*, *задушиться*, *пережариться*, *прижаться*, *озлобиться*. Они могут образовываться двумя способами: 1) от соответствующих невозвратных глаголов СВ при помощи возвратного постфикса *-ся-* типа *разварить*, *отклонить*, *согреть*, *задушить*, *пережарить*, *прижать*, *озлобить*, 2) от возвратных глаголов НСВ (*вариться*, *клониться*, *греться*, *душиться*, *жариться*, *жаться*, *зlobиться*) при помощи разных префиксов (*раз-*, *от-*, *со-*, *за-*, *пере-*, *при-*, *о-* и др.). Возвратные приставочные глаголы СВ с суффиксом *-ну-* типа *вдвинуться*, *задвинуться*, *отодвинуться*, *придвинуться*, *раздвинуться* также входят в эту группу, они могут быть образованы, как и остальные глаголы этой группы: от соответствующих невозвратных глаголов СВ при помощи возвратного постфикса *-ся-* типа *вдвинуть*, *задвинуть*, *отодвинуть*, *придвинуть*, *раздвинуть*, а также от глагола НСВ (*вдвигаться*, *зadвигаться*, *отодвигаться*, *придвигаться*, *раздвигаться*) при помощи единственно возможного суффикса *-ну-*. Таким образом, все 47 глаголов такого типа (*развариться*, *нагреться*, *отогреться*, *погреться*, *подогреться*, *разогреться*, *согреться*, *вдвинуться*, *двинуться*, *задвинуться*, *отодвигаться*, *отодвинуться*, *передвигаться*, *передвинуться*, *подвигаться*, *подвинуться*, *пододвигаться*, *придвигаться*, *придвинуться*, *продвигаться*, *продвинуться*, *раздвинуться*, *сдвигаться*, *сдвинуться*, *дёрнуться*, *задушиться*, *зажариться*, *изжариться*, *пережариться*, *прижаться*, *обозлиться*, *озлобиться*, *разозлиться*, *наклониться*, *отклониться*, *изукраситься*, *накраситься*, *окраситься*, *подкраситься*, *прокраситься*, *разукраситься*, *намылиться*, *выпачкаться*, *запачкаться*, *испачкаться*, *опачкаться*, *перепачкаться*) имеют двойную мотивацию.

3.2.5. Типы *невыгодность* ← *невыгодный*, *выгодность*; *нелогично* ← *нелогичный*, *логично*. По нашим данным, существительных на *-ость* с приставкой *не-* в словаре 176, из них 83 слова отмечены как

полимотивированные, а 93 – как одномотивированные; существительных на *-ость* с приставкой *без(с)-* в словаре насчитывается 85: 8 слов являются полимотивированными, а 77 – одномотивированными; наречий на *-о* с приставкой *не-* в словаре всего 135, при этом 59 имеют неединственную мотивацию, а 76 имеют единственную мотивацию; наречий на *-о* с приставкой *без(с)-* в словаре 49, и только у пяти дериватов отмечена неединственная мотивация, у остальных 44 неединственная мотивация отсутствует.

Как показано выше, двойная мотивация регулярно обнаруживается у существительных с суффиксом *-ость* и наречий на *-о* с приставками *не-* и *без(с)-*. Таких слов из 70 проанализированных гнезд всего 26 (*невежливость, безответственность, неповоротливость, невыгодность, непригодность, бездуховность, неодушевлённость, неуживчивость, незатейливость, незначительность, неслаженность, нелогичность, неизмеримость, несоизмеримость, несоразмерность, неумеренность, ненамеренность, непреднамеренность, неощутимость, неощутительность, неплодородность, неплодотворность, неравномерность, неравноправность, нескромность, бесчеловечность*). Отрицательные наречия на *-о* с приставкой *не-* или *без(с)-* также имеют множественную мотивацию, в нашем списке таких слов всего 18 (*неведомо, невежливо, невыгодно, недалеко, неудачно, беззлобно, неслаженно, нелогично, неумеренно, непреднамеренно, неощутимо, неощутительно, небесплодно, неплодотворно, неравномерно, нескромно, бесчеловечно, нечеловечно*).

3.2.6. Тип *нагревание* ← *нагревать, нагреваться*. Отглагольные существительные со значением действия на *-ние* (синтаксические дериваты) также имеют неединственную мотивацию. Слов, образованных по такой модели, в нашем материале всего 15 (*приближение, сближение, заболачивание, увеличение, развёртывание, повышение, развязывание, нагревание, обогревание, перегревание, подогревание, прогревание, разогревание, согревание, преднамерение*). Эти существительные образованы от пар глаголов с

постфиксом и без постфикса *-ся*: *нагревание* ← *нагревать* и *нагревание* ← *нагреваться*; *увеличение* ← *увеличить* и *увеличение* ← *увеличиться*; *повышение* ← *повысить* и *повышение* ← *повыситься*; *заболачивание* ← *заболачивать* и *заболачивание* ← *заболачивать*; *сближение* ← *сблизить* и *сближение* ← *сблизиться*. Поскольку в отглагольных существительных в русском языке не сохраняется возвратный постфикс *-ся*, получается, что отглагольное существительное может быть образовано как от возвратного, так и невозвратного глагола. В ТСС данные глаголы представлены следующим образом: *повышение* [повыс(и-ть) → повыш-ениј-е и повыс(и-ть-ся) → повыш-ениј-е] [ТСС: 193], *сближение* [сблиз(и-ть) → сблиз-ениј-е и сблиз(и-ть-ся) → сблиз-ениј-е] [ТСС: 84], *приближение* [приблиз(и-ть) → приближ-ениј-е и приблиз(и-ть-ся) → приближ-ениј-е] [ТСС: 83]. Но в подобных случаях с учетом видовых оппозиций полимотивированность может количественно возрасти, например: *повышение* ← *повысить*, *повыситься*, *повышать*, *повышаться*; *сближение* ← *сблизить*, *сблизиться*, *сближать*, *сближаться*.

Полимотивированность, обусловленная грамматической системой русского языка, когда в отглагольных существительных нейтрализуются грамматические категории залога и вида, заслуживает отдельного анализа. И.А. Ширшов этому типу полимотивированности уделял особое внимание. Он пришел к выводу, что к развитию полимотивированности в языке приводит нейтрализация оппозиций основ при деривации. «В одних случаях две основы мотивирующих слов, находящиеся в отношениях значимой оппозиции, утрачивают дифференциальные признаки и совпадают в одной архиснове (*решить*, *решать* → *решение*, *лететь*, *летать* → *летчик*); в других случаях два слова, не находящиеся в оппозитивных отношениях, дают производное с одним лексическим значением, причем в каждом из производящих нейтрализуются разные семантические компоненты (*напудриться* от *напудрить* и *пудриться*). Нейтрализация основ широко распространена в языке, особенно в отглагольных существительных, отсубъстантивных прилагательных и в глаголах, образованных

от глаголов» [Ширшов 1981: 68].

3.2.7. Полимотивированность некоторых приставочных глаголов НСВ с суффиксом -ыва(-ива-). Кроме того, в ТСС можно обнаружить определённую регулярность двойной мотивации у некоторых приставочных глаголов НСВ с суффиксом -ы(и)ва- типа *ввёртывать, вывёртывать, довёртывать, навёртывать, обвёртывать, отвёртывать, подвёртывать, привёртывать, провёртывать, переворачивать, повёртывать, поворачивать, сворачивать, выдёргивать, закатывать*. Они могут быть образованы как от глагола СВ типа *ввернуть, вывернуть, повернуть, нагнуть, обвернуть, отвернуть, подвернуть, привернуть, провернуть, перевернуть, повертеть, поворотить, своротить, выдернуть, закатить*, так и от другого глагола СВ типа *ввертеть, вывертеть, довертеть, нагнуть, обвертеть, отвертеть, подвертеть, привертеть, повертеть, перевернуть, повернуть, повернуть, свернуть, выдергать, закатать*.

3.2.8. Типы *нагрев* ← *нагревать, нагреваться* и *неравноправие* ← *неравноправный, равноправие* Отглагольные существительные с нулевым суффиксом типа *нагрев, обогрев, перегрев, подогрев, прогрев, разогрев* менее регулярны. Они мотивированы парами глаголов НСВ с постфиксом и без постфикса -ся: *нагрев* ← *нагревать* и *нагрев* ← *нагреваться*; *обогрев* ← *обогревать* и *обогрев* ← *обогреваться*; *перегрев* ← *перегревать* и *перегрев* ← *перегреваться*; *подогрев* ← *подогревать* и *подогрев* ← *подогреваться*; *прогрев* ← *прогревать* и *прогрев* ← *прогреваться*; *разогрев* ← *разогревать* и *разогрев* ← *разогреваться*.

Среди 70 проанализированных гнезд было обнаружено 1 слово на -ие с приставками *не-* (*неравноправие*). Оно может быть мотивировано как существительным без приставки (*не-равноправие* ← *равноправие*), так и приставочными прилагательными при помощи суффикса -и(й)- (*неравноправ-и(й)-е* ← *неравноправн(н-ый)*).

3.2.9. Другие типы полимотивированных слов в ТСС. Среди 70

проанализированных гнезд были обнаружены и другие разнотипные производные слова, трактуемые в ТСС как полимотивированные. Полимотивированность отмечается у некоторых единичных производных слов на основании возможности их двоякого толкования: *советник* ← *советовать* ('тот, кто советует'), *советник* ← *совет* ('тот, кто дает советы'). Приведем примеры: *советчик* ← *совет*, *советчик* ← *советовать*; *наборщик* ← *набрать*, *наборщик* ← *набор*; *подборщик* ← *подобрать*, *подборщик* ← *подбор*; *сборщик* ← *собрать*, *сборщик* ← *сбор*, *разведчик* ← *разведать*, *разведчик* ← *разведка*.

У нас вызвали сомнение мотивирующие базы двух существительных: *баловник* ← *баловать*, *баловник* ← *баловаться*; *прокатчик* ← *прокат*, *прокатчик* ← *прокатать*. Мы проверили толкование данных существительных по толковым словарям русского языка. Оказалось, что слово *баловник* в многих современных словарях трактуется только через слово *баловаться*. Например, в Словаре Ожегова [1992] и в четырехтомном Академическом словаре [МАСС] оно трактуется как 'тот, кто балуется', в этом случае личное имя *баловник* мотивировано глаголом *баловаться*. А в Словаре Ушакова [1935-1940] то же слово *баловник* имеет два значения. Помимо приведенного значения, определяется также как 'тот, кого балуют', ср. *бабушкин баловник*, в данном случае можно сказать, что слово *баловник* также может быть мотивировано глаголом *баловать*.

Отметим, что существительное *неудачник* в ТСС рассматривается как полимотивированное: *неудачник* ← *неудача*, *неудачник* ← *удачник*. Мы проверили слово *удачник* по толковым словарям русского языка – оно не зафиксировано ни в одном словаре (<https://academic.ru>).

Множественность словообразовательной структуры также отмечается в ТСС у некоторых прилагательных с суффиксом *-н(ый)*: *обводной* [обвод(и-ть) → обвод-н-ой и обвод → обвод-н-ой], *переводный* [перевод(и-ть) → перевод-н-ый и перевод → перевод-н-ый], *разводный* [развод(и-ть) → развод-н-ый и развод → развод-н-ый], *совеща- тельный* [совеща- тельн-ый и совеща(ни-е)

→ совеща-тельн-ый], *уговорный* [уговор(и-ть-ся) → уговор-н-ый и уговор → уговор-н-ый], *неудачный* [неудач(а) → неудач-н-ый и удачный → не-удачный], *отжимный* [отжим → отжим-н-ый и отжим(а-ть) → отжим-н-ый]. Как полимотивированные отмечаются также и другие единичные производные: *разбирательство* [разбира(ть) → разбира-тельств-о и разбира(ть-ся) → разбира-тельств-о]; *великодушиничать* [великодушн(н-ый) → великодушн-ича-ть и великодуш(и-е) → великодуш-нича-ть].

Таким образом, при анализе 70 словообразовательных гнезд выявлено, что самой регулярной неединственной мотивацией обладают возвратные приставочные глаголы НСВ (*прибираться, вдохновляться, развиваться*). Имена существительные женского лица с суффиксами *-тка, -ица* и др. (*автомобилистка, красавица*) занимают второе место, на третьем месте находятся возвратные приставочные глаголы СВ (*развариться, озлобиться, согреться*). Двойная мотивация регулярно обнаруживается также у существительных на *-ость* и с приставками *не-* (*независимость, неграмотность, неопределённость*); у качественных наречий на *-о* с приставками *не-* и *без(с)-* (*нелогично, беззлобно, неравномерно*); у отглагольных существительных, связанных мотивационными связями с возвратными и невозвратными глаголами, возвратных приставочных глаголов НСВ (*повышение, увеличение, приближение*). В то же время неединственная мотивация обнаруживается в небольшом количестве слов следующих типов: приставочные глаголы НСВ с суффиксом *-ы(и)ва-* (*звёртывать, переворачивать, выдёргивать*); личные существительные с суффиксами *-ник, -чик, -щик* таких, как *советник* (← *советовать, совет*), *разведчик* (← *разведать, разведка*); прилагательные на *-н(ый)* (тип *переводный* ← *переводить, перевод*; *разводный* ← *разводить, развод*); существительные на *-ство* (тип *разбирательство* ← *разбирать, разбираться*); отглагольные существительные с нулевым суффиксом (тип *нагрев* ← *нагревать, нагреваться*; *прогрев* ← *прогревать, прогреваться*); глаголы, заканчивающиеся на *-ничать* (тип *великодушиничать* ← *великодушный, великодушие*); адъективные

существительные на *-ие* с приставкой *не-* (тип *неравноправие* ← *неравноправный, равноеправие*) и некоторые другие.

3.3. Спорные случаи полимотивированности производных слов в ТСС

Следующие существительные, отмеченные в ТСС как полимотивированные, отличаются от их мотивирующих баз разным количеством формантов. Поэтому они не соответствуют нашему критерию полимотивированных слов: мотивации одного и того же слова несколькими родственными словами, отличающимися от мотивированного равным количеством формантов и способными использоваться в толковании производного, типа *неравенство* от *неравный* и *равенство* [Улуханов 1977: 43; 2016: 25].

Проанализировав данные производные слова, мы выделили среди них два типа: 1) с опосредствованной мотивацией; 2) с расхождением формальной и семантической производности (мотивированности).

При опосредствованной мотивации производное слово отличается от другого родственного слова «совокупностью формантов» [Лопатин, Улуханов 2016: 24]. Например, слова *изукрашивать* и *разукрашивать*, с одной стороны, могут быть мотивированы глаголами СВ (*изукрасить, разукрасить*) при помощи суффикса *-ива-*, с другой стороны, эти глаголы мотивируются глаголом НСВ *украшать* и образуются приставочно-суффиксальным способом: при помощи приставок *из-* и *раз-* и суффикса *-ива-*, см.: [*изукраш-ива-ть* ← *изукрас(и-ть)* и *из-украш-ива-ть* ← *украш(а-ть)*], [*разукраш-ива-ть* ← *разукрас(и-ть)* и *раз-украш-ива-ть* ← *украш(а-ть)*]. Таким образом, у этих двух слов одна мотивирующая база (*изукрасить, разукрасить*) отличается от мотивированных (*изукрашивать, разукрашивать*) только одним формантом – суффиксом *-ива-*, в то же время другая мотивирующая база *украшать*, единая для обоих глаголов, отличается от мотивированных двумя формантами: приставками *из-* и *раз-* и суффиксом *-ива-*, что не отвечает принятому в работе критерию полимотивированных слов и демонстрирует опосредствованную мотивацию.

Аналогичные отношения между производным словом и однокоренными

словами, способными использоваться в его толковании, но стоящими от него на разных ступенях деривации, наблюдаются также в других случаях. Существительные *бездушие* и *беззлобие*, по ТСС, могут быть образованы от прилагательных *бездушный* и *беззлбный* при помощи суффикса *иј-е*, а также от существительных *душ(а)* и *злб(а)* при помощи приставки *без-* и суффикса *иј(е)*: [*бездуш(н-ый)* → *бездуш-иј-е* и *душ(а)* → *без-душ-иј-е*], [*беззлб(н-ый)* → *беззлб-иј-е* и *злб(а)* → *без-злб-иј-е*]. Опосредствованная мотивация обнаруживается у существительных *развратник* и *разврат* (ср. непосредственную мотивацию между *развратник* и *развратный*), *акционерный* и *акция* (ср. *акционерный* и *акционер*), аналогично: *горнолыжник* и *горный* + *лыжи* (ср. *горнолыжник* и *горнолыжный*), *капризник* и *каприз* (*капризник* и *капризный*).

Другие типы полимотивированных (по ТСС) слов демонстрируют расхождение формальной и семантической производности. Такое расхождение наблюдается в тех случаях, «когда производное ... формально мотивировано производным непосредственно предшествующей ступени, а семантически мотивирующей оказывается более ранняя ступень» [Ермакова 1976: 17]. Явление расхождения формальной и семантической производности основано на том, что «не все типы слов, способных к формальной мотивации, могут вносить свою долю участия в семантику производного» [Там же]. Прилагательное *подведомственный* ('подчиненный ведомству') формально образовано от прилагательного *ведомственный* при помощи приставки *под-*, но семантически толкуется существительным *ведомство*, от которого отличается приставкой *под-* и суффиксом *-енн-*. Аналогичные отношения наблюдаются у прилагательного *беззлбный* с прилагательным *злбный* и существительным *злба*, а также у целого ряда других слов: *авантюристичный* [*авантюрист*, *авантюризм*], *булочник* [*булочный*, *булка*], *бездельник* [*бездельный*, *безделье*], *огородничать* [*огородник*, *огород*], *предводительство* [*предводитель*, *предводить*], *предательство* [*предатель*, *предать*], *жительство* [*житель*, *жить*].

Отметим, что многие слова такого типа в ТСС рассматриваются как

одномотивированные, например, лексема *безвоздушный* мотивируется существительным *воздух* [воздух → без - воздуш-н-ый] [ТСС: 176]. У подобных существительных налицо противоречие между семантической мотивацией и формальной производностью: *безвоздушное (пространство)* – это ‘пространство без воздуха’, а по форме к этому производному ближе всего лексема *воздушный*. Поэтому в ТСС такие слова рассматриваются преимущественно как одномотивированные, с чем мы полностью согласны.

4. Способы верификации неединственной мотивации производных слов

4.1. Способы верификации неединственной мотивации в других исследованиях

Вопрос о неединственной мотивации активно изучался в 70-х годах 20-го века в ряде статей, в которых представлены и другие типы полимотивированности: например, у существительных на *-овик*: *тыловик, почтовик, фронтовик, портовик, бытовик, деловик, массовик, биржевик* и др [Шатолова 1976: 191], у существительных на *-ств(о)*: *дебоишество, хулиганство, царство, шпионство, шефство, шаманство, фанфаронство* и др. [Шатолова 1976: 283], у прилагательных на *-ческий*: *театроведческий, товароведческий, славяноведческий, рисоводческий, льноводческий* и др. [Кураева 1976: 78], у прилагательных с суффиксом *-чив-*: *отзывчивый, обманчивый, обидчивый, разборчивый, уклончивый, доверчивый, уступчивый* и др [Ряснянская 1976: 211], у прилагательных с суффиксом *-лив-*: *шутливый, заботливый, стыдливый, гневливый, говорливый, крикливый, запасливый* и др [Ряснянская 1976: 211]. Интересно, что в этих статьях были предложены разные способы проверки отмеченной множественной мотивации в различных типах производных слов.

Так, при обсуждении неединственной мотивации её исследователи часто ссылаются на словарные толкования. Например, в статье З.И. Шатоловой [Шатолова 1976: 192] множественная мотивация таких слов, как *почтовик, бытовик, биржевик* доказывается на основе анализа их словарных толкований, а

именно толкования значения этого слова через существительное *почта*, *быт*, *биржа* и через прилагательное *почтовой*, *бытовой*, *биржевой*. Так, в словаре Д.Н. Ушакова *почтовик* толкуется как ‘*почтовый* служащий, например: *клуб почтовиков*’, точно такое же толкование находим в 17-томном академическом словаре [САН-17]: ‘разг. *почтовый* служащий, например: *Женщины заставили почтовиков разобрать мешки с письмами, доставленными накануне электроходом. (Рудный, Гангутцы)*’. В то же время в Малом академическом словаре [САН-4] представлено следующее толкование – ‘*почтовик. прост. тот, кто работает на почте, например: Марья Андреевна первая обратилась к рыжему длинноносому почтовику с вопросом, можно ли позвонить в Н.?* (Шолохов-Синявский, Волгины.)’. Слово *бытовик* в словаре Д.Н. Ушакова объясняется как ‘*писатель - представитель бытового направления в литературе, например: наши писатели-бытовики.*’ То же самое слово в Толковом Словаре Т.Ф. Ефремовой определяется как ‘*разг. автор произведений (писатель или художник), в которых изображается быт, повседневная жизнь, например: бытописатель*’. Двойная мотивация у существительного *биржевик* также может быть доказана на основе словарного толкования. В Малом академическом словаре, Толковом словаре Д.Н. Ушакова и Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой зафиксирована одна мотивационная связь этого слова с прилагательным *биржевой*. Так, в САН-4 находим следующее значение: ‘*в капиталистических странах: тот, кто занимается биржевыми операциями, биржевой делец*’, в словаре Д.Н. Ушакова – ‘*биржевой делец*’, в словаре Т.Ф. Ефремовой – ‘*специалист в области биржевых операций*’. Оба мотивационных соотношения отражены в САН-17: ‘*в капиталистических странах – член биржи; биржевой делец*’. Но не всегда в решении данного вопроса можно опираться на словарное толкование. В частности, в статье З.И. Шатоловой отмечается, что образованное по той же модели слово *фронтовик* во всех словарях русского языка толкуется через *фронт* и не представлено его толкование через прилагательное *фронтовой* [Шатолова 1976: 192].

Отвлеченные имена существительные на *-ств(о)* в современном русском языке представляют большую группу слов. По мнению В.В. Виноградова, значение состояния в именах существительных среднего рода «ярче всего выражается суффиксом *-ств(о)*, *-еств(о)*» [Виноградов 1952: 121]. Действительно, существительные с суффиксом *-ств(о)* могут быть образованы от основ существительных, прилагательных, глаголов [Шатолова 1976: 283]. По мнению исследователей, отвлеченные имена существительные, оканчивающиеся на суффикс *-ств(о)* в основном образуются от именных основ. Так, в кандидатской диссертации А.С. Соломиной приводятся такие количественные соотношения: из 1160 слов от основ имен существительных образуется около 700, от основ прилагательных – 140, от основ глаголов – 200 имен на *-ств(о)* [Соломина 1970: 159]. Анализируя мотивационные связи у слов этого же типа, З.И. Шатолова также использует метод словарных толкований. Например, слово *хулиганство* в САН-17 толкуется одновременно через существительное и глагол, что доказывает его полимотивированность: ‘действие по знач. *хулиганить*, поведение *хулигана*, например: *бороться с хулиганством*’. В других толковых словарях русского языка это слово определяется без ссылки на мотивирующие основы: например, в САН-4: – ‘нарушение правил общественного порядка, общепринятых норм поведения, показывающее неуважение к обществу, к достоинству человека, например: *борьба с хулиганством*’. Интересно, что существительное *дебоширство* в Толковых словарях Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова объясняется через глагол *дебоширить* и существительное *дебош*. Например, значение *дебоширство* в обоих словарях такое: ‘действие по гл. *дебоширить*, устраивать *дебоши*’. А в словаре Т.Ф. Ефремовой только через существительное *дебошир* – ‘разг. поведение, поступки *дебошира*’. Итак, можно сказать, что существительное *дебоширство* характеризуется полимотивированностью и имеет 3 мотивирующие базы: *дебоширить*, *дебош*, *дебошир*. Используя этот метод, З.И. Шатолова в своем исследовании отмечает, что многие существительные на *-ств(о)* подобной структуры имеют единственную мотивацию: такие слова, как *бузотерство*,

провока́торство, пройдо́шество соотносятся только с существительными *бузо́тёр, провока́тор, пройдо́ха*. С другой стороны, существительные *уби́йство, мыта́рство, смутья́нство* мотивированы только глаголами *уби́ть, мыта́рствовать, смутья́нить*.

Словообразовательная мотивация сложных прилагательных на *-ческий* тоже является неединственной. Их полимотивированность подтверждается также в словарных толкованиях. Например, прилагательное *товароведческий* в словаре Т.Ф. Ефремовой объясняется как ‘соотношение с существительным *товароведение* и *товаровед*, связанный с ними; свойственный *товароведению, товароведу*, характерный для них’. Таким образом, можно определить мотивационные связи прилагательного *товароведческий* не только с существительным *товароведение*, но и с *товаровед*. В том же самом словаре слово *театроведческий* толкуется как ‘соотношение с существительным *театроведение* и *театровед*, связанный с ними; свойственный *театроведению, театроведу*, характерный для него’, слово *славяноведческий* – ‘соотношение с существительным *славяноведение, славяновед*, связанный с ними; свойственный *славяноведению, славяноведу*, характерный для них; принадлежащий *славяноведению*, относящийся к *славяноведению* и *славяноведам*’. При анализе слов *земледельческий* и *староверческий* С.Ю. Кураева предложила метод контекста, которой подтверждает многоструктурность и полимотивированность этих прилагательных. С.Ю. Кураева приводит литературные контексты, в которых *земледельческий* сочетаются с *земледельцы* и с *земледелие*, а слово *староверческий* – с *староверы староверцы* и *староверчество* [Кураева 1976: 81].

Двойные мотивационные отношения характеризуют также прилагательные с суффиксом *-чив-*. По мнению В.В. Виноградова, посредством суффикса *-чив-* образуются от «глагольных основ (первоначально от основ отглагольных существительных с суффиксом *-ка*) качественные прилагательные с значением: способный, склонный что-нибудь делать, проявлять какое-нибудь свойство» [Виноградов 1952: 174]. Аналогичные выводы содержатся в «Грамматике

русского языка» (М., 1980): «с помощью суффикса *-чив-* от глагольных и отглагольных основ производятся имена прилагательные со значением склонности к чему-нибудь, что обозначается производящей основой, напр.: *доверчивый, изменчивый, вдумчивый*» [РГ–80: 338]. В учебнике «Современный русский язык» под редакцией Е.М. Галкиной-Федорук указывается, что прилагательные с суффиксом *-чив-* образуются только от глагольных и отглагольных основ со значением действия и обозначают склонность к этому действию: *обидчивый, обманчивый, разговорчивый*» [1964: 93]. Обе словообразовательные мотивации у прилагательных, образованных по такой модели, подтверждаются также в толковых словарях русского языка. Так, мотивационные соотношения производного слова прилагательного *доверчивый* через существительное *доверие* и через глагольную форму *доверяющий* служат определением множественной мотивации в статье Р.А. Ряснянской [Ряснянская 1976: 135]. Например, в словаре Д.Н. Ушакова *доверчивый* объясняется как ‘не подозревающий обмана и лжи; легко, без размышления *доверяющий* другим, например: *опасно быть доверчивым с незнакомыми людьми; он доверчиво (нареч.) слушал все небылицы, которые ему рассказывали*’, в словаре С.И. Ожегова – ‘легко *доверяющий*, питающий ко всем доверие, основанный на *доверии*’. Образованное по подобной модели прилагательное *уступчивый* трактуется в словарях Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова через глагол *уступить*. Так, *уступчивый* в первом словаре: – ‘сговорчивый, готовый *уступить*, согласиться на что-нибудь без спора, например: *уступчивый характер. уступчивый человек*’, во втором словаре: – ‘готовый *уступить* что-нибудь без спора, сговорчивый, например: *уступчивый характер*’, а в словаре Т.Ф. Ефремовой это прилагательное трактуется через два слова – *уступка* и *уступать*: ‘соотношение с существительным *уступка*, связанный с ним; готовый на *уступку*, сговорчивый; выражающий готовность *уступать*.’

Прилагательные с суффиксом *-лив-* тоже являются активным продуктивным типом словообразования. Подробные наблюдения, связанные со

словообразовательной структурой прилагательных с суффиксом *-лив-*, содержатся в исследованиях В.В. Виноградова. Он писал: «Прилагательные с помощью суффикса *-лив-* чаще всего от глагольных основ, а также и от основ имен существительных, преимущественно отглагольных, отвлеченных, обозначающих состояние, действие и свойство, производятся прилагательные со значением: склонный к какому-нибудь действию или обладающий каким-нибудь качеством, свойством» [Виноградов 1952: 173]. Высокую продуктивность прилагательных на *-лив-* также отмечает Е.А. Земская. По ее мнению, многие прилагательные этого типа были связаны с «экспрессивными названиями лиц и связанными с ними глаголами» [Земская 1964: 437]. Так, прилагательное *егозливый* может быть образовано от названия лиц *егоза*, также может быть образовано от глагола *егозить* [там же]. В диссертации Н.В. Костроминой также подчеркивается, что прилагательные с суффиксом *-лив-* могут допускать двойную мотивацию: «Прилагательное *шумливый* может быть соотнесено и с глаголом *шуметь* и с существительным *шум*, *говорливый* – с глаголом *говорить* и существительным *говор*» [Костромина 1961: 212]. Двойные мотивационные связи у прилагательных, образованных по такой модели, отражаются в толковых словарях русского языка. Слово *шумливый* в словарях Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Т.Ф. Ефремовой толкуется через глагол *шуметь* и существительный *шум*. В трех этих словарях есть общее толкование: ‘склонный *шуметь*, производящий *шум*, например: *шумливый ребенок, шумливые дети*’. Толкование слова *шутливый* представлено в словаре Д.Н. Ушакова следующим образом: ‘любящий *пошутить*, склонный к *шуткам* (разг.), например: *шутливый человек, шутливый характер*; имеющий характер *шутки*, веселый, например: *шутливый разговор, шутливые речи*, *шутливо* (в шутку; нареч.) сказать что-нибудь.

Обе словообразовательные мотивации подтверждаются не только словарными толкованиями. З.М. Волоцкая предложила метод трансформации. Двойная мотивация доказывается на основе сочетаемости производного слова и толкования словосочетаний. Например, с использованием этого метода можно

показать, что слово *шутливый* может быть мотивировано как глаголом *шутить*, так и существительным *шутка* [Волоцкая 1960: 106]. По этому методу составляются словосочетания с прилагательным *шутливый*, например, *шутливая компания* ('т.е. компания, которая любит *шутить*'), *шутливый друг* ('т.е. друг, который любит *шутить*') и, например, *шутливый рассказ* ('т.е. рассказ-шутка или рассказ, в котором есть *шутки*'). Таким образом доказывается возможность двойной мотивации этого прилагательного с суффиксом *-лив*. Аналогично можно доказать двойную мотивацию таких слов, как *запасливый*, *заботливый*, они также могут соотноситься как с глаголом: например, *запасливый хозяин* ('тот, который любит *запасаться*'); *заботливый сын* ('тот, который *заботится*'), так и с существительными *запас*, *забота*: например, *запасливый хозяин* ('тот, который предусмотрительно делает *запас*'), *заботливый сын* ('тот, который проявляет *заботу*').

4.2. Корпусный анализ как способ верификации неединственной мотивации производных слов

4.2.1. Подтверждение двойной мотивации. В нашей работе мы предлагаем другой способ доказательства двойной мотивации – с помощью поиска в НКРЯ пары родственных слов в одном тексте. Нахождение в одном тексте двух однокоренных слов, связанных в пределах этого текста семантически, может свидетельствовать о реализации и актуализации мотивационных отношений между ними, причем двух типов – непосредственной и опосредствованной мотивации.

Вопрос об актуализации мотивационных отношений в речи рассматривается в монографии О. И. Блиновой «Мотивология и её аспекты» (2010). Под актуализацией мотивационных отношений слов понимается их воспроизведение в акте речи или тексте в рамках высказывания мотивационно связанных лексических единиц. «Границей актуализации мотивационных отношений лексических единиц являются рамки высказывания». «При контактной

актуализации «расстояние» между мотиватами является нулевым или минимальным (при союзной связи мотиватов), при дистантной актуализации мотиваты отделены друг от друга одним (знаменательным словом) или несколькими словами». Соответственно актуализация мотивационных отношений «наблюдается в пределах разных синтаксических единиц: в составе словосочетания и предложения, синтагмы и высказывания» [Блинова 2010: 80–92]. В нашей работе мы изучаем мотивационные отношения однокоренных слов, употребленных в одном предложении.

Кроме того, в этом направлении нашего исследования мы опирались также на работы И. С. Улуханова, который считает, что «контексты, в которых выступают одновременно два или несколько однокоренных слов..., дают возможность судить о степени мотивированности слов, употребленных в этих контекстах» [Улуханов 2005: 122]. И.С. Улуханов формулирует задачи функционального исследования словообразовательной мотивации, в частности вопрос об: «использовании в тексте разных видов мотивации» [Там же]. Эту задачу мы и решаем в нашей работе, используя преимущества корпусных методов исследования.

Новый метод основан на возможности поиска в НКРЯ контекстов, в которых мотивированное и его мотивирующие базы употребляются вместе в рамках одного предложения. Затем проводится анализ найденных примеров на наличие мотивационной связи между однокоренными словами.

Двойную мотивацию подтверждает использование в одном тексте производного слова и его мотивирующей базы, причем между ними должна присутствовать мотивационная связь. После введения в поисковую систему НКРЯ пар интересующих нас родственных слов мы получили весь список контекстов, в которых мотивированное и его мотивирующие базы употребляются вместе в рамках одного предложения. Далее был проведен анализ полученных контекстов на наличие мотивационной связи между мотивированным и мотивирующим,

потому что среди всех примеров встречались контексты, в которых такая связь отсутствовала, например:

1) *И все, что она может придумать для канувших в колодец бесконечности теней, которым так не хватало любви при жизни — это позволить им вернуться и немного побыть продолжением того смешного, безумного и бесконечно трогательного, чем они когда-то были* (Виктор Пелевин, 2014).

В этом предложении, хотя мотивированное слово *бесконечность* и его мотивирующая база *бесконечно* встретились в одном предложении, между ними нет мотивационных отношений, потому что они относятся к разным явлениям. Существительное *бесконечность* образует словосочетание с существительным *колодец*, являясь метафорическим выражением, а наречие *бесконечно* относится к прилагательному *трогательный*, то есть в данном предложении *бесконечность* и *бесконечно* не связаны между собой семантически. Подобный случай обнаруживается в следующем примере:

2) *Красивая сказка, рожденная под безоблачным эгейским небом, где смуглые красавицы опоясывают своих героев мечами, благословляя на подвиги, а козлоногие боги, пахнувшие веселым милетским вином, отплясывают с растрепанными нимфами.* («Вокруг света», 1968).

В этом предложении родственными словами являются прилагательное *красивый* и существительное *красавица*, однако прилагательное относится к другому существительному — *сказка*, то есть прилагательное *красивый* не является признаком существительного *красавица*, значит, между ними нет никаких мотивационных отношений.

Похожую ситуацию мы наблюдаем также в следующих примерах, где однокоренные слова *красавица* и *красивый*, встретившиеся в одном предложении, относятся к разным предметам и разным ситуациям, т.е. между ними нет семантической связи и, соответственно, мотивационных отношений:

3) Ближе к полуночи приехали и Довлатовы, Сережа и его **красавица** жена Лена (об их нервном и **красивом** романе желающие могут почитать в довлатовской прозе) (Николай Климонтович. Далее — везде, 2001).

4) **Красивая** сказка, рожденная под безоблачным эгейским небом, где смуглые **красавицы** опоясывают своих героев мечами, благословляя на подвиги, а козлоногие боги, пахнувшие веселым милетским вином, отплясывают с растрепанными нимфами («Вокруг света», 1968).

Подобным образом мы проверили все результаты, полученные в ходе работы с поисковой системой, со словарями и с информантами (выпускниками филологического факультета МГУ). Мы проанализировали мотивационные связи между производящими и производными в каждом контексте, чтобы исключить все неуместные случаи и выявить только те примеры, которые подходят для нашего анализа.

Рассмотрим типичные случаи реализации в тексте системных мотивационных отношений между однокоренными словами.

5) Была это **старая**, беззубая **старуха**, забытая челядью и властями. (Василь Быков. Лесное счастье, 1985-1995).

6) Сейчас ситуация стала более очевидной только из-за технического прогресса, **грамотность** и **неграмотность** массы людей вышла на поверхность, но мы не знаем, как писали люди 30 и 40 лет назад. (А. Уткина, Н. А. Шапиро., 2016).

7) «Это вечный бой правды и лжи, человечности и фашизма, **духовности** с **бездуховностью**, жизни со смертью», — записываем мы. (Т. В. Доронина. Дневник актрисы, 1984).

8) В этой **неопределенности** или отсроченной **определенности** фокуса — поэтическая игра языка с сознанием. (Л. А. Гоготишвили, 2006).

В предложении (5) прилагательное *старая* относится к личному имени существительному женского рода *старуха*, то есть здесь речь идет о *старой старухе* и семантическая связь между этими словами очевидна. Поэтому можно

говорить и о наличии мотивационной связи, иначе говоря, слово *старуха* в данном примере мотивировано прилагательным *старая*.

В предложении (6) парами родственных слов являются существительные *грамотность* и *неграмотность*, причем они тесно связаны друг с другом синтаксически: слова выступают в предложении в качестве однородных подлежащих и управляют одними и теми же существительными – *массы людей*. Поэтому существительное *неграмотность* может рассматриваться как производное от существительного *грамотность*. В примерах 7 и 8 представлены сходные отношения.

В следующем примере мотивирующее и мотивированное объединены в пары при помощи дефиса, что подчеркивает их мотивационные словообразовательные связи.

9) *Поэтому в логическом круге Витгенштейна нет ничего страшного, он обязан быть границей ясности-неясности....* (С. С. Неретина, А. П. Огурцов. 2006).

Таким образом, в качестве доказательства наличия двойной мотивации у производных слов мы используем только те примеры, в которых между однокоренными словами присутствует мотивационная словообразовательная связь. Применяя методику корпусного анализа, мы проверили на языковом материале такие модели, как существительные на *-ость* с приставками *не-* и *без(с)-*, приставочные возвратные глаголы НСВ, отглагольные существительные на *-ние* и личные имена женского рода.

Этот способ позволяет проиллюстрировать множественную мотивацию производных слов рассмотренных словообразовательных типов. Например, с помощью данного метода были обнаружены обе комбинации производного слова *независимость* с двумя возможными производящими *независимый* и *зависимость*:

10) *Невозможно охарактеризовать происхождение всех **независимых** церквей, поскольку их **независимость** делает каждую из них уникальной* («Эксперт», 2013).

11) *Навязать ей ничего невозможно; внутренне **независима** и всегда настороже — не покушается ли кто на эту ее **независимость**?* (Дина Рубина. 1980-2006).

12) *В российском коллективе действует принцип «**зависимости** от коллектива» (что противоположно западной **независимости**).* (Н. Л. Захаров, 2002).

13) *Тогда проблем с другими видами **зависимости-независимости** не будет* («Лесное хозяйство», 2003.05.01).

Мы заметили, что в каждом из четырёх примеров с производной лексемой *независимость* по-разному реализованы её деривационные связи. В первых двух предложениях синтаксический дериват обобщает соответствующий признак (*независимый* → *независимость*). А в последних двух предложениях понятие *независимость* противопоставлено понятию *зависимость*, поэтому зафиксирована другая мотивационная связь: *зависимость* → *независимость*.

В словообразовательной системе направление мотивации обычно идёт от мотивирующего к мотивированному, но даже эти произвольно выбранные примеры показывают, что, в отличие от словообразовательной системы, в реальном тексте для доказательства полимотивированности слова неважно, в каком порядке расположены мотивирующее слово и мотивированное, то есть мотивационные связи реализуются в обоих направлениях: первым может быть и мотивированное, и мотивирующее, в частности *независимость* → *зависимость*, а также и *независимость* → *независимый*, например:

14) *Собственно, **независимость** неотделима от одиночества, чем **независимей** человек, тем он более одинок ...* («Звезда», 2003).

15) *Она помешана на профессиональной **независимости**, еще сильнее — на репутации профессионально **независимой*** («Знамя», 2003).

16) При всей своей знаменитой **независимости** он попал в **зависимость** еще и от положения, которое он занял. (Анатолий Найман. 1994).

17) Но и после завоевания политической **независимости** они находятся в экономической, а порой и политической **зависимости** от стран Запада. (Олег Гриневский. 1998).

Одним словом, если эти два слова встречаются в одном тексте и связаны семантически, это можно считать доказательством их мотивационных связей.

Возможности НКРЯ, а именно поиск употребления двух однокоренных слов (мотивирующего и мотивированного) в пределах одного предложения, позволяют изучить предпочтительные мотивационные связи в тексте у частотных слов. Так, у существительного *независимость* в НКРЯ чаще реализуются системные мотивационные отношения от прилагательного к отвлеченному существительному: *независим(ый)* → *независимость*. Такие типичные для синтаксических дериватов мотивационные отношения в НКРЯ в пределах одного высказывания реализованы 46 раз; в обратном направлении от существительного к прилагательному (*независимость* → *независимый*) 39 раз (всего же мотивационные связи между существительным и прилагательным зафиксированы 85 раз). Префиксация и депрефиксация менее частотны: реализация префиксации в тексте *зависимость* → *независимость* выявлена 21 раз; противоположные отношения *независимость* → *зависимость* реализованы в 16 предложениях (всего же мотивационные отношения между двумя существительными в одном предложении подтверждены 37 текстами). Таким образом, можно сделать вывод, что существительное *независимость* чаще осмысливается в тексте как синтаксический дериват, обобщающий признак *независимый*, чем как результат отрицания *зависимости*.

Мы также искали подтверждение наличия двойной мотивации у существительного *безопасность*, и в результате мы нашли несколько контекстов, где в одном предложении встречаются производное слово *безопасность* и два его мотивирующих *безопасный* и *опасность* в двух направлениях. Так, нами была

зафиксирована мотивационная связь у производного слова *безопасность* с прилагательным *безопасный* (35 соотношений *безопасный* → *безопасность* и 59 примеров при порядке употребления: *безопасность* → *безопасный*), например:

18) *Эффективные мероприятия включают проектирование более безопасной инфраструктуры и учет аспектов безопасности дорожного движения при планировании землепользования и транспорта ...*(Знание-сила, 2013).

19) *Он может широко применяться только в том случае, если будет безопасен, причем необходимые для этого меры безопасности не должны быть очень сложными.* (В. И. Субботин. 2001).

20) *Надо было обеспечить безопасность работ, безопасную технологию.* (Д. Гранин, 1987).

21) *«С целью обеспечения безопасности и сохранения рабочего контингента» было решено переселить узников лагерей в более безопасное место.* («Вестник США», 2003).

Примеров мотивационной связи *безопасность* с существительным *опасность* чуть больше – всего 118, при этом 63 контекста выявлено при порядке слов *опасность* → *безопасность* и 55 контекстов – в обратном порядке *безопасность* ← *опасность*, например:

22) *Вот когда человек оттуда вырвался, когда все опасности остались позади, он счел себя в безопасности и начал строить какие-то планы на будущее...* (Медицина и здоровье (форум) (2005).

23) *Любой человек представляет потенциальную опасность для любого человека, и каждый готовится к защите и нападению, если ему покажется, что его безопасности что-то угрожает.* (С. Кордонский, 1992).

24) *Речь шла и о безопасности или скорее всего опасности жизни в городе...*(«Строительство», 2004.10.25).

25) *Согласно федеральному закону по промышленной безопасности лифт считается объектом повышенной опасности.* («Строительство», 2003).

По аналогии с предыдущими примерами проанализируем мотивационную связь у слова *неправильность*, приведем несколько примеров:

26) *Я всего лишь хотел сказать, что если у кого и появились мысли о **неправильности** моего поведения, то это мысли **неправильные**, а поведение мое обусловлено и...* (Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта, 2000-2004).

27) *Вопрос о **правильности** или **неправильности** диагностики и лечения в каждом конкретном случае решается самостоятельно с учетом всех обстоятельств дела.* (А. А. Мохов. 2003.02.24).

Как видно из приведенных выше контекстов, производное слово *неправильность* может быть образовано от разных мотивирующих баз: существительного *правильность* и прилагательного *неправильный* (*неправильность* ← *правильность* и *неправильный*). Таким образом, контекстный анализ свидетельствует о наличии у существительного *неправильность* двойной мотивации.

Среди самой многочисленной анализируемой группы глаголов НСВ с двойной мотивацией (типа *связываться, вдохновляться, уговариваться, удаляться*) в НКРЯ были найдены соответствующие контексты всего с 10 глаголами из 140. Речь идет о таких глаголах, как *увеличиваться, отвертываться, развиваться, отворачиваться, перевертываться, повертываться, возвышаться, повышаться, нагреваться, удаляться*, а у таких глаголов, как *заболачиваться, прибираться, развариваться, завертываться, вдохновляться, уговариваться, украшаться, отключаться, закаляться, воодушевляться, согреваться, выводиться, увешиваться* и др., не обнаружено ни одного примера.

Отсутствие контекстов, подтверждающих наличие двойной мотивации глаголов данной группы, связано не только со степенью частотности данных глаголов, но и с проблематикой грамматики русского глагола. Например, глаголы типа разного вида *вдохновляться – вдохновиться* (а также *заболачиваться – заболотиться, прибираться – прибраться, развариваться – развариться, завёртываться – завернуться, украшаться – украситься, отключаться –*

отключиться, закаляться – закалиться, воодушевляться – воодушевиться, согреваться – согреться, выводиться – вывестись) являются видовой парой, и словообразовательный механизм здесь имеет грамматические последствия: происходит имперфективация глагола, то есть образование глагола НСВ от глагола СВ. Глаголы СВ и НСВ обычно употребляются в разных типах контекста. Соответственно главным значением СВ является конкретно-фактическое значение, выражающее единичное событие, факт, приведший к смене ситуации [Петрухина 2009]. Кроме того, все контекстные значения СВ связаны с выражением действий, имеющих границы во времени. Актуализация границы действия предполагает его однократность [Петрухина 2009]. Таким образом, глаголы СВ в высказывании и тексте используются для обозначения однократного действия, например,

28) *И так хорошо получилось, что он **вдохновился** полученным удовольствием и сумел вернуть самолет на базу, приложив невероятные усилия.* (Екатерина Романова, 2002).

29) *Зеленая травка быстро выбралась из-под дерна, **украсилась** желтыми одуванчиками и лютиками.* («Знамя», 2008).

30) *Он сел на камень поудобнее, **завернулся** в плащ и стал смотреть на роскошный, вышитый звездами ночной ковер.* («Сибирские огни», 2013).

31) *Другое дело, что раньше имелся сток в сторону крутого склона, а с постройкой дороги он оказался перекрыт, над источником образовалась глубокая бочага, место **заболотилось**, заросло, сам источник заилился и скрылся с глаз людских.* («Знание - сила», 1999).

32) — *Да вот не **прибрались**, не устроились — и уже новоселье справляете, — смягчил гость упрёк.* («Новый Мир», 2000).

Глаголы НСВ могут обозначать разнообразные по характеру протекания действия, основными из которых являются процессные и повторяющиеся действия [Петрухина 2009]. Например,

33) Великие отцы эпохи классической патристики, которыми **вдохновлялся** и богословие которых так искусно доносил до нас Владимир Лосский, были не «интеллектуалами» в современном смысле, но святыми Боговидцами. («Журнал Московской патриархии», 2003.12.29)

34) Внутренняя поверхность сосудов при этом чаще всего остаётся золотого цвета и не **украшается** росписью. («Народное творчество», 2003).

35) В предгорьях пастбища безлюдны, вечером я **заворачивался** в спальный мешок и рассматривал звезды. (Улья Нова. Инка (2004).

36) Существенный ущерб наносится сельскому хозяйству: **заболачиваются** пахотные земли, теряется урожай, происходит интенсивный процесс выбывания земель из сельскохозяйственного оборота. (коллективный. 2008).

37) — Будешь у него в банке **прибираться** и мыть полы. (Андрей Геласимов, 2001).

Таким образом, глаголы НСВ и СВ, употребляясь в разных типах контекстов, обладающих несходными аспектуальными характеристиками, редко встречаются в рамках одного предложения как производное и производящее. Тем не менее, у 10 глаголов из 140 были найдены соответствующие контексты. Например, глагол *увеличиваться* часто употребляется в одном предложении с его производящей базой – глаголом *увеличиться*. В НКРЯ были обнаружены 23 примера. Примечательно, что большинство примеров имеет сходную структуру: в предложении глагол НСВ *увеличиваться* с длительно-процессным значением предшествует глаголу СВ *увеличиться*, указывающему на завершение изменения и достижение относительного результата, например:

38) Если же цена единицы прочности **увеличивается**, то и удельная прочность должна **увеличиться**, иначе материал применять невыгодно — деталь из него будет дорогой и тяжелой. («Химия и жизнь», 1966).

39) *С начала регистрации в 1994 г. продолжает ежегодно увеличиваться заболеваемость гепатитом С, по сравнению с 1998 г. она увеличилась на 65, 7%... (С. Г. Кара-Мурза, 2002).*

40) *Наиболее бурный рост мирового вертолетного парка наблюдался с 1960 по 1980 годы, когда количество гражданских вертолетов увеличивалось в среднем на 11, 6% в год (только в США и Канаде за это время вертолетный парк увеличился с 990 до 9000 машин) («Коммерсантъ-Daily», 1996.01.17).*

Подобную ситуацию мы наблюдаем у глагола *развиваться*. Так, нами были найдены 35 примеров, где слово *развиваться* употребляется вместе с его мотивирующей базой – *развиться*, например:

41) *Постарался я также показать, что такие реформы в нашей стране назрели, что они сами по себе вполне реальны, что более того — похоже, что именно в этом направлении наше общество и развивается, только страшно медленно развивается, рискуя погибнуть до того, как разовьется. (Б. Б. Вахтин. Этот спорный русский опыт, 1978).*

42) *Чем свободнее будет оно развиваться, тем нормальнее разовьется, тем скорее найдет настоящий и полезный свой путь. (Н. К. Рерих. Листы дневника, 1942).*

Как мы видим, данные предложения с точки зрения аспектуальной характеристики глаголов имеют такую же структуру, как и примеры с глаголами *увеличиваться* и *увеличить*, описанные выше: глагол НСВ *развиваться* с длительно-процессным значением предшествует глаголу СВ *развиться*, указывающему на завершение изменения и достижение относительного результата.

Как мы отмечали ранее, глаголы *увеличиваться* и *развиваться* (и другие подобные, о которых речь шла выше, – всего 140 глаголов) обладают двойной мотивацией: они могут быть образованы от возвратных глаголов СВ *увеличиться* и *развиться*, а также от невозвратных глаголов НСВ *увеличивать* и *развивать*.

В НКРЯ были обнаружены 17 примеров с *увеличиться* ← *увеличивать*, например:

43) *При нажатии на педаль тормоза включался электромотор, и угол автоматически **увеличивался**, тем самым **увеличивая** прижимную силу.* («Формула», 2001.02.15).

44) *После последней вакцинации число неиммунных детей будет ежегодно **увеличиваться** за счет естественного прироста населения, **увеличивая** тем самым возможность циркуляции вакцинных вирусов.* («Вопросы вирусологии», 2000.10.02).

Корпусный анализ также может подтвердить двойную мотивацию у отглагольных существительных на *-ние*. Такие слова могут образовываться от невозвратных и возвратных глаголов СВ: например, *повышение* ← *повысить* и *повышение* ← *повыситься*. Мы заметили, что у отглагольных существительных на *-ние* в НКРЯ чаще реализуются мотивационные отношения с невозвратными глаголами СВ. Так, у слова *повышение* такие мотивационные отношения в НКРЯ в пределах одного предложения реализованы 115 раз (52 примера на *повышение* ← *повысить* и 63 примера в обратном направлении, то есть *повысить* → *повышение*), а мотивационные отношения от возвратных глаголов к существительному (*повыситься* → *повышение*) реализуются только 20 раз (7 примеров при порядке употребления *повышение* ← *повыситься* и 13 примеров в обратном направлении), например:

45) *В другой листовке объяснялось, что, чем препираться с контролером, лучше задавать ему такие вопросы: «Скажите, а вам **повысили** зарплату в связи с **повышением** платы за проезд?»* («Неприкосновенный запас», 2010).

46) *Использование предлагаемого технического решения позволит **повысить** качество крепления призабойной зоны пласта благодаря **повышению** стабильности и улучшению фильтрационных свойств фильтрующего материала.* («Газовая промышленность», 2004.11.17)

47) Розничные цены **повысились** из-за **повышения** оптовых, хотя, как сообщили «Известиям» в «РОСТЭК — Башкортостан», фактического повышения еще не должно быть. («Известия», 2002.01.11).

48) Его энтропия **повысится** — ведь при **повышении** температуры движение молекул становится все более беспорядочным («Химия и жизнь», 1968).

По аналогии с предыдущими примерами проанализируем мотивационную связь у слова **увеличение**, приведем несколько примеров:

49) ... **Увеличение** дальности полета ракеты с 8 до 10 км позволило **увеличить** прикрываемую боевой машиной комплекса зону в 1, 5 раза. («Вестник авиации и космонавтики», 2004.02.25).

50) Для **увеличения** мощности необходимо **увеличить** количество катушек и магнитных систем. («Лесное хозяйство», 2004.12.14).

51) Это позволило как **увеличить** финансовые средства для **увеличения** кредитного портфеля, так и значительно снизить стоимость кредитов для предприятий и предпринимателей, занимающихся производством и работающих в сфере услуг. («Финансы и кредит», 2003.05.19).

52) Если порассуждать, то численность населения останется прежней, но **увеличится** численность участка с 1750 до 2600 человек, с **увеличением** численности участка **увеличится** нагрузка по флюорографии, прививкам, диспансерным и т.п. (коллективный. Форум: Укрупнение терапевтического участка. В чем подвох? (2013).

53) С 2005-2006 годов, по мере **увеличения** производства платины, темп снижения цен **увеличится**. («Металлы Евразии», 2004.10.15).

Таким образом, корпусный анализ подтверждает двойную мотивацию у таких слов, как **безграмотность**, **безопасность**, **безответственность**, **бессердечность**, **бесчеловечность**, **неадекватность**, **неверность**, **неграмотность**, **независимость**, **незначительность**, **необщительность**, **неопределённость**, **неопытность**, **неосновательность**, **неосторожность**, **неплотность**,

неполноценность, неправильность, непрактичность, непрерывность, непродуктивность, непроницаемость, непрочность, неравномерность, неровность, несвоевременность, несоизмеримость, нетерпеливость, нетрудоспособность, неумеренность, неуместность, нагреваться, повышаться, увеличиваться, отвертываться, развиваться, отворачиваться, перевертываться, удаляться, приближение, сближение, увеличение, развертывание, повышение, нагревание и др.

4.2.2. Корпусный анализ для решения спорных случаев

Для целого ряда отвлеченных существительных, отмеченных в ТСС как полимотивированные, мы не нашли в НКРЯ текстовые иллюстрации их мотивационных связей, что, однако, не может служить доказательством их одномотивированности. Так, не было обнаружено ни одного текста, в котором бы вместе употреблялись следующие существительные на *-ость* и их производящие базы: *безубыточность, невезучесть, нелогичность, немногочисленность, неорганизованность, неосязаемость, неофициальность, неощутимость, непитательность, неплатёжеспособность, неплодородность, неплодотворность, непокорность, неполноправность, непреднамеренность, непредумышленность, неприязнательность, неработоспособность, нерациональность, нерешимость, неслаженность, неуживчивость, нечуткость, неэкономичность* и др. По всей видимости, этот корпусный метод зависит от частотности лексем и дает стабильные результаты только у высокочастотных слов. Поэтому в разделе 4.3. мы расширили поиск мотивационных связей производных лексем в Генеральном интернет-корпусе русского языка (ГИКРЯ).

Метод корпусной проверки двойной мотивации в НКРЯ может быть использован для решения спорных случаев, когда двойная мотивация в ТСС по каким-то причинам не отмечена, а сама словообразовательная модель, по которой данное слово образовано, предполагает двойную мотивацию. Речь идёт о таких производных лексемах, как *безнадежность, безоблачность, бесконечность,*

беспартийность, бесплатность, бесполезность, неблагоприятность, неблагодарность, неблагонадёжность, невероятность, невиновность, невозможность, негодность, недопустимость, недостижимость, неестественность, незаурядность, неизменяемость, неловкость, ненормальность, необеспеченность, необратимость, непреклонность, неприкосновенность, неразумность, нереальность, нестройность, нетерпимость, неумышленность, неупотребительность, неясность, добавляться, собираться, дыхание, значение, обозначение, ознакомление, окрашивание, собирание, уведомление.

В ТСС все выше упомянутые существительные на *-ость* интерпретируются как синтаксические дериваты, связанные мотивационными связями с именами прилагательными. Но примеры корпусного анализа и установление мотивационных отношений в тексте позволили нам убедиться в их полимотивированности. Так, у производного слова *бесконечность* мы обнаружили прежде всего мотивационную связь с прилагательным *бесконечный* (82 соотношения *бесконечность* → *бесконечный* и 78 примеров при порядке употребления *бесконечный* → *бесконечность*, всего 160), см.:

54) *В ту ночь Вадим Петрович сам нашел гостиничный номер, где не спали его братья по крови, пьяно хрипя про бесконечность бесконечных вопросов бытия.* (Г. Щербакова, 1999).

55) *Лозунг у них был такой: «Познание бесконечности требует бесконечного времени».* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1964).

56) *Тут, кстати, возникает парадокс логический: если Вселенная бесконечна, как возможно, чтобы бесконечность расширялась?* («Наука и жизнь», 2009) .

57) *Второй момент тоже был бесконечным, но эта новая бесконечность оказалась уже чуть короче — хотя бы потому, что она была новой.* (В. Пелевин. И. Кублаханов, 1994).

Кроме того, существительное *бесконечность* также мотивировано существительным *конечность*, но в этом случае найдено значительно меньше примеров: 12 примеров на *конечность* → *бесконечность* и 11 на *бесконечность* ← *конечность* (всего 23), например:

58) Таким образом, что такое **конечность** и чем она отличается от **бесконечности**, — надо еще подумать... (А. Я. Смородинский, 1987).

59) Присутствие пределов называется **конечность**, а отсутствие их — **бесконечность**. (Я. П. Козельский, 1768).

60) Это — об удовольствии и страдании, о счастье — несчастье, о продлении извечного дуализма «да» и «нет» в **бесконечности** космического бытия через **конечность** индивидуальных жизней. (А. Пятигорский, 1997).

61) Ибо если б не было **бесконечности**, не было бы и **конечности**, немыслима бы она была (Ф. М. Достоевский, 1850-1881).

Можно сказать, что преобладание мотивационных связей лексемы *бесконечность* как синтаксического деривата с прилагательным *бесконечный* среди других мотиваций (более чем в 7 раз чаще) косвенно отражено в ТСС, в котором не отмечены его модификационные связи (отрицание отвлеченного признака *конечности*), последние встречаются в текстах философского характера, как в приведенных выше.

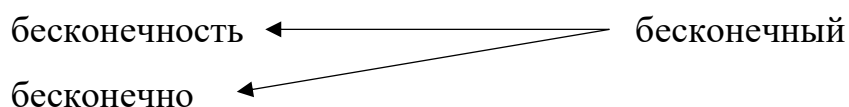
Кроме того, наша методика позволила изучить и реализацию в тексте опосредствованных мотивационных связей, когда существительное на *-ость* в тексте мотивировано наречием. Как мы уже указывали на странице 40, такие мотивационные соотношения в лингвистике трактуются как опосредствованные мотивационные связи, т.е. это мотивационное отношение двух слов, «одно из которых отличается от другого совокупностью формантов» [Улуханов 2019: 34]. Например, слово *бесконечность* в тексте еще может быть мотивировано наречием *бесконечно*, см.:

62) Только ограничив эту свободу до **бесконечности**, то есть рассматривая ее как **бесконечно** малую величину, мы убедимся в совершенной недоступности

причин, и тогда вместо отыскания причин история поставит своей задачей отыскание законов. (Л. Н. Толстой. Война и мир, 1867-1869).

63) По сути, перед нами две **бесконечности**, одна заключена в абстракции, старающейся покорить **бесконечно** большое, другая — в попытке справиться с **бесконечно** малым. (О. В. Аронсон, 2007).

По рисунку 1 представлены мотивационные связи, обычно выделяемые в словообразовательной системе русского языка, между тремя этими словами:

(рисунок 1)

Мы видели, что существительное *бесконечность* и наречие *бесконечно* непосредственно связаны с прилагательным *бесконечный*, а слово *бесконечность* и *бесконечно* опосредованно связаны друг с другом. Но подробно такие мотивационные отношения в нашей работе мы не исследуем, так как основным объектом нашего изучения являются словообразовательные мотивационные отношения, когда производное и производящее отличается одним словообразовательным формантом.

Проанализируем следующий пример. У производного слова *невозможность* мы обнаружили мотивационную связь прежде всего с прилагательным *невозможный* (31 соотношение *невозможность* → *невозможный* и 44 примера при порядке употребления *невозможный* → *невозможность*, всего 75), например:

64) То в этом **невозможном** соответствии сама **невозможность** понимания и соотнесения является принципиальной. (О. В. Аронсон, 2007).

65) Когда же самое главное из **невозможного** становится возможным, возможна и любая иная **невозможность**. (Нодар Джин. Учитель, 1980-1998).

66) *А кобыла ржала, а львица, устав от **невозможности невозможного**, опрокинулась на спину и раскинула все лапы, а эму, единственный претендент на канун священной весны южного полушария, запросовывал-запросовывал головку свою с горизонтально улыбающимися губами в ячейку вольерной сетки, но головка никак не просовывалась, а маленький вонючий шакал плакал на голос, точь-в-точь пастушка, сдуру отсопевшая под обольстившим ее неопытность жалейкой-сопелкой пастушком...* (Асар Эппель. *Aestas sacra*, 1990-2000)

67) *Умозрение, обнаруживающее **невозможность** уничтожения материи посредством толчков или давления, не находит ничего **невозможного** в уничтожении ее иными путями.* (Н. О. Лосский, 1906-1908).

Кроме того, существительное *невозможность* мотивировано существительным *возможность*: было найдено 211 примеров, из которых 136 контекстов фиксируют порядок употребления *возможность* → *невозможность*, при этом в 75 предложениях мотивированное слово *невозможность* располагается перед мотивирующим *возможность*, что является еще одним подтверждением наличия мотивационных связей между этими словами, например:

68) *Разумеется, действительная **возможность** или **невозможность** воли противостоять греху доступна в своей глубине лишь Божьему всеведению.* («Наука и религия», 2008).

69) *Можно однозначно указать **возможность** или **невозможность** прикрепления поставщиков к одному и тому же переработчику.* (А. М. Белевцев, 2003.06.23).

70) *Еще одна проблема — **возможность** (или **невозможность**) изучать язык* («Эксперт Северо-Запад», 2015).

71) *Но внутри этой **невозможности** есть исчезающе маленькая **возможность**.* (Виктор Пелевин. БэтманАполло, 2013).

72) При **невозможности** перевода стрелок в такое положение следует предусматривать другие мероприятия, исключая такую **возможность**. («Российская газета», 2003).

73) На самом деле **невозможность** стала **возможностью** при понимании взаимопереходов, то есть репагулярном исчислении (35) (И. А. Ефремов. Туманность Андромеды, 1956).

У производного слова **бесполезность** мы обнаружили мотивационную связь как с прилагательным **бесполезный** (3 соотношения **бесполезность** → **бесполезный** и 4 примера при порядке употребления **бесполезный** → **бесполезность**, всего 7), так и с существительным **полезность** (7 примеров на **полезность** → **бесполезность** и 1 пример на **бесполезность** ← **полезность**, всего 8), например:

74) Учитывая очевидную **бесполезность** занятий описанных в данном произведении персонажей, автор по мере возможности постарался придать и самому произведению как можно более **бесполезную** форму. (В. Тучков, 2000).

75) После недолгой, **бесполезной** и томительной по своей **бесполезности** службы в московском сенате, — этом удивительном архиве государственных старцев, Ивана Сергеевича потянуло в народ. (В. Д. Смирнов, 1895).

76) Но **полезность** нашей работы была так реальна и наглядна и особенно в сравнении с **бесполезностью** прежней, на оборонительных рубежах, что никто не жаловался на усталость, не ворчал, хотя случалось, мы ночами не спали или работали в мокрой одежде. (С. М. Голицын, 1946-1976).

Есть и такие интересные случаи, когда в одном предложении актуализируются обе возможные мотивационные связи, например:

Строго говоря, эксперимент может дать ответ не на вопрос об истинности или ложности геометрии, а лишь на вопрос о ее **полезности** или **бесполезности**, а точнее, о степени полезности, ибо совсем **бесполезных** теорий, пожалуй, не существует. (В. Ф. Турчин, 1970).

Глагол **собираться** в ТСС рассматривается как одномотивированное слово и образуется только от возвратного глагола СВ **собраться** «собираться

[собр(а-ть)ся → собир-а-ться]» [Ширшов, 2004: 103]. В НКРЯ мы обнаружили мотивационную связь прежде всего с *ссобраться* (124 соотношение *собираться* ← *собраться* и 55 примеров при порядке употребления *собраться* → *собираться*, всего 179), например:

77) *А потом оно опять **собирается**, и ещё раз **соберётся**, и ещё много раз **соберётся**.* (Владимир Войнович, 1976).

78) *Еще два дня назад в этой же квартире он мылся утром, **собираясь** за Машей, напевал что-то и думал, как они **соберутся** с ней и поедут, как муж и жена.* («Новый мир», 2013).

79) *Тетя Рая сунула руку в карман и там, за рваной подкладкой, которую все **собиралась** зашить, да так и не **собралась**, нашла рубль.* (Маша Трауб. Замочная скважина, 2012).

80) *Итак, друзья, мы **собрались** здесь, давно не видавшие друг друга, и, пока не пришли приглашенные нами флейтистки, давайте обсудим, чего мы ожидаем от нашего собрания, и зачем вообще заведен у людей такой обычай — **собираться** за пиришественным столом.* («Отечественные записки», 2003).

81) *Эта группа интересна тем, что в ней **собрались** люди, которые никогда не **собирались** ни в какие стада, ни в какие шайки, ни в какие секты.* («Пятое измерение», 2003).

82) *Они и **собрались**, и еще долго-долго будут **собираться** вместе.* («Знание - сила», 1998).

Кроме того, глагол *собираться* также может быть образован от невозвратного глагол НСВ *собирать*, но в данном случае примеров было найдено значительно меньше (27 соотношений *собирать* → *собираться* и 22 примеров в обратном направлении: *собираться* ← *собирать*, всего 59). Это является еще одним свидетельством существования двух мотивационных отношений между этими словами, например:

83) *Он было запретил всем нам **собираться** вместе, но сам же всех **собирал** в пятом зале и вел следствие.* («Октябрь», 2002).

84) *Гимназисты, семинаристы, молодые студенты и т.д. читали, **собирались** для заслушивания рецензий, **собирали** книжки.* (В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания, 1953).

85) *Учащиеся. Двояковыпуклая линза — это **собирающая** линза, т. е. лучи, проходящие через линзу, **собираются** в одной точке, называемой фокусом.* («Первое сентября», 2003).

86) *Человек, **собирая** в памяти прошедший год — в одно целое, в точку, — сам под первым снегом как будто **собирался**, остывал и каменел; и затем безбоязненно принимал зиму.* (Андрей Балдин. 1997).

Метод корпусного анализа мотивационных связей дериватов обнаруживает наличие второй, модификационной, мотивации у целого ряда других слов, представленных в словаре как одномотивированные и образованные от прилагательных. Это следующие производные: *безвозвратность, безвременность, бездеятельность, безотносительность, безобразность, безыдейность, бесхозяйственность, бесценность, неважность, невольность, нежелательность, неузнаваемость*. Все эти слова в ТСС трактуются как мотивированные прилагательными, но в корпусном материале у многих производных представлена (а в некоторых случаях и преобладает) мотивация существительными. Например, слово *бездеятельность* в ТСС интерпретируется как дериват, образованный от прилагательного *бездеятельный*: «*бездеятельность* [бездеятельн(ый) → бездеятельн-ость]» [Ширшов 2004: 280]. Но в НКРЯ мы отметили у него наличие мотивационных соотношений также с существительным *деятельность* (16 примеров *деятельность* → *бездеятельность* и 3 примера *бездеятельность* ← *деятельность*), например:

87) *Правда, должен сказать, что последние полтора-два года его директорства прошли иначе: если первая часть его **деятельности** всеми считалась полезной, то впоследствии она превратилась в полную **бездеятельность**...* (Г. Горелик, А. Сахаров. (2004)).

88) *Я попытался раскрыть весь ужас, вытекающий из такой деятельности, а вернее — бездеятельности правительства* (В. В. Шульгин, 1971).

89) *В результате такой деятельности, равно как и свойственной молодости бездеятельности, а также деятельности в смежных областях, а именно пьянок, волокитства, игры в кости и в карты, сочинения не имеющих ни к чему отношения стихов и проз, посещения ипподрома, протаскивания друзей тайком в кинозал и проч.* (А. Найман, 1994)

Отметим, что мотивационные отношения, основанные на опредмечивании признака *деятельный* и образовании синтаксического деривата, в НКРЯ (рамках одного предложения) вообще не зафиксированы. Соответственно, данный корпусный метод не всегда может служить текстовым подтверждением системной полимотивированности производного.

В некоторых случаях корпусный метод подтверждения двойной мотивации оказался недостаточным. Так, например, многие отвлеченные существительные слова на *-ость* с приставками *без(с)-*, *не-* в ТСС рассматриваются как производные с двойной мотивацией: они могут быть образованы, как мы отметили, суффиксальным способом от приставочных прилагательных и префиксальным способом от отвлеченных существительных. Но в материале НКРЯ иногда преобладает мотивация существительным. Речь идет о таких словах, как *бездуховность, неблагопристойность, невежливость, невменяемость, невыгодность, негласность, ненадобность, ненамеренность, необоснованность, необязательность, неосуществимость, неповоротливость, неправомерность, неправомотность, неправоиспособность, непригодность, нескромность, неубедительность, нечувствительность*. Например, слова *невежливость, невыгодность, необязательность* в ТСС интерпретируются как производные слова с двойной мотивацией: *невежливость* [невежлив(ый) → невежлив-ость и вежливость → не-вежливость] [ТСС: 135]; *невыгодность* [невыгодн (ый) → невыгодн-ость и выгодность → не-выгодность] [ТСС: 192]; *необязательность*

[необязательн(ый) → необязательн-ость и обязательность → не-обязательность] [ТСС: 583]. Но, используя корпусный анализ, мы обнаружили у них мотивационные связи только с *вежливость*, *выгодность* и *обязательность*. В других случаях преобладает мотивация прилагательным, если речь идет о таких словах, как *неласковость*, *нелюбезность*, *необъективность*, *неодушевленность*, *непокорность*, *неравноправность*, *несоразмерность*. Например, слова *необъективность*, *непокорность*, *нелюбезность* в словаре считаются производными с неединственной мотивацией: *необъективность* [необъективн(ый) → необъективн-ость и объективность → не-объективность] [ТСС: 582]; *непокорность* [непокорн(ый) → непокорн-ость и покорность → не-покорность] [ТСС: 683]; *нелюбезность* [нелюбезн(ый) → нелюбезн-ость и любезность → не-любезность] [ТСС: 451]. Но в материале НКРЯ мы нашли соответствующие примеры только со словообразовательной парой: *необъективн(ый)* → *необъективн-ость*; *непокорн(ый)* → *непокорн-ость*; *нелюбезн(ый)* → *нелюбезн-ость*.

4.3. Анализ неединственной мотивации производных слов в Генеральном интернет-корпусе русского языка

Для укрепления нашей методики мы обратились к Генеральному интернет-корпусу русского языка (ГИКРЯ) – для проверки тех случаев, когда по текстам НКРЯ мы не смогли найти текстов, подтверждающих двойную мотивацию. Это мегакорпус (содержит более 20 млрд. слов), созданный при помощи полностью автоматической технологии сбора и разметки текстов из Рунета и основанный на современных достижениях компьютерной лингвистики. Корпус включает в себя материалы крупнейших ресурсов Рунета: Новостей, В Контакте, Живого Журнала, Блогов Мейл.ру, а также Журнального Зала. Используя материалы ГИКРЯ, мы обнаружили подтверждение текстовых мотивационных связей у таких слов, как *невезучесть*, *нелогичность*, *немногочисленность*, *неорганизованность*, *неосязаемость*, *неофициальность*,

неплатежеспособность, неприязнительность, неработоспособность, нерациональность, нерешимость (11 слов из 24, приведенных выше). Например, в ГИКРЯ были найдены контексты с употреблением производного слова *невезучесть* с двумя его производящими (*невезучий* и *везучесть*):

90) Почему **везучесть** не передается каким-либо путем? а **невезучесть** буквально в эфире распространяется.

(<https://m.livejournal.com/read/user/triklinka/10584>)

91) Он очень добрый и славный - но совершенно незаметный и фантастически **невезучий**. **Невезучесть** эта вызвана по большей части тем, что он сам не знает, чего хочет от жизни и к чему стремится.

(https://m.livejournal.com/read/user/milena_tori/98871)

Мотивационная связь *везучесть* → *невезучесть* реализуется, по данным ГИКРЯ, в пределах одного высказывания 9 раз, а *невезучесть* → *везучесть* 1 раз. Мотивационная связь на основе синтаксической деривации менее частотна: комбинация *невезучий* → *невезучесть* в ГИКРЯ встретилась 2 раза, при этом нами не было обнаружено ни одного примера комбинации слов в обратном порядке *невезучесть* → *невезучий*.

Подобным образом у производного слова нелогичность мы обнаружили только мотивационную связь с существительным *логичность* (7 примеров комбинации *логичность* → *нелогичность* и 2 примера комбинации данных слов в обратном порядке):

92) **Логичность** и **нелогичность** заметна почти сразу.

(<https://m.livejournal.com/read/user/xkobo/205630>)

93) Но если кто-то найдет **нелогичность** моих мыслей, или же наоборот их **логичность**, и сможет это чем-то это все дополнить, я буду только рад.

(<http://m.livejournal.com/read/user/160>).

Другие слова из этого списка (13 слов) не были обнаружены ни в НКРЯ, ни в ГИКРЯ; речь идет о таких словах, как *безубыточность, неощутимость, непитательность, неплодородность, неполноправность, непокорность,*

непреднамеренность, непредумышленность, неслаженность, неуживчивость, нечуткость, неэкономичность.

По всей видимости, этот факт можно объяснить относительно низкой частотностью данных слов. Действительно, если сравнить частотность данных слов и рассмотренных выше дериватов с проверенной контекстной реализацией полимотивированности (см. таблицы 1 и 2), то становится очевидным, что данный корпусный метод дает стабильные результаты только у высокочастотных слов.

Таблица 1: частотность дериватов с обнаруженными полимотивационными связями в рамках одного предложения (расположены по убывающей частотности)

Слова	В НКРЯ	В ГИКРЯ
безопасность	19312	235437
независимость	6786	57925
неосторожность	1440	20261
безграмотность	507	17930
неопределённость	2378	11080
неверность	690	10350
неправильность	788	8334
неграмотность	412	8215
безответственность	602	6987
непрерывность	719	5348

Таблица 2: частотность дериватов, у которых полимотивационные связи в рамках одного предложения не были обнаружены.

Слова	В НКРЯ	В ГИКРЯ
нечуткость	51	412
безубыточность	36	335
неуживчивость	41	217

непреднамеренность	25	138
неслаженность	6	120
неэкономичность	7	113
неощутимость	7	47
неплодотворность	4	28
непредумышленность	2	13
неполноправность	2	5
непитательность	0	3
неплодородность	1	0

5. Выводы

Неединственная мотивация, определяющаяся как возможность выводимости одного производного из двух и более производящих, широко представлена в русском языке. Это системное явление обычно рассматривается на фоне одномотивированных слов. В ТСС для обозначения неединственной мотивации используются два термина – «поликоррелятивность» и «полимотивированность». При поликоррелятивности производное обращено к разным производящим, мотивирующим разные лексические значения (*пили-ть* → *пил-к-а*: действие по глаголу *пилить*; *пила* → *пил-к-а*: маленькое ручная пила). При полимотивированности обнаруживается выводимость одного производного из разных производящих в пределах одного лексического значения (*нелогичность* ← *нелогичный* и *логичность*), при этом обе производящие базы должны использоваться в толковании производного и отличаться от производного равным количеством формантов.

В начале нашего исследования было проведена работа со словарем И.А. Ширшова, были выявлены все слова, относящиеся к следующим словообразовательным моделям: существительные на *-ость* с приставками *не-* и *без(с)-*; наречия на *-о* с приставками *не-* и *без(с)-*, производные имена со значением женскости, а также было определено количество одномотивированных

и полимотивированных слов этих групп. В результате исследования мы получили следующие данные: из 176 существительных на *-ость* с приставкой *не-* 83 (47%) слова отмечены как полимотивированные, а 93 (53%) – как одномотивированные; из 85 существительных на *-ость* с приставкой *без(с)-* 8 (10%) слов являются полимотивированными, а 77 (90%) – одномотивированными; из 135 наречий на *-о* с приставкой *не-* 59 (44%) имеют неединственную мотивацию, а 76 (56%) имеют единственную мотивацию; из 49 наречий на *-о* с приставкой *без(с)-* только у пяти (10%) дериватов отмечена неединственная мотивация, у остальных 44 (90%) неединственная мотивация отсутствует. Далее был расширен предмет исследования и проведен анализ 70 толково-словообразовательных гнезд, представленных в словаре, чтобы выявить другие типы полимотивированных слов и их количество. В 70 проанализированных словообразовательных гнездах содержится 4284 производных слова, среди которых насчитывается 512 слов с неединственной мотивацией. В их число входит 135 поликоррелятивных слов (26%) и 377 полимотивированных слов (74%).

Наше исследование показало, что следующие словообразовательные типы проявляют наибольшую регулярность в обладании двойной мотивацией: существительные с суффиксом *-ость* и с приставкой *не-* (тип *независимость* ← *независимый*, *зависимость*; *неграмотность* ← *неграмотный*, *грамотность*); качественные наречия на *-о* с приставкой *не-* (тип *нелогично* ← *нелогичный*, *логично*; *ненормально* ← *ненормальный*, *нормально*); приставочные глаголы НСВ (тип *вдохновляться* ← *вдохновлять*, *вдохновиться*; *увеличиваться* ← *увеличиться*, *увеличивать*); личные имена существительные женского рода с суффиксами *-к(а)*, *-ниц(а)*, *-иц(а)*, *-щиц(а)* и др. (*красавица* ← *красавец*, *красивый*; *избранница* ← *избранник*, *избранный*); возвратные приставочные глаголы совершенного вида СВ (тип *развариться* ← *разварить*, *вариться*; *согреться* ← *согреть*, *греться*); приставочные глаголы НСВ с суффиксом *-ы(и)ва-* (тип *закатывать* ← *закатить*, *закатать*; *переворачивать* ← *перевернуть*, *переворотить*); отглагольные существительные со значением

действия на *-ние* (тип *увеличение* ← *увеличить, увеличиться; повышение* ← *повысить, повыситься*).

У следующих словообразовательных типов полимотивированность реализуется менее регулярно: у существительных на *-ость* с приставкой *без(с)-* (тип *безопасность* ← *безопасный, опасность; безответственность* ← *безответственный, ответственность*); у наречий на *-о* с приставкой *без-* (тип *беззлобно* ← *беззлобный, злобно; бессердечно* ← *бессердечный, сердечно*); у личных существительных с суффиксами *-ник, -чик, -щик* таких, как *советник* (← *советовать, совет*), *разведчик* (← *разведать, разведка*); у прилагательных на *-н(ый)* (тип *переводный* ← *переводить, перевод; разводный* ← *разводить, развод*); у существительных на *-ств(о)* (тип *разбирательство* ← *разбирать, разбираться*); у отглагольных существительных с нулевым суффиксом (тип *нагрев* ← *нагревать, нагреваться; прогрев* ← *прогревать, прогреваться*); у адъективных существительных на *-ие* с приставкой *не-* (тип *неравноправие* ← *неравноправный, равноправие*).

Среди всех представленных в ТСС полимотивированных слов, содержащихся в 70 гнездах, были обнаружены 17 производных слов, которые не соответствуют критерию полимотивированности. Так, 8 слов (*изукрашивать, разукрашивать, бездушие, беззлобие, развратник, акционерный, горнолыжник, капризник*) отличаются от их мотивирующих баз разным количеством формантов: в данных случаях речь идет об опосредствованной мотивации. У 9 слов (*подведомственный, беззлобный, авантюристичный, булочник, бездельник, огородничать, предводительство, предательство, жительство*) было обнаружено расхождение формальной и семантической производности.

В результате нашего исследования было обнаружено, что нахождение в одном тексте двух однокоренных слов, связанных в пределах этого текста семантически, может свидетельствовать о реализации мотивационных отношений между ними, причем двух типов – непосредственной и опосредствованной мотивации. Таким образом, наше исследование показало, что

полимотивированность в русском языке реализуется значительно шире, чем она представлена в словаре.

Корпусный метод, впервые примененный в нашем исследовании, позволил изучить реализацию системно обусловленной полимотивированности в тексте, демонстрируя разнонаправленные мотивационные связи дериватов. Корпусный анализ мотивационных связей дериватов дал возможность обнаружить наличие второй мотивации у целого ряда других слов, представленных в ТСС как одномотивированные: слова типа *бездеятельность*, *неважность* мотивированы не только прилагательными (*бездеятельный*, *неважный*), но и существительными (*деятельность*, *важность*).

Таким образом, неединственная мотивация производных слов играет большую роль в словообразовательной системе русского языка. Отметим, что в китайском языке множественной словообразовательной мотивации нет. Это объясняется тем, что словообразовательная система в китайском языке устроена по-другому и отличается от русской небольшим количеством суффиксов. В китайском нет такого разнообразия словообразовательных способов, словообразовательных формантов и словообразовательных типов, как в русском языке. Поэтому нет и условий для реализации неединственной словообразовательной мотивации (подробнее различия в типах мотивации в русском и китайском языках рассматривается в последней, 4-ой, главе).

ГЛАВА 3. МОТИВАЦИЯ РУССКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА В СЛОВАРЕ И ТЕКСТЕ

1. Вступление. Трактовка мотивационных отношений в родовых парах в российской лингвистике

1.1. Родовые пары личных имен существительных

В данной главе рассматриваются мотивационные отношения производных личных имён существительных женского рода в языковой системе и тексте с применением корпусных методов исследования. Предварительно рассмотрим важные для данного исследования понятия.

Родовая пара объединяет «два существительных, формальные различия между которыми сводятся к тому, что одно из них относится к м. роду, а другое – к ж. роду, а семантические – связаны с различиями при указании на пол обозначаемых ими лиц или животных и птиц» [Галактионова 2000: 75]. «На основании следующих признаков: обозначают ли слова лицо или иное живое существо, образована ли пара с помощью словообразовательных средств или в нее входят разнокоренные слова, является ли оппозиция эквиполентной или привативной» [Там же], выделяется несколько типов родовых пар, прежде всего 1) лексические эквиполентные (*муж – жена, брат – сестра*), 2) словообразовательные (образованные при помощи словообразовательных формантов) и морфологические (различающиеся лишь флексией) привативные (*студент – студентка, больной – больная*). «Если каждый из членов родовой пары называет существо только одного пола, оппозиция эквиполентна; если так себя ведет только один из членов родовой пары, а второй член может называть существо любого пола, то оппозиция привативна» [Там же]. Среди словообразовательных пар встречаются также такие, которые по семантике ближе к эквиполентным оппозициям, типа *старик – старуха*, когда номинация женщины не может быть истолкована через номинацию мужчины (*старуха ≠*

старик-женщина), при этом сокращается количество контекстов, где оппозиция нейтрализуется [Петрухина 2018].

1.2. Воззрения В.В. Виноградова на родовые пары и мотивацию личных имен существительных женского рода

Большое значение для изучения вопроса о соотношении грамматического признака рода существительного с полом, называемого этим существительным лица, имеет анализ мотивационных отношений номинаций женщин и их трактовка в лингвистике. В большинстве российских работ образование маркированных по семантике пола личных существительных женского рода однозначно связывается с немаркированными именами существительными мужского морфологического рода, в том числе и в работах В.В. Виноградова и Г.О. Винокура.

По мнению В.В. Виноградова, «в современном литературном языке категория рода имен существительных ярче всего выражается в грамматическом противопоставлении названий лиц мужского и женского пола». В.В. Виноградов писал, что «в чисто русских словах, являющихся названиями лиц, т. е. людей, формой мужского рода подчеркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека» [Виноградов 2001: 65]. Поэтому, когда речь идет о должности и профессии при обозначении лиц женского пола, форма мужского рода сохраняется: например, *доктор* (ученое звание), *доцент*, *профессор*, *инженер*, *врач*, *директор* и др. Таким образом, если в категории мужского рода «ярче выражена идея лица, чем идея пола», то «в именах существительных, являющихся именами женщин, идея пола ощущается резче и определеннее» [Там же].

В.В. Виноградов среди целого ряда причин, обусловивших «отсутствие соотносительных слов женского рода во многих обозначениях лиц по профессии,

должности, званию и – вследствие этого – применение слов мужского рода и к женщинам» [Виноградов 2001: 67], рассматривал в числе основных также социальные: «преобладание мужского труда в кругу соответствующих должностей и профессий, особенно в дореволюционную эпоху» [Там же]. При этом он подчеркивал, что в личных номинациях «социальная действительность отражается лишь в перспективе прошлого», а в современном языке растет активность суффиксов со значением женскости, «преодолевая сопротивление старых грамматических моделей» [Виноградов 2001: 68].

Что касается вопроса о мотивации личных имен женского рода, то В.В. Виноградов считал, что «названия лиц женского пола производятся от соответствующих основ имен лиц мужского пола (например: *знахарь* – *знахарка*; *француз* – *французенка*; *студент* – *студентка*; *хвостун* – *хвостунья*; *кассир* – *кассириша*; *большевик* – *большевичка* и т. п.)» [Виноградов 2001: 67]. Поэтому суффиксы личных имен женского рода соотносятся с личными суффиксами имен мужского рода. В.В. Виноградов отмечал, что «в категории лица особенно ярко выступают коррелятивные пары параллельных мужских и женских суффиксов: *-ик* – *-иц(а)*, *-ец* – *-иц(а)* и *-к(а)* и т. п. К категории лица принадлежат женские суффиксы: *-иц(а)*, *-ниц(а)*, *-ициц(а)*, *-чиц(а)*, *-льициц(а)*, *-тельниц(а)*, *-овициц(а)*, *-евициц(а)*, *-лиц(а)*, *-к(а)*, *-енк(а)*, *-анк(а)*, *-истк(а)*, *-арк(а)*, *-ачк(а)*, *-ячк(а)*, *-овк(а)*, *-ентк(а)*, *-антк(а)*, *-итк(а)*, *-атк(а)*, *-иц(а)*, *-к(а)*, *-ш(а)*, *-ич(ш)н(а)*, *-иничн(а)*, *-овн(а)*, *-евн(а)*, *-их(а)*, *-ух(а)*, *-ушк(а)*, *-ушк(а)*, *-есс(а)*, *-ис(а)*, *-ин(а)*» [Виноградов 2001: 75-81]. Важно отметить, что В.В. Виноградов однозначно указывает на мотивацию личных имен женского рода, определяющих женщину по качеству, свойству или действию (например, с суффиксом *-иц(а)*), личным именем мужского рода. Поэтому суффикс *-иц(а)* соотносится с суффиксами мужского рода *-ец*, *-ик*: *красавица*, *упрямица*, *ленивица*, *помеица* и т. п.

1.3. Трактовка мотивационных отношений в родовых парах в работах других лингвистов

Сходная точка зрения высказывается в работах многих российских лингвистов. Родовые словообразовательные пары характеризуются модификационной «женской словообразовательной моделью» типа *учитель* → *учительница*, *поэт* → *поэтесса* [Копелиович 1997: 48, РГ-80: 207-211, Улуханов 2005: 63-65], в которой лексическое значение дериватов со значением женскости равно простой сумме значений производящей основы и дериватора [Клобуков 2013: 376], например: *писательница* = ‘писатель-женщина’. В «Словаре словообразовательных аффиксов» В.В. Лопатина и И.С. Улуханова (2016) также преобладает такая модель, в которой номинация со значением женскости определяется как ‘лицо женского пола, принадлежащее к разряду лиц, названному (безотносительно к полу) мотивирующим существительным мужского рода’.

В разделе «Словообразование» учебника «Современный русский язык: теоретический курс» [Лопатин 1989: 35] помимо таких родовых пар отмечается также словообразовательная модель, в которой «производное обозначает лицо женского пола, производящее – лицо мужского пола», например «*колдун* – *колдунья*». В этом случае семантические отношения между производным и производящим более сложные. По определению Е.А. Земской, в таких случаях зачеркивается один семантический компонент мотивирующей базы (*мужчина*) и актуализируется другой – ‘женщина’ [Земская 1992: 148].

М.В. Панов отмечает двойственную семантику личных имен мужского рода, говоря о «безродных» словах с «потушенными» значениями, типа *корреспондент*, *педагог*, *адвокат* [Панов 1999: 238], которые в определенных типах контекста могут актуализироваться, и тогда имя мужского рода однозначно указывает на мужской пол. Но в других типах контекста, в частности в плане прошедшего времени, подобное имя может сочетаться с формами женского рода (например, *декан подписала приказ вчера*).

Как уже было отмечено, в Русской грамматике [РГ-80] личные существительные, называющие женщин, рассматриваются в рамках модификационного словообразования как мотивированные существительными мужского рода, причем независимо от морфемного состава и производности исходных мужских имен. Образование личных имен женского рода от других частей речи в учебниках русского языка и грамматиках обычно допускается лишь в случае отсутствия однокоренных личных имен мужского рода, например *стряпуха* (<стряпать), *гадалка* (<*гадать*) [Клобуков 2013: 378]. В одну модификационную словообразовательную категорию со значением женскости попадают номинации женщин, мотивированные как непроизводными, так и производными именами мужского рода [РГ-80: 207-211].

Таким образом, независимо от типа морфемной структуры производные личные имена существительные женского рода в РГ-80 и упомянутых выше публикациях рассматриваются как мотивированные именами мужского рода.

Данный обзор демонстрирует, по сути дела, единообразную трактовку в русистике мотивирующей базы производных имен со значением женскости, в качестве которой выступают личные имена существительные мужского рода. В родовые пары включаются даже признаковые личные номинации типа *старуха*, *красавица*, которые невозможно толковать через однокоренное имя мужского рода: *старуха* ≠ *старик-женщина. Ср, например, в [Улуханов 2005: 70]: «Слово *старуха* – самое частотное мотивированное слово из слов женского рода, находящихся в отношениях мотивации с названием лица мужского пола».

Итак, в однозначной трактовке феминитивов¹ проявляется их характеристика как вторичных, производных всегда от личных имен мужского

¹ Для имен существительных со значением женскости мы используем также широко распространенный в настоящее время, особенно в интернет-изданиях, заимствованный термин «феминитивы», но он не является в нашем исследовании основным. См., например: Феминитивы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/f_fem. – Дата доступа: 12.12.2019. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://a-z-gender.net/feminitivy.html>. – Дата доступа: 01.12.2019. Гурьянова, С. Феминитивы. Взгляд филолога / С. Гурьянова // Сноб (информационное пространство) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://snob.ru/profile/32168/blog/158103/>. – Дата доступа: 04.12.2019.

рода, независимо от семантики, причем подобная трактовка преобладает даже в том случае, если допустимы и иные мотивационные связи. Далее в данной главе представлено исследование других возможных трактовок мотивации личных имен женского рода, а именно вопроса об их полимотивированности. Предварительно отметим, что решение данного вопроса связано с морфемной структурой феминитивов.

2. Суффиксы женскости

По данным «Словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка» И.С. Улуханова и В.В. Лопатина, в русском языке имеются следующие суффиксы со значением женскости: *-ниц(а)*, *-ев(а)*, *-есс(а)*, *-ин-а*, *-ин(я)*, *-ын(я)*, *-ис(а)*, *-их(а)*, *-ух(а)*, *-иц(а)*, *-ениц(а)*, *-лиц(а)*, *-льниц(а)*, *-льиц(а)*, *-ниц(а)*, *-овиц(а)*, *-чиц(а)*, *-ищиц(а)*, *-ья*, *-адья*, *-к(а)*, *-алк(а)*, *-овк(а)*, *-анк(а)*, *-янк(а)*, *-енк(а)*, *-ачк(а)*, *-ячк(а)*, *-истк(а)*, *-ичк(а)*, *-вк(а)*, *-ушк(а)*, *-юшк(а)*, *-н(а)*, *-иничн(а)*, *-овь*, *-юх(а)*, *-их(а)*, *-и(а)* и др. [Улуханов, Лопатин 2016].

С точки зрения формальной структуры личные имена существительных женского рода можно разделить на три группы.

В первой группе номинации женщин образованы от непроизводных имен мужского рода путем прибавления суффикса: *соседка* < *сосед*, *пионерка* < *пионер*, *пассажирка* < *пассажир*, *героиня* < *герой*, *мастерица* < *мастер*, *царица* < *царь*. В этой группе мотивационные отношения однозначны: все имена со значением женскости бесспорно являются одномотивированными и в нашей работе не рассматриваются.

Во вторую группу входят производные имена мужского рода с суффиксами *-тель*, *-ист*, *-ак*, *-ач*, *-ит*, *-ат*, *-ант/-ент*, *-смен*, *-иш*, *-тяй*, *-ей*, *-ун*, и др. и личные номинации женского рода с суффиксами со значением женскости *-к-*, *-анк-*, *-ниц-*, *-иц-*, *-j-*, *-их-* и др. Морфемная структура феминитивов в этой группе сложнее, чем морфемная структура личных имен мужского рода, при этом основа мужских имен полностью входит в основу женских имен, например: *активистка* <

активист, москвичка < москвич, учительница < учитель, болтунья < болтун, ткачиха < ткач и др. Соответственно, имена женского рода отличаются от мотивирующей базы имен мужского рода на большее количество формантов. Вопрос об их полимотивированности решается неоднозначно (см. подробнее раздел 3.4).

В третьей группе однокоренные личные имена существительные мужского и женского рода имеют разные суффиксы: *украинка < украинец, любимица < любимец, певица < певец, работница < работник, буфетчица < буфетчик* и др. Это свидетельствует о том, что их морфемная структура имеет одинаковое количество формантов. Такие феминитивы находятся в центре нашего исследования.

3. Полимотивированные личные имена женского рода в ТСС

3.1. Анализ личных имен женского рода в ТСС

Во второй главе был проведен подробный анализ типов полимотивированности на базе 70 толково-словообразовательных гнезд в ТСС и было выявлено, что феминитивы по частотности занимают второе место среди полимотивированных слов как регулярная модель словообразования (на первом месте находятся возвратные приставочные глаголы НСВ, см. подробнее раздел 3.3.). Для проведения более глубокого исследования мы расширили языковой материал (вышли за границы 70 словообразовательных гнезд) и проанализировали все слова женского рода с суффиксами *-ниц(а)*, *-тельниц(а)*, *-овниц(а)*, *-щиц(а)*, *-чиц(а)*, *-лиц(а)*, *-анк(а)*, *-тк(а)* и др. содержащиеся в ТСС. В трактовке данных суффиксов женскости как самостоятельных суффиксов, существующих наряду с суффиксами существительных мужского рода, мы опирались на «Словарь словообразовательных аффиксов» Лопатина и Улуханова (2016 г.), в котором данные форманты рассматриваются как самостоятельные суффиксы, например суффикс *-ник-* (стр. 543) и суффикс *-ниц-* (стр. 558).

При проведении нашего исследования сначала мы использовали поисковую систему <https://bezbukv.ru> для получения более полного списка и выявления женских номинаций с тем или иным суффиксом по конечной части слова. В этой системе мы задали поиск слов на *-ниц(а)*, *-тельниц(а)*, *-овниц(а)*, *-щиц(а)*, *-чиц(а)*, *-нк(а)*, *-тк(а)* и в результате получили довольно полный список русских слов с данными суффиксами. Среди них были такие слова, которые не обозначали лиц женского пола, поэтому далее была проведена работа по словарям и с информантами по выявлению слов, обозначающих лиц женского пола, для их дальнейшей проверки на мотивационные связи в ТСС. В наше исследование были включены также некоторые употребительные номинации женщин, отсутствующие в ТСС (*бесстыдница*, *заочница*, *клеветница*, *колхозница*, *лыжница*, *сокурсница*, *участница*), но основное внимание было уделено все же словам, зафиксированным в данном словаре.

Таким образом, по результатам нашего исследования, слов со значением лиц женского пола с такими суффиксами в поисковой системе интернета <https://bezbukv.ru> насчитывается 1504, из них 475 слов можно найти в ТСС. Мы разделили все личные имена существительные женского рода с такими суффиксами, как *-ниц(а)*, *-овниц(а)*, *-щиц(а)*, *-чиц(а)*, *-лиц(а)*, *-виц(а)*, *-риц(а)*, *-диц(а)*, *-миц(а)*, *-тиц(а)*, *-нк(а)*, *-тк(а)*, на две группы – с финалиями *-ица* и *-ка*.

Слов, оканчивающихся на *-ица*, в поисковой системе интернета насчитывается 990, из них 341 слово можно найти в ТСС (113 – полимотивированные (*отличница*, *виновница*, *курильщица*, *ответщица*), 228 – одномотивированные по ТСС, в том числе с двумя суффиксами *-тель-ниц-(а)* (*носительница*, *пересказчица*); количество слов на *-ка* – 514, из них 134 слова можно найти в ТСС (56 – полимотивированные (*американка*, *беглянка*, *горожанка*, *гражданка*), 78 – одномотивированные, в основном образованные от непроизводных имен мужского рода (*абитуриентка*, *артистка*, *аспирантка*)).

Рассмотрим количественные результаты нашего исследования подробнее:

1) Личные существительные женского рода, оканчивающиеся на *-ица*, включают:

- слова с суффиксом *-ниц(а)* (всего 554 слова, найденных в поисковой системе <https://bezbukv.ru>), из них 225 слов содержатся в словаре И.А. Ширшова: 55 слов рассматриваются как полимотивированные, 170 – как одномотивированные. Слова на *-тель-ница* тоже входят в эту группу – всего 167 слов. Из них 69 слов включены в словарь И.А. Ширшова, и лишь 7 (*вдохновительница, вымогательница, долгожительница, избавительница, избирательница, повелительница, подательница*) из них отмечены в ТСС как полимотивированные (см. подробнее раздел 3.4.), – 10 слов на *-овница*, из них 6 (*баловница, виновница, любовница, садовница, чаровница, полюбовница*) слов рассматриваются в словаре И.А. Ширшова (2 полимотивированных слова (*баловница, виновница*) и 4 (*любовница, садовница, чаровница, полюбовница*) одномотивированных слова).

Среди 554 слов на *-ница* есть 377 слов собственно на *-ница*, из них 150 слов рассматриваются в словаре И.А. Ширшова – 46 полимотивированных слова и 104 одномотивированных слова.

1.2. Слов, оканчивающихся на *-чица*, всего 94, из них 31 слов рассматриваются в словаре И.А. Ширшова – 17 (*автоматчица, аппаратчица, буфетчица, вертолетчица, вкладчица* и др.) полимотивированных слов и 14 (*доносчица, нарядчица, переписчица, пересказчица, подписчица* и др.) одномотивированных слов.

1.3. Слов, оканчивающиеся на *-ищица*, всего 287, из них 67 слов рассматриваются в словаре И.А. Ширшова – 32 (*анонимищица, арматурищица, артельщица, банищица, болельщица* и др.) полимотивированных слова и 35 (*выборищица, выдумщица, выпарищица, мойщица, мороженищица* и др.) одномотивированных слова.

1.4. Слов с другими окончаниями (*-лица, -рица, -дица, -вица*), всего 52, из них 18 слов рассматриваются в словаре И.А. Ширшова – 9 (*дачевладельца, домовладельца, землевладельца, кормилица, красавица, ленивица, любимица, совладельца, старица*) полимотивированных слов и 9 (*владелец, мастерица, однофамилица, певица, провидица, ревнивица, сонливица, царица, чтица*) одномотивированных слов.

2) Личные существительные женского рода, оканчивающиеся на *-ка*:

2.1. Слов, оканчивающихся на *-нка*, всего 200, из них 50 слов рассматриваются в словаре И.А. Ширшова – 19 (*грубиянка, грузинка, балетоманка, американка, англичанка* и др.) полимотивированных слов и 31 (*англоманка, басурманка, блондинка, басурманка, гурманка* и др.) одномотивированное слово.

2.2. Слов, оканчивающихся на *-тка*, всего 314, из них 84 слова рассматривается в словаре И.А. Ширшова – 37 (*абитуриентка, автомобилистка, азиатка, аквалангистка, акмеистка, активистка* и др.) полимотивированных слов и 47 (*авантюристка, арестантка, аристократка, артистка, аспирантка*) одномотивированных слов.

Для лучшего понимания сложного количественного материала мы составили такую таблицу (см. ниже), указанные в таблице цифры – это количество слов в ТСС.

женские имена в ТСС	-ица (341)						-ка (134)		итого:
	-ница (225)			-др (-л / р / ђ / т / м / в-ица) (18)	-чица (31)	-ицица (67)	-нка (50)	-тка (84)	475
	-тел ьниц а	-овни ца	собств енно -ница						
мотивация									
одномотиви- рованность	62	4	104	9	14	35	31	47	306
полимотиви- рованность	7	2	46	9	17	32	19	37	169
ИТОГО:	69	6	150	18	31	67	50	84	475

(таблица 1)

Таким образом, в ТСС вошло 475 личных женских номинаций, из них 306 имен представлены как одномотивированные. Например, *мастерица, абитуриентка, блондинка, партизанка, артистка* имеют единственную мотивационную базу: они образованы в основном от производных мужских имен *мастер, абитуриент, блондин, партизан, артист*. Одномотивированные

имена в нашей работе мы не рассматриваем. В следующем разделе мы проанализируем 169 полимотивированных имен, распределив их по словообразовательным типам.

3.2. Полимотивационные связи существительных со значением женскости по ТСС

Полимотивированность отмечена в ТСС у 169 лексем со значением женскости:

1) 55 существительных на *-ниц-*: из которых а) 22 существительных с суффиксом *-ниц-*, б) 32 с двумя суффиксами – *-н-* и *-иц-* (суффикс *-н-* мы выделяем в том случае, если с данным корнем есть прилагательное)².

Приведем данные существительные: а) *бортпровод-ниц-а*, *вест-ниц-а*, *воспитан-ниц-а*, *восьмикласс-ниц-а*, *второгод-ниц-а*, *второкласс-ниц-а*, *девствен-ниц-а*, *девятикласс-ниц-а*, *десятикласс-ниц-а*, *завист-ниц-а*, *избран-ниц-а*, *изгнан-ниц-а*, *ключ-ниц-а*, *пут-ниц-а*, *балов-ниц-а*, *вдохнов-и-тель-ниц-а*, *вымог-а-тель-ниц-а*, *долгожи-тель-ниц-а*, *избав-и-тель-ниц-а*, *избир-а-тель-ниц-а*, *повел-и-тель-ниц-а*, *пода-тель-ниц-а*;

б) *безбож-н-иц-а*, *бездель-н-иц-а*, *богохуль-н-ица*, *булоч-н-иц-а*, *вероотступ-н-иц-а*, *ветош-н-иц-а*, *ветр-ен-иц-а*, *вечер-н-иц-а*, *воднолыж-н-иц-а*, *волиб-н-иц-а*, *горнолыж-н-иц-а*, *греховод-н-иц-а*, *греш-н-иц-а*, *дач-н-иц-а*, *двоеч-н-иц-а*, *диплом-н-иц-а*, *железнодорож-н-иц-а*, *искус-н-иц-а*, *каприз-н-иц-а*, *картонаж-н-иц-а*, *лареч-н-иц-а*, *надом-н-иц-а*, *неволь-н-иц-а*, *негод-н-иц-а*, *огород-н-иц-а*, *отлич-н-иц-а*, *приврат-н-иц-а*, *разврат-н-иц-а*, *свод-н-иц-а*, *современн-иц-а*, *хлеб-н-иц-а*, *винов-н-иц-а*;

² Соответственно словообразовательный формант **может включать** два суффикса: *-н-иц-*. Об использовании в словообразовательном форманте двух суффиксов см. в [Улуханов 1996: 37]. Кроме того, используются также алломорфы суффикса *-иц-*: *-лиц-*, *-чиц-*, *-щиц-* [Улуханов 2016].

2) 9 существительных с суффиксом *-иц* (дачевладел-иц-а, домовладел-иц-а, землевладел-иц-а, кормил-иц-а, красав-иц-а, ленив-иц-а, любим-иц-а, совладел-иц-а, стар-иц-а);

3) 17 существительных с суффиксом *-чиц*- (автомат-чиц-а, аппарат-чиц-а, буфет-чиц-а, вагонет-чиц-а, вертолет-чиц-а, вклад-чиц-а, доклад-чиц-а, лет-чиц-а, навод-чиц-а, налад-чиц-а, налет-чиц-а, ответ-чиц-а, перебеж-чиц-а, перевоз-чиц-а, развед-чиц-а, совет-чиц-а, уклад-чиц-а);

4) 32 существительных с суффиксом *-щиц*- (аноним-щиц-а, арматур-щиц-а, артель-щиц-а, бан-щиц-а, барабан-щиц-а, барахоль-щиц-а, бетон-щиц-а, болель-щиц-а, браков-щиц-а, брошюр-щиц-а, вальцов-щиц-а, валяль-щиц-а, вербов-щиц-а, весов-щиц-а, веяль-щиц-а, вязаль-щиц-а, гардероб-щиц-а, жалоб-щиц-а, забастов-щиц-а, заговор-щиц-а, кладов-щиц-а, купаль-щиц-а, куриль-щиц-а, модель-щиц-а, набор-щиц-а, перекуп-щиц-а, подбор-щиц-а, прогуль-щиц-а, сбор-щиц-а, свар-щиц-а, сдель-щиц-а, убор-щиц-а);

5) 19 существительных с суффиксом *-к*-, *-янк*-, *-анк*- и др. (албан-к-а, америк-анк-а, англи-чанк-а, армян-к-а, балетоман-к-а, бег-лянк-а, беж-енк-а, британ-к-а, вегетариан-к-а, волж-анк-а, герман-к-а, горож-анк-а, граждан-к-а, греч-анк-а, груби-янк-а, грузи-нк-а, дагестан-к-а и др.);

6) 37 существительных с суффиксом *-к*- (авантюрист-к-а, автомобилист-к-а, азиат-к-а, аквалангист-к-а, акварелист-к-а, аккордеонист-к-а, акмеист-к-а, акробат-к-а, активист-к-а, альпинист-к-а, альтист-к-а, альтруист-к-а, анархист-к-а, антагонист-к-а, арфист-к-а, аферист-к-а, баламут-к-а, бандит-к-а, бандурист-к-а, баптист-к-а, баскетболист-к-а, бейсболист-к-а, бенефициант-к-а, буддист-к-а, бурят-к-а, велосипедист-к-а, виолончелист-к-а, волейболист-к-а, гандболист-к-а, гимназист-к-а, гимнаст-к-а, гитарист-к-а, дарвинист-к-а, дегенерат-к-а, декадент-к-а, легкоатлет-к-а, моделист-к-а).

Данные полимотивированные номинации женщин, отмеченные в ТСС (всего 169), можно разбить на две группы.

I. В первой, самой многочисленной, группе, однокоренные личные номинации мужского и женского рода имеют разные суффиксы – 122 лексемы

безбож-н-иц-а ← безбож-н-ик, бездель-н-иц-а ← бездель-н-ик, богохуль-н-иц-а ← богохуль-н-ик, бортипровод-ниц-а ← бортипровод-ник, булоч-н-иц-а ← булоч-н-ик, вероотступ-н-иц-а ← вероотступ-н-ик, вест-ниц-а ← вест-ник, ветош-н-иц-а ← ветош-н-ик, ветр-ен-иц-а ← ветр-ен-ик, вечер-н-иц-а ← вечер-н-ик, воднолыж-н-иц-а ← воднолыж-н-ик, волшеб-н-иц-а ← волшеб-н-ик, воспитан-ниц-а ← воспитан-ник, восьмикласс-ниц-а ← восьмикласс-ник, второгод-ниц-а ← второгод-ник, второкласс-ниц-а ← второкласс-ник, горнолыж-н-иц-а ← горнолыж-н-ик, греховод-н-иц-а ← греховод-н-ик, греш-н-иц-а ← греш-н-ик, дач-н-иц-а ← дач-н-ик, двоеч-н-иц-а ← двоеч-н-ик, девствен-ниц-а ← девствен-ник, девятикласс-ниц-а ← девятикласс-ник, десятикласс-ниц-а ← десятикласс-ник, диплом-н-иц-а ← диплом-н-ик, железнодорож-н-иц-а ← железнодорож-н-ик, завист-ниц-а ← завист-ник, избран-ниц-а ← избран-ник, изгнан-ниц-а ← изгнан-ник, искус-н-иц-а ← искус-н-ик, каприз-н-иц-а ← каприз-н-ик, картонаж-н-иц-а ← картонаж-н-ик, ключ-ниц-а ← ключ-ник, лареч-н-иц-а ← лареч-н-ик, надом-н-иц-а ← надом-н-ик, неволь-н-иц-а ← неволь-н-ик, негод-н-иц-а ← негод-н-ик, огород-н-иц-а ← огород-н-ик, отлич-н-иц-а ← отлич-н-ик, приврат-н-иц-а ← приврат-н-ик, пут-ниц-а ← пут-ник, разврат-н-иц-а ← разврат-н-ик, сводн-иц-а ← сводн-ик, современ-ниц-а ← современ-ник, хлеб-н-иц-а ← хлеб-н-ик, балов-ниц-а ← балов-ник, винов-н-иц-а ← винов-н-ик, красав-иц-а ← красав-ец, ленив-иц-а ← ленив-ец, стар-иц-а ← стар-ец, любим-иц-а ← любим-ец, дачевладе-лиц-а ← дачевладе-лец, домовладе-лиц-а ← домовладе-лец, землевладе-лиц-а ← землевладе-лец, корми-лиц-а ← корми-лец, совладе-лиц-а ← совладе-лец, автомат-чиц-а ← автомат-чик, аппарат-чиц-а ← аппарат-чик, буфет-чиц-а ← буфет-чик, вагонет-чиц-а ← вагонет-чик, вертолет-чиц-а ← вертолет-чик, вклад-чиц-а ← вклад-чик, доклад-чиц-а ← доклад-чик, лет-чиц-а ← лет-чик, навод-чиц-а ← навод-чик, налад-чиц-а ← налад-чик, налет-чиц-а ← налет-чик,

ответ-щиц-а ← *ответ-чик*, *перебеж-щиц-а* ← *перебеж-чик*, *перевоз-щиц-а* ← *перевоз-чик*, *развед-щиц-а* ← *развед-чик*, *совет-щиц-а* ← *совет-чик*, *уклад-щиц-а* ← *уклад-чик*, *аноним-щиц-а* ← *аноним-щик*, *арматур-щиц-а* ← *арматур-щик*, *артель-щиц-а* ← *артель-щик*, *бан-щиц-а* ← *бан-щик*, *барабан-щиц-а* ← *барабан-щик*, *барахоль-щиц-а* ← *барахоль-щик*, *бетон-щиц-а* ← *бетон-щик*, *браков-щиц-а* ← *браков-щик*, *брошюр-щиц-а* ← *брошюр-щик*, *вальцов-щиц-а* ← *вальцов-щик*, *боле-льщиц-а* ← *боле-льщик*, *вербов-щиц-а* ← *вербов-щик*, *гардероб-щиц-а* ← *гардероб-щик*, *жалоб-щиц-а* ← *жалоб-щик*, *забастов-щиц-а* ← *забастов-щик*, *заговор-щиц-а* ← *заговор-щик*, *кладов-щица* ← *кладов-щик*, *кури-льщиц-а* ← *кури-льщик*, *модель-щиц-а* ← *модель-щик*, *набор-щиц-а* ← *набор-щик*, *перекуп-щиц-а* ← *перекуп-щик*, *подбор-щиц-а* ← *подбор-щик*, *прогу-льщиц-а* ← *прогу-льщик*, *сбор-щиц-а* ← *сбор-щик*, *свар-щиц-а* ← *свар-щик*, *убор-щиц-а* ← *убор-щик*, *валя-льщиц-а* ← *валя-льщик*, *веля-льщиц-а* ← *веля-льщик*, *вяза-льщиц-а* ← *вязаль-щик*, *купа-льщиц-а* ← *куп-а-ль-щик*, *вес-овщиц-а* ← *вес-овщик*, *албан-к-а* ← *албан-ец*, *американ-к-а* ← *американ-ец*, *британ-к-а* ← *британ-ец*, *вегетариан-к-а* ← *вегетариан-ец*, *герман-к-а* ← *герман-ец*, *граждан-к-а* ← *граждан-ин*, *дагестан-к-а* ← *дагестан-ец*, *ободран-к-а* ← *ободран-ец*, *волж-анк-а* ← *волж-анин*, *горож-анк-а* ← *горож-анин*, *греч-анк-а* ← *грек*, *арм-янк-а* ← *арм-янин*, *бег-л-янк-а* ← *бег-л-ец*, *беж-енк-а* ← *беж-енец*, *дат-чанк-а* ← *дат-чанин*,

II. Во второй группе основа мужских имен полностью входит в основу женских имен – 47: *вдохновитель-ниц-а* ← *вдохновитель*, *вымогатель-ниц-а* ← *вымогатель*, *долгожитель-ниц-а* ← *долгожитель*, *избавитель-ниц-а* ← *избавитель*, *избиратель-ниц-а* ← *избиратель*, *повелитель-ниц-а* ← *повелитель*, *податель-ниц-а* ← *податель*, *балетоман-к-а* ← *балетоман*, *грубиян-к-а* ← *грубиян*, *грузин-к-а* ← *грузин*, *авантюрист-к-а* ← *авантюрист*, *автомобилист-к-а* ← *автомобилист*, *азиат-к-а* ← *азиат*, *аквалангист-к-а* ← *аквалангист*, *акварелист-к-а* ← *акварелист*, *аккордеонист-к-а* ← *аккордеонист*, *акмеист-к-а* ← *акмеист*, *акробат-к-а* ← *акробат*, *активист-к-а* ← *активист*,

альпинист-к-а ← альпинист, альтист-к-а ← альтист, альтруист-к-а ← альтруист, анархист-к-а ← анархист, антагонист-к-а ← антагонист, арфист-к-а ← арфист, аферист-к-а ← аферист, баламут-к-а ← баламут, бандит-к-а ← бандит, бандурист-к-а ← бандурист, баптист-к-а ← баптист, баскетболист-к-а ← баскетболист, бейсболист-к-а ← бейсболист, бенефициант-к-а ← бенефициант, буддист-к-а ← буддист, бурят-к-а ← бурят, велосипедист-к-а ← велосипедист, виолончелист-к-а ← виолончелист, волейболист-к-а ← волейболист, гандболист-к-а ← гандболист, гимназист-к-а ← гимназист, гимнаст-к-а ← гимнаст, гитарист-к-а ← гитарист, дарвинист-к-а ← дарвинист, дегенерат-к-а ← дегенерат, декадент-к-а ← декадент, легкоатлет-к-а ← легкоатлет, моделист-к-а ← моделист).

Чаще полимотивированность отмечается в ТСС у имен первой группы. Мотивирующей базой, помимо имен мужского рода, по ТСС, могут также выступать глаголы, прилагательные и других существительные:

а) глаголы (25): сводница ← сводить, баловница ← баловаться, кормилица ← кормить, летчица ← летать, наводчица ← наводить, наладчица ← наладить, перебежчица ← перебежать, перевозчица ← перевозить, укладчица ← укладывать, болельчица ← болеть, браковчица ← браковать, брошюровчица ← брошюровать, вальцовчица ← вальцевать, валяльчица ← валять, вербовчица ← вербовать, веяльчица ← веять, вязальчица ← вязать, купальчица ← купаться, курильчица ← курить, перекупищица ← перекупать, прогульчица ← прогулять, сборщица ← собрать, сварщица ← сварить, уборщица ← убрать, беженка ← бежать.

б) прилагательные (32): булочница ← булочная, ветреница ← ветренный, вечерница ← вечерний, воднолыжница ← воднолыжный, волшебница ← волшебный, воспитанница ← воспитанный, горнолыжница ← горнолыжный, грешница ← грешный, девственница ← девственный, дипломница ← дипломный, железнодорожница ← железнодорожный, избранница ← избранный, изгнанница ← изгнанный, искусница ← искусный, капризница ← капризный, картонажница

← картонажный, надомница ← надомный, негодница ← негодный, отличница ← отличный, развратница ← развратный, современница ← современный, виновница ← виновный, красавица ← красивый, ленивица ← ленивый, любимица ← любимый, старица ← старый, сдельщица ← сдельный, беглянка ← беглый, вегетарианка ← вегетарианский, германка ← германский, ободранка ← ободранный),

в) другие существительные (89): бездельница ← безделье, вестница ← весть, ветошница ← ветошь, дачница ← дача, двоичница ← двойка, завистница ← зависть, ключница ← ключ, ларечница ← ларек, невольница ← неволя, огородница ← огород, привратница ← ворота, путница ← путь, хлебница ← хлеб, совладелица ← владелица, автоматчица ← автомат, аппаратчица ← аппарат, буфетчица ← буфет, вагонетчица ← вагонетка, вертолетчица ← вертолет, вкладчица ← вклад, докладчица ← доклад, налетчица ← налет, ответчица ← ответ, разведчица ← разведка, советчица ← совет, анонимчица ← анонимка, арматурица ← арматура, артельщица ← артель, банищица ← баня, барабанищица ← барабан, барахольщица ← барахло, бетонщица ← бетон, весовщица ← вес, гардеробищица ← гардероб, жалобищица ← жалоба, забастовщица ← забастовка, заговорищица ← заговор, кладовщица ← кладовая, модельщица ← модель, наборщица ← набор, подборщица ← подбор, албанка ← Албания, американка ← Америка, англичанка ← Англия, армянка ← Армения, британка ← Британия, волжанка ← Волга, горожанка ← город, гражданка ← град, гречанка ← Греция и др..

Как мы видим, большую часть полимотивированных личных имен женского рода составляют лексемы, в основу которых основы мужских имен не входят полностью, типа дипломница ← дипломник, аппаратчица ← аппаратчик, красавица ← красавец, дачница ← дачник, старуха ← старик, то есть суффиксы мужского и женского рода разные. Соответственно, морфемная структура имен мужского и женского рода имеет одинаковую сложность. Поэтому женские имена с точки зрения формального механизма словообразовательной модели находятся на одной ступени деривации по отношению к обеим производящим базам

(например, лексемам *дипломница – дипломник, диплом, красавица – красавец, красивый, дачница – дачник, дача*). Кроме того, имена мужского и женского рода находятся на одной ступени деривации по отношению к мотивирующей базе мужских имен. Следовательно, данные имена отвечают критерию полимотивированных слов, принятому в нашей работе.

Однако среди полимотивированных дериватов в ТСС имеются и имена женского рода типа *вымогательница, вдохновительница, избирательница, повелительница, подательница*, отличающиеся от соответствующего имени мужского рода лишь суффиксом женскости (ср. *вымогатель, вдохновитель, избиратель, повелитель, податель*), данный словообразовательный тип будет отдельно рассмотрен разделе 3.4.

3.3. Проверка данных ТСС при помощи контекстного анализа

Современные корпусные методы лингвистических исследований позволяют проверить наличие полимотивационных связей производных слов. Как мы уже отмечали во второй главе, в НКРЯ возможен поиск в одном тексте двух родственных слов, которые могут быть связаны мотивационными отношениями (например, *красивая* и *красавица, укладывать* и *укладчица, гардероб* и *гардеробищица*). Нахождение в одном тексте двух однокоренных слов, связанных в пределах этого текста семантически, может свидетельствовать о реализации мотивационных отношений между ними, причем двух типов – непосредственной и опосредствованной мотивации.

Как мы уже отмечали в 1-ой главе, **непосредственная мотивация** обнаруживается у двух однокоренных слов, «одно из которых отличается от другого только одним формантом», в отличие от опосредствованной мотивации, при которой одно из однокоренных слов отличается от другого «совокупностью формантов» [Улуханов 2016: 23]. Подробнее данный вопрос в связи с феминитивами мы рассматриваем ниже.

Мы провели исследование, основанное на работе с НКРЯ, по выявлению контекстов, в которых мотивированное и его мотивирующие базы употребляются вместе в рамках одного предложения. После этого был проведен анализ найденных примеров на наличие мотивационной связи между однокоренными словами и было обнаружено, что производные слова изучаемых типов могут встречаться в тексте вместе с разными однокоренными словами, которые и по форме, и по значению проще данного производного. Данный факт может служить подтверждению полимотивационных связей изучаемых производных лексем. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Было проверено 28 произвольно выбранных полимотивированных женских номинаций из ТСС, которые имеют одинаковое с именами мужского рода количество морфем (*виновница, докладчица, вкладчица, перевозчица, разведчица, советчица, барабанищица, болельщица, гардеробищица, купальщица, сборщица, уборщица, красавица, любимица, совладелица, безбожница, бездельница, воспитанница, горнолыжница, дачница, отличница, булочница, волшебница, избранница, ключница, развратница, современница, летчица*). Из них у 18 слов была подтверждена полимотивированность (*виновница, докладчица, разведчица, барабанищица, купальщица, сборщица, уборщица, красавица, любимица, воспитанница, дачница, отличница, волшебница, избранница, ключница, развратница, современница, летчица*), у 10 слов (*вкладчица, перевозчица, советчица, болельщица, гардеробищица, совладелица, безбожница, бездельница, горнолыжница, булочница*) мы не нашли текстовых подтверждений двойной мотивации.

Как мы уже отмечали, на результаты поиска оказывает влияние употребительность слова: чем оно частотнее, тем больше вероятности обнаружить в тексте его мотивирующие базы. В таблице представлены результаты анализа на частотность употребления данных слов: в первой части таблицы содержатся слова, полимотивированность которых подтверждена текстовыми примерами. Во второй части таблицы содержатся слова,

полимотивированность которых невозможно подтвердить при помощи корпусного анализа из-за отсутствия контекстов, в которых имя существительное женского рода встречалось бы вместе с его мотивирующими базами, пусть даже какой-нибудь одной. Приведенные во обеих частях таблицы цифры обозначают частотность употребления этих слов в НКРЯ.

	28 полимотивированных номинации женщин (произвольная выборка из ТСС)	Частотность употребления в НКРЯ
I. Слова с подтвержденной полимотивированностью	красавица	13238
	воспитанница	1930
	уборщица	1369
	любимица	1009
	волшебница	721
	ключница	550
	виновница	407
	избранница	326
	отличница	323
	летчица	188
	дачница	168
	современница	153
	сборщица	148
	докладчица	141
	развратница	134
	барабанщица	126
	купальщица	119
	разведчица	103

II. Отсутствие подтверждения полимотивированности	гардеробщица	57
	советчица	55
	бездельница	48
	булочница	44
	безбожница	30
	болельщица	21
	совладелица	18
	перевозчица	14
	горнолыжница	12
	вкладчица	5

(таблица 2)

При этом наше исследование показало, что полимотивированность феминитивов в тексте представлена значительно шире, чем в словаре. Из 14 слов, мотивированных по ТСС лишь именами мужского рода (*доносчица, выдумщица, обманищица, сменщица, владелица, певица, ревнивица, чтица, выпускница, крестница, помощница, сказочница, ученица, школьница*), у 11 (*обманищица, владелица, певица, ревнивица, чтица, выпускница, крестница, помощница, сказочница, ученица, школьница*) были обнаружены в тексте двойные мотивационные связи.

Приведем некоторые примеры двойных мотивационных связей личных имен женского рода – не только с именами мужского рода, но и с глаголами, прилагательными и другими существительными.

В таблице мы указываем число примеров, встретившихся в НКРЯ, и примеров с реализованными мотивационными связями:

Имена со значением женскости	Мотивационные связи с именами мужского	Общее количество примеров	количество примеров с реализованными	Мотивационные связи с другими словами	Общее количество примеров	количество примеров с реализованными
------------------------------	--	---------------------------	--------------------------------------	---------------------------------------	---------------------------	--------------------------------------

	рода	в	мотивационны ыми связями		ов	мотивационны ыми связями
банщица	банщик	7	7	баня	3	3
волшебница	волшебник	12	12	волшебный	13	13
горожанка	горожанин	10	10	город	14	14
дачница	дачник	23	23	дача	7	7
девственница	девственник	6	6	девственный	5	5
ключница	ключник	5	5	ключ	7	5
красавица	красавец	82	80	красивый	200	118
купальщица	купальщик	9	9	купаться	3	2
летчица	летчик	3	3	летать	4	3
любимица	любимец	5	5	любимый	5	5
обманщица	обманщик	3	3	обман	3	3
певица	певец	181	178	петь	217	198
сборщица	сборщик	10	10	сбор	4	4
современница	современник	4	4	современный	2	1
старуха	старик	813	487	старый	1131	1120
умница	умник	30	30	умный	25	25
ученица	ученик	182	180	учиться	56	41
школьница	школьник	22	22	школа	21	20

(таблица 3)

Как можно увидеть, в ряде случаев у личных имен женского рода чаще реализуется мотивационная связь с глаголом или прилагательным, чем с именем мужского рода (например, у таких слов, как *красавица*, *певица*, *волшебница*, *горожанка*). Проанализируем примеры из НКРЯ на употребление женских имен *красавица*, *ученица*, *дачница*, *горожанка*, *старуха*, *умница*, *крестница*, *колхозница*, *участница* в одном тексте или даже предложении с мотивирующими их родственными словами.

Как правило, когда женская номинация встречается в одном контексте с однокоренным именем мужского рода, данная родовая пара выступает как эквиолентная оппозиция, в которой имена женщины и мужчины маркированы по признаку биологического пола.

Примером родовой пары, строящейся на привативной оппозиции, является *ученик* – *ученица*. Как известно, в привативных парах есть немаркированные члены оппозиции, которые обладают свойством называть лицо как мужского, так

и женского пола. В данном случае это слово *ученик*, которое как в единственном, так и в множественном числе может обозначать лицо мужского и женского пола (*она хороший ученик*). Однако в контекстах, где *ученик* и *ученица* встречаются вместе (в НКРЯ были найдено 180 таких примеров), речь идет о противопоставлении по признаку пола, и имя женского рода *ученица* образовано от имени мужского рода *ученик*, например:

1) *И ученики, и ученицы верили, что так тому действительно и быть надлежит.* («Российская музыкальная газета», 2003.).

2) *Исполняет соединенный хор учеников реального училища и учениц женской гимназии при участии оркестра.* («Сибирские огни», 2013)

3) *Так начался роман между ученицей 11 «Б» 807-й школы и учеником 11 «А» 31-й школы.* («Столица», 1997.).

4) *В данную отчетность всех учащихся было 311 человек, причем учениц 168, учеников 143, за право же ученья все они вносили 23893 руб.* («Российская музыкальная газета», 2003.).

5) *Обрадовалась, поняла: не разбегутся мои ученицы и ученики, что-то зацепило их за живое.* («Огонек». № 11, 1970).

При этом в 56 контекстах *ученица* употребляется в рамках одного предложения не с однокоренным именем мужского рода *ученик*, а с глаголом *учиться*. Среди них лишь в 15 примерах семантическая, а значит и мотивационная связь между *ученица* и *учиться* не выявлена, например:

6) *Надо сказать, мама училась пению у ученицы известной Лишетицкой.* (Эмма Герштейн. Заметки сердца, 2002).

Грамматической основой данного предложения является *мама училась*, однако личное имя женского рода *ученица* не связано с *мамой*, речь идет о другой женщине, поэтому в этом предложении между словами *ученица* и *учиться* отсутствует мотивационную связь. Похожая ситуация наблюдается в следующем примере:

7) *Мама определила ее в медучилище, что тоже было непросто (училась она скверно) — опять же через бывшую **ученицу**. («Знамя», 2000).*

В данном предложении однокоренные слова *ученица* и *учиться* не связаны между собой семантически, хотя они употребляются рядом в одном предложении: *скверно училась* не *ученица*, а *она* — другой человек. Поэтому между этими однокоренными словами нет мотивационной связи.

Большинство примеров (41) доказывает наличие мотивационной и словообразовательной связи *ученица* именно с глаголом. Например:

8) *Старости **учатся** в юности — я была никудышной **ученицей*** («Знамя», 2003).

9) *И **училась** хорошо, к 11 классу была лучшей **ученицей**, и в институт в 15 лет поступила — была самой молодой на потоке.* (Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум), 2005).

10) *Вот новая **ученица**, ее зовут Настенька, она будет с вами **учиться**.* (Коллекция анекдотов: Вовочка 1970-2000).

11) *Я помню одну свою **ученицу** в Русской гимназии в Париже: ничем особенным не выдавалась, **училась** хорошо, ничем не была замечательна.* (митрополит Антоний (Блум, 1991).

Таким образом, слово *ученица*, являясь членом привативной родовой пары, способно в тексте реализовать свою неединственную мотивацию, проявляя в контекстах словообразовательную связь с глаголом.

Еще более последовательно типы отношений эквиолентной оппозиции реализуются в паре существительных *красавец — красавица*. В НКРЯ нами встретилось 80 контекстов, в которых *красавица* употребляется вместе с *красавец*, эти слова составляют родовую пару, построенную на эквиолентной оппозиции, в которой у женского имени реализуются мотивационные отношения с мужским именем, например:

12) *Знаете, когда меня спрашивают, какой должна быть внешность артиста, я говорю, что это не обязательно должен быть **красавец** или **красавица**, но что-то особенное должно в человеке быть.* («Огонек», 2015).

13) *Такие лица высоко ценят гримеры: артистов с блеклыми лицами они делают настоящими **красавцами** и **красавицами** — грим хорошо ложится, ничто не мешает* (В. Михальский, 2008).

14) *И судьбы многих экранных **красавиц** и **красавцев**, куда более знаменитых, нежели моя мама, споткнулись именно на звуковой дорожке... Началось другое кино.* (А. Е. Рекемчук. 2006).

15) *Его полуартистический-полубогемный дом в самом центре Москвы с **красавицей** женой и **красавцем** ирландским сеттером привлекал множество самых разных людей.* (Зоя Масленикова. 1992).

16) *Примерно двести ребят — отличники, общественники (надеюсь, что еще **красавицы** и **красавцы**) могут рассчитывать на получение стипендии Санкт-Петербурга.* («Петербургский Час пик», 2003).

Важно отметить, что намного больше примеров (около 200) было найдено на употребление *красавица* в одном контексте со словом *красивая*. Но при этом в 82 примерах отсутствует мотивационная связь между однокоренными прилагательным и существительным, например:

17) *Был некоторый сладкий привкус «**красивой** жизни» в этой тетради, и арабско-индийские **красавицы** клонили свои головки и плакали сладкозвучно, загубленные жестокими любовниками.* («Юность», 1971).

В этом предложении родственными словами являются прилагательное *красивый* и личное имя женского рода *красавица*. Однако здесь слово *красивый* нельзя рассматривать как мотивирующую базу к слову *красавица*. Эти два однокоренных слова не связаны друг с другом мотивационными отношениями: здесь не *красавица красивая*, а *жизнь красивая*. Похожую ситуацию мы наблюдаем в следующих двух примерах:

18) *Красивая* сказка, рожденная под безоблачным эгейским небом, где смуглые **красавицы** опоясывают своих героев мечами, благословляя на подвиги, а козлоногие боги, пахнувшие веселым милетским вином, отплясывают с растрепанными нимфами. («Вокруг света», 1968).

19) ... большое классическое па из «Раймонды», па-де-де из «Дон Кихота», па-де-де из «Спящей **красавицы**» — все это просто **красивый** танец. («Юность», 1971).

Прилагательное *красивый* в этих двух примерах не является признаком личного имени женского рода *красавица*, то есть *красивый* относится к другим словам: в первом примере — к существительному *сказка*, во втором примере — к существительному *танец*. Поэтому в этих двух примерах нет мотивационной связи между производным словом *красавица* и его мотивирующей базой *красивый*.

Двойная мотивация личного имени женского рода *красавица* была обнаружена в 118 примерах. В этих примерах *красавица* мотивировано не именем мужского рода *красавец*, а прилагательным *красивый*, выражающим признак. Поэтому в данных контекстах реализуется только такие мотивационные отношения — *красавица* ← *красивый*, здесь нет связи с именем мужского рода *красавец*. Получается, что, когда *красавица* образовано от *красивая*, реализуются два семантических признака:

— лицо,

— лицо женского пола.

Например: 20) *Современники описывали её в то время как довольно красивую молодую женщину (хоть и не блестящую красавицу) с живым, подвижным лицом* («Родина», 2007).

21) *И скажут: «Да, вот эта девочка очень красивая, просто настоящая красавица!»* (И. Пивоварова, 2001).

22) *Ну, дорогая моя, помни, что ты самая прекрасная, самая красивая... Ну, давай, милая моя, красавица моя...* (Л. Гурченко. 1994-2003).

23) Удивительно, Стефанию Петрову нельзя было назвать **красивой** женщиной, но она была очень хорошая актриса и когда выходила на сцену, то выглядела **красавицей** (Т. Шмыга. 2000).

24) Но наверное, **красавица** — не та, что **красива**, а та, что умеет держаться как **красавица** (Л. Г. Матвеева. 1987).

Слово *дачница* в 23 контекстах проявляет мотивационную связь с именем мужского рода *дачник*, образуя эквиполентную родовую пару, в 7 же контекстах *дачница* встречается вместе со словом *дача*. Таким образом, у данного имени женского рода мотивационная связь с именем мужского рода в текстах НКРЯ реализуется намного чаще, чем с существительным *дача*. Можно предположить, что контекстуальная связь *дачницы* с *дачником* намного крепче, потому что наличие дачи в России предполагает мужской труд: это строительство самой дачи и обработка приусадебного участка. Дачнице без дачника сложно справиться самой с этой работой. Ср.:

25) А тут еще **дачники** и **дачницы** понаехали («Профессионал», 1998.07.01).

26) Начали доходить слухи, что в городах появились какие-то западные танцы, и оленинские девушки с недоумением глядели, как приехавшие из Москвы **дачник** и **дачница** семенили в беспорядочных направлениях мелким шажком, как если бы на цыпочках, по пыльному гуляню, как бесцеремонно **дачник** то вертел **дачницу** из стороны в сторону, то насккивал на нее, набегая и даже наклоняя ее и сам наклоняясь над нею, то приподымал от земли. (В. А. Солоухин, 1959).

27) Пролетали узкие платформы без навесов с **дачниками** и **дачницами**, которые отлетали далеко в сторону в облаке пыли, поднятой поездом, и вертелись как на карусели. (Доктор Живаго, 1945-1955).

При этом наличие контекстов (даже и небольшого количества), свидетельствующих о мотивационной связи с существительным *дача*, подтверждает существование неединственной мотивации у имени *дачница* и

возможность реализации мотивации вне связи с именем мужского рода, например:

28) *Недалеко от домика Румянцевой в настоящей большой даче жили две сестры-дачницы.* (Л. Ю. Брик, 1956-1977).

29) *На старую дачу ... приехала новая дачница* (Ю. Домбровский, 1951-1956).

Противоположную ситуацию мы наблюдаем у имени женского рода *горожанка*. В 14 контекстах это слово проявляет мотивационную связь с существительным *город*, а мотивационная связь с именем мужского рода *горожанин* обнаруживается в меньшем количестве контекстов – в 10. Например, *горожанка – город*:

30) *Особенно это заметно у горожанок, ведь в городе в силу экологических причин до 40% мелких сосудов находятся в состоянии спазма.* («Домовой», 2002.09.04).

31) *Подкрался и слышу, как он объясняется с одной знатной горожанкой, дочерью одного знаменитого в нашем городе отца, одетой в рваные синие штаны и туфли на толстой подошве* (Евгений Попов, 1970-2000).

32) *А у нас женщины всех социальных слоев носили браслеты: крестьянки — медные, судя по курганам; горожанки — стеклянные, судя по постоянным находкам в городах; боярыни — золотые и черненые серебряные, судя по кладам (впрочем, в Москве кладов этого рода пока не найдено).* (А. В. Арциховский. 1947).

33) *И вот эта горожанка, почти еще ребенок, должна отказаться от всех радостей жизни в большой семье и в большом городе с его развлечениями.* (Т. Л. Сухотина-Толстая, 1910-1950)

34) *Купец, корабельщик, пять гильдейцев со своим поваром, богатая горожанка из Бата, трактирщик, эконо́м (maunciple), слуга каноника-алхимика: люди из города.* (А. К. Дживелегов. Джеффри Чосер, 1943).

Горжанка – горожанин:

35) Мы постояли немного, пытаюсь представить себе **горожан** и **горожанок** в деревянных бабусах, ремесленников, растирающих краски для Рембрандта ван Рейна, или даже всю компанию из «Ночного дозора». («Звезда», 2003)

36) Настоящему «мачо» АКПП, конечно, ни к чему, однако для простого **горожанина** или **горожанки** — весьма привлекательна. («Автопилот», 2002.07.15).

37) У подъездов **горожане** и **горожанки** поют, музицируют и сажают декоративные растения (Митьки, 1997).

38) Внешний вид **горожан** и **горожанок** Многие признаются, что держат Великий пост отчасти и для того, чтобы к весне похудеть: зимой люди сильно толстеют. («Столица», 1997.12.08)

39) Женщины в белых косынках и халатах и просто **горожане** и **горожанки** в обычных своих одеждах или с тяжелыми узлами за плечами. (А. А. Фадеев, 1943-1951).

Отметим, что упоминавшееся в разделе 2 данной главы слово *старуха* рассматривается в ТСС как одномотивированное, причем мотивированное прилагательным *старая* (а не существительным мужского рода *старик*).

Наша проверка в НКРЯ доказала наличие у данного личного имени женского рода двойной мотивации, при этом обнаружив в 487 текстах употребление имени *старуха* рядом со *старый*, например:

40) Была это **старая**, беззубая **старуха**, забытая челядью и властями (В. Быков (1985-1995).

41) Дарья — «самая **старая** из **старух**», даже не помнящая даты своего рождения: «Лет своих в точности никто из них не знал, потому что точность эта осталась при крещении в церковных записях, которые куда-то увезли — концов не сыскать» («Звезда», 2002)

42) Одна **старуха**, на вид более **старая**, чем на самом деле, вторая — под сорок, тоже уже в возрасте, а на вид — всё те же двадцать восемь («Новый Мир», 2000).

43) Там **старухи старые** красное носят и вино сосут через соломинку (Г. Щербакова, 2001).

Однако текстовые связи с именем **старик** еще более активны (1131) — налицо неединственная мотивация лексемы **старуха**. Более частое употребление имени женского рода **старуха** с именем мужского рода **старик** в одном контексте можно объяснить тем, что эти слова составляют родовую пару, маркированную по полу в единственном числе, которое функционирует в тексте как единое целое (во множественном числе в слове **старик** пол нейтрализуется). Приведем некоторые примеры:

44) В другой сказке Пушкина — «Сказке о золотой рыбке» — есть не менее важное для нас лингвистическое замечание в эпизоде, когда **старуха** уже хочет быть царицей, а **старик** отговаривает её («Наука и жизнь», 2008).

45) И **старик** откуда-то из-под земли вылез и свёл их сюда, к этой **старухе** (Ю. О. Домбровский, 1978).

46) **Старуха**, до этого молча спавшая рядом с мужем, открыла глаза и с недоумением смотрела вокруг, а **старик**, сморкаясь в подол халата, повторял... (Михаил Гиголашвили, 2007).

47) В деревни, где остались одни **старики** и **старухи**, приезжают представители крупных птицеводческих концернов. (В. В. Овчинников. 2012).

48) Это **старик** со **старухой**, она в ярко-синем шёлковом халате-дели, он — в тусклом войлочном, у обоих жёлтые кушаки цвета солнца и золота. («Сибирские огни», 2012).

На первый взгляд, похожую ситуацию, как со словом **старуха**, мы наблюдаем с именем женского рода **умница**, которое, по ТСС, имеет единственную мотивацию и образовано не от существительного мужского рода **умник**, а от прилагательного **умный**. В НКРЯ мы обнаружили 25 текстов, в

которых *умница* употребляется вместе с *умный*, но в большинстве случаев речь идет не о существительном, обозначающем слово женского рода, а о существительном общего рода, которое может относиться к лицу как женского, так и мужского пола. Примечательно, что в большинстве примеров с *умница* речь идет о лице мужского пола, например:

49) ... Молчалин — *умница*, причем он не по подлому *умен*, а правильно *умен*, конструктивно («Волга», 2010).

50) — Вот *умница*... и молоденец, а *умней* Ондрейки-ду-рака, — говорит он, покивая. (И. С. Шмелев. Лето Господне, 1927-1944).

Встречаются также случаи, в которых *умница* употребляется по отношению к лицу женского пола, например:

51) И красавица, и *умница*, *умней* моего дурака раз в десять («Звезда», 2001).

Кроме того, были обнаружены тексты, свидетельствующие о наличии у слова *умница* двойной мотивации, в них имя женского рода *умница* употребляется вместе с именем мужского рода *умник*, например:

52) Разве нынешние юные *умники* и *умницы* не обязаны знать такие детали давних споров, до сих пор окончательно не разрешенных? («Знание-сила», 2013).

В этом предложении, как и во многих других подобных контекстах, речь идет о способных школьниках, которые участвуют в популярной телеигре «Умники и умницы». Здесь эти слова имеют ярко выраженный положительный образ: все хотят стать похожими на этих умных детей. Однако в некоторых контекстах слова *умник* и *умница* имеют презрительно-негативную коннотацию, например:

53) Этих *умниц*, *умников* он всю жизнь не любил, никогда с ними не спорил, спокойно признавал их всяческое превосходство, но вот теперь и у него выиграло ретивое ... (Василий Шукшин, 1972-1974).

Это объясняется тем, что *умником* часто называют человека, который умничает и считает себя умнее других. *Умница* в данном предложении составляет родовую пару со словом именем мужского рода *умник*, являясь обозначением лица женского пола, при этом негативная окраска сохраняется.

Таким образом, лексема *умница* также обладает неединственной мотивацией, причем, в отличие от слово *старуха*, существительное *умница*, мотивированное *умный*, является словом общего рода и может употребляться по отношению как к женскому, так и к мужскому роду.

Личное имя женского рода *крестница* в ТСС рассматривается как слово, мотивированное субстантивированным прилагательным *крестный* / *крестная* или прилагательным *крестный* / *крестная* (в словосочетании с *отец* или *мать*), а не существительным мужского рода *крестник*. Наша проверка в НКРЯ подтвердила такую мотивационную связь, обнаружив некоторые примеры (5 контекстов):

54) *Маша подумала, что, должно быть, между **крестною** и **крестницей** пробежала черная кошка, поссорились, и теперь Ольга нервничает и злится.* (А. В. Амфитеатров. Марья Лусьева, 1903).

55) *Чтобы покончить с событиями 1894 года, мне остается упомянуть, что мой приятель Попов заочно записал меня **крестным** отцом своей дочери Зои, названной так в память моей покойной дочери; свою **крестницу** я впервые увидел уже взрослой барышней.* (А.Ф. Редигер, 1918).

56) *Жаль, что эта книга не вышла при жизни поэта. По виду **крестница**, она была **крестной**. Поэты интересны манифестами и статьями, но остаются они только стихами, только шедеврами.* (Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру, 1998).

Нами также были обнаружены 7 текстов, в которых слово *крестница* употребляется вместе с именем мужского рода *крестник*, образуя родовую пару, например:

57) *Произошла неприятная история с киевской художницей И. В Киев поехал мой **крестник** В.Л., а я посоветовала ему познакомиться там с И. и моей **крестницей** М., дала для них духовные книги.* (Зоя Масленикова. 1992).

58) ***Крестники** и **крестницы** так же легко умирали, как и рождались, и никто не делал из этого никакого события* (А.А. Игнатъев. 1947-1953).

Кроме этого, мы проверили в НКРЯ слова, которые нашли в поисковой системе интернета <https://bezbukv.ru>, но которые не вошли в ТСС. Речь идёт о таких словах, как *бесстыдница, заочница, колхозница, лыжница, клеветница, сокурсница, участница*. С помощью применения НКРЯ мы имели возможность установить их мотивационные связи. Так, из 7 этих слов у 5 слов была обнаружена двойная мотивационная связь: не только с именами мужского рода, но и с глаголами, наречиями, прилагательными и другими существительными (*бесстыдница* ← *бесстыдник* и *стыд*, *заочница* ← *заочник* и *заочно*, *колхозница* ← *колхозник* и *колхоз*, *участница* ← *участник* и *участвовать*, *сокурсница* ← *сокурсник* и *курс*). Приведем примеры из НКРЯ на употребление некоторых слов рядом с мотивирующими их словами:

59) — *Виктория, милок, подшей сапоги, — просила жена **колхозника** и сама бывшая **колхозница** из Рязанской области.* (А. Л. Бухарина, 1986-1990).

60) *Нередко на колхозных машинах гостелловские **колхозники** и **колхозницы** всем коллективом выезжают в минские театры.* («Крестьянка», 1955).

61) *«**Колхозница колхоза «Победа» Камышловского района ударница Песцова Анна** день боронит на корове, норму выполняет на 130-140%, а ночь на прицепке у трактора и она стала вырабатывать по 2, 5 трудодня в сутки.* («Родина», 2000).

62) *Студенты из моей группы знали, что моя мать — **колхозница** и что я сам каждое лето работал в **колхозе**.* (А. Зиновьев, 1988-1998).

63) *Старейшие **участник** и **участница** награждаются памятными призами.* («Уральский автомобиль» (Миасс, 2004.01.22).

64) У нас была огромная, литров на десять, алюминиевая кастрюля, которая была *участницей* уже двух наших попыток побега, а впоследствии *участвовала* и в третьей. (И. Л. Солоневич. Россия в концлагере, 1935)

3.4. Мотивационные связи у личных имен женского рода типа *писательница*

Как мы уже отмечали выше, большую часть полимотивированных номинаций женщин составляют лексемы, в основу которых основы мужских имен не входят полностью. Однако среди полимотивированных дериватов в ТСС имеются и имена женского рода типа *вымогательница*, *вдохновительница*, *избирательница*, *повелительница*, *подательница*, *грубиянка*, *грузинка*, отличающиеся от соответствующего имени мужского рода лишь суффиксом женскости (ср. *вымогатель*, *вдохновитель*, *избиратель*, *повелитель*, *податель*, *грубиян*, *грузин*).

Таких слов в ТСС насчитывается 164, среди них 120 рассматриваются как одномотивированные, лишь 44 – как полимотивированные. Например, *вдохнови-тельница-а* ← *вдохнови(ть)*, *вдохновитель-ниц-а* ← *вдохновитель*; *избави-тельница-а* ← *избави(ть)*, *избавитель-ниц-а* ← *избавитель*; *избира-тельница-а* ← *избира(ть)*, *избиратель-ниц-а* ← *избиратель*; *повел-ительниц-а* ← *повел(е-ть)*, *повелитель-ниц-а* ← *повелитель*; *пода-тельница-а* ← *пода(ть)*, *податель-ниц-а* ← *податель*; *ази-атк-а* ← *Ази(ј-а)*, *азиат-к-а* ← *азиат*; *анарх-истк-а* ← *анарх(изм)*, *анархист-к-а* ← *анархистка*; *афер-истк-а* ← *афер(а)*, *аферист-к-а* ← *аферист*; *балетоман-к-а* ← *балетом(и-я)*, *балетоман-к-а* ← *балетоман*; *баламут-к-а* ← *баламут(и-ть)*, *баламут-к-а* ← *баламут*; *велосипед-истк-а* ← *велосипед*, *велосипедист-к-а* ← *велосипедист*; *виолончел-истк-а* ← *виолончель*, *виолончелист-к-а* ← *виолончелист*; *волейбол-истк-а* ← *волейбол*, *волейболист-к-а* ← *волейболист*; *гитар-истк-а* ← *гитар(а)*, *гитарист-к-а* ← *гитарист*; *груби-янк-а* ← *груби(ть)*, *грубиян-к-а* ← *грубиян* и т.д..

В случае двойной мотивации, как мы уже отмечали, речь идет об опосредствованной мотивации, когда мотивационное отношение обнаруживается «между двумя словами, одно из которых отличается от другого «совокупностью формантов», в отличие от непосредственной мотивации, когда мотивационное отношение существует между двумя словами, «одно из которых отличается от другого только одним формантом» [Улуханов 2016: 23]. В качестве примера И.С. Улуханов приводит личное имя женского рода *писательница*. Оно «непосредственно мотивируется существительным *писатель*, а опосредствованно – глаголом *писать*» [Там же]. В слове *писательница* «формантом является *-ниц(а)*, а *-тель* является формантом непосредственно мотивирующего слова *писатель*» [Там же].

Таким образом, 44 женских имени, отмеченных в ТСС как полимотивированные, мы рассматриваем, вслед за И.С. Улухановым, как слова с опосредствованной мотивацией. Отметим, что у большинства таких слов (у 35 из 44) мы вообще не нашли в НКРЯ текстовые подтверждения их мотивации (*вдохновительница, вымогательница, избавительница, балетоманка, грубиянка, авантюристка, автомобилистка, азиатка, аквалангистка, акварелистка, аккордеонистка, акмеистка, акробатка, активистка, альпинистка, альтистка, альтруистка, анархистка, антагонистка, аферистка, баламутка, бандитка, бандуристка, баптистка, баскетболистка, бейсболистка, буддистка, бурятка, виолончелистка, волейболистка, гандболистка, гитаристка, дарвинистка, дегенератка, декадентка*).

Лишь у 4 слов (*избирательница, повелительница, подательница, арфистка*) были найдены контексты, в которых подтверждается мотивационная связь с именем мужского рода, причем таких контекстов немного (было найдено лишь 3 примера, в которых *избирательница* и *избиратель* встречаются вместе; 5 примеров с реализованными мотивационными связями *повелительница* и *повелитель*). Это, по-видимому, связано с частотностью употребления этих слов.

В таблице (4) представлены результаты анализа на частотность употребления данных слов в НКРЯ, наличие двойных мотивационных связей у которых невозможно подтвердить при помощи корпусного анализа из-за отсутствия контекстов.

Слова	частотность
авантюристка	118
активистка	118
акробатка	87
арфистка	88
аферистка	69
повелительница	68
избавительница	66
бандитка	62
бенефициантка	61
баскетболистка	58
анархистка	47
бурятка	45
азиатка	37
виолончелистка	34
грубиянка	34
альпинистка	31
подательница	31
автомобилистка	26
баптистка	26
избирательница	25
декадентка	22
волейболистка	19
буддистка	17
антагонистка	14
гитаристка	11
баламутка	10
аккордеонистка	9

вымогательница	9
дегенератка	9
аквалангистка	4
альтруистка	4
альтистка	4
бандуристка	4
акварелистка	2
акмеистка	2
дарвинистка	2
балетоманка	1
бейсболистка	0
гандболистка	0

(таблица 4)

Личное имя женского рода *избирательница* рассматривается в ТСС как полимотивированное: оно мотивировано именем мужского рода *избиратель* и глаголом *избирать*. В НКРЯ нам удалось найти только 3 примера, в которых слово *избирательница* и *избиратель* семантически связаны друг с другом, например:

65) *Звание Героя России, харизма, четко и жестко сформулированные слова о врагах народа вообще и ульяновцев — в частности, а также имидж чеченского победителя заставили **избирателей**, а главное, **избирательниц** отдать свои голоса ему.* (А.Григорьев, 2003).

66) *Женщин-**избирательниц** на 25, 000 больше, чем мужчин-**избирателей**.* («Русские ведомости», 1913).

В обоих примерах мотивационная пара основана на семантике эквиполентной оппозиции, в которой имена мужского и женского рода противопоставлены по признаку биологического пола: ‘мужчина’ :: ‘женщина’

Другое имя с данными формантами – *повелительница*, толкуемое в ТСС как полимотивированное, имеет лишь одну зафиксированную в НКРЯ мотивационную пару *повелитель* → *повелительница*, причем все четыре примера относятся к 19-му веку.

67) *Но фортуна, эта гордая повелительница повелителей мира, эта безглазая царица царей, — сегодня мой лакей, хуже — бердичевский фактор.* (Т. Г. Шевченко, 1857-1858).

68) *Странно и удивительно, как женщина, эта гордая, недоступная повелительница всех наших желаний, поступков, одним взором посылающая мужчину на все жертвы, на смерть, — в те мгновения, когда решается увенчать его пламень, становится не царицей, а рабой, не награду подает она за жертвы и лишения, а платит униженно дань своему повелителю, становится игрушкой его своенравных восторгов.* (Н.В. Кукольник. М.С. Березовский, 1844).

69) *повелительница — все погибло: стража изменила; она провозглашает убийцу повелителем царьградским — и вот награда, когда я хотел удержать изменников,..* (Н. А. Полевой. Иоанн Цимисхий, 1841).

70) *Вместо того, чтобы ты был моим повелителем, я хочу стать твоей повелительницей.* (В. М. Дорошевич, 1893-1916).

Остальные 117 имен существительных с данными формантами отмечены в ТСС как одномотивированные, их мотивационной базой являются имена существительные мужского рода с суффиксом *-тель*, а также небольшое число производных имен мужского рода или мужских имен без суффикса, например: *благодетельница, благожелательница, благотворительница, блюстительница, воспитательница, доверительница, завещательница, законодательница, заместительница, зрительница, исполнительница, любительница, метательница, мечтательница, мстительница, мучительница, наблюдательница, надзирательница, нарушительница, носительница, обитательница, обличительница, обольстительница, освободительница, основательница, отправительница, отравительница, оформительница, очковтирательница,*

писательница, победительница, поздравительница, покорительница, покровительница, покупательница, попечительница, правительница, прародительница, предводительница, предсказательница, предъявительница, просветительница, просительница, родительница, руководительница, свидетельница, слушательница, смотрительница, собирательница, совместительница, сожительница, спасительница, управительница, устроительница, учительница, ценительница, читательница; англоманка, басурманка, блондинка, наркоманка, смутьянка, аспирантка, ассистентка, брюнетка, бюрократка.

Мы согласны с таким решением. Проверка же по НКРЯ выявила у 20 из них двойные мотивационные связи не только с существительными мужского рода, но и с другими словами – в рамках опосредствованной мотивации. Это такие имена, как *воспитательница, исполнительница, любительница, мечтательница, мстительница, носительница, отравительница, писательница, победительница, покупательница, правительница, просветительница, просительница, родительница, руководительница, свидетельница, слушательница, сожительница, спасательница, читательница*. По всей видимости, широкие мотивационные связи таких слов в тексте и выявление контекстов с опосредствованной мотивацией зависит от частотности этих слов (см. таблицу 5).

Имена со значением женскости	Частотность	Мотивационные связи с именами мужского рода	количество примеров с реализованными мотивационными связями	Мотивационные связи с другими словами	количество примеров с реализованными мотивационными связями
воспитательница	1230	воспитатель 12	12	воспитать 3	3
грузинка	466	грузин 6	6	грузия 4	4
исполнительница	596	испольнитель 8	8	исполнить 3	3
любителница	519	любитель 23	23	любить 5	5
мечтательница	312	мечтатель 2	2	мечтать 2	2
руководительница	414	руководитель 3	3	руководить 2	1

писательница	2286	писатель 60	60	писать 74	57
победительница	647	победительник 8	8	победить 20	19
покупательница	418	покупатель 12	12	покупать 3	3
слушательница	612	слушатель 31	31	слушать 7	7
спасительница	454	спасатель 6	6	спасти 5	4
читательница	638	читатель 76	76	читать 9	8

(таблица 5)

Приведем некоторые примеры на употребление данных имен в НКРЯ. Личное имя женского рода *спасительница* рассматривается в ТСС как одномотивированное, оно мотивируется именем мужского рода *спаситель*. В тексте мотивационные отношения у данного имени представлены шире, чем в системе за счет реализации опосредствованной мотивации. Последняя обнаружена в 4 контекстах, где мотивационные отношения связывают женское имя *спасительница* с причастными формами глагола *спасти*.

71) *И спасенная, и спасительница промокли насквозь, платья прилипли к телу, косы Машеньки отяжелели от воды, а прежде искусно взбитая прическа Николь сделалась совсем жалкой, и краски макияжа размазались по ее счастливому лицу* (Вацлав Михальский. Весна в Карфагене, 2001).

72) *Лариса, не раздумывая, поспешила ей на помощь. Девочка была спасена, но спасительница погибла. Лариса всегда была искоркой, которая зажигала сердца ребят* («Химия и жизнь», 1969).

73) *Зурга поспешно подходит к молодому рыбаку, вырывает из рук его ожерелье и, узнав в нем то ожерелье, которое он когда-то дал в подарок девушке, спасшей его от разбойников, вскрикивает, пораженный этим неожиданным открытием, что Лейла была его спасительницей.* (Д. Марголин. Спутник меломана, 1908).

74) *Какая надобность, если судьба уже благословила два сердца на всю вечность быть одним сердцем и, разрывая их, надобно было растерзать их, облить кровью и, может быть, окровавленными руками положить во гроб — и юношу, спасенного Эммою, и девушку эту, спасительницу юноши...* (Н. А. Полевой. Эмма, 1834).

Все примеры, включающие мотивационную пару *спаситель* → *спасительница*, однотипные и относятся к первой половине 20-го века. Оба существительных употреблены рядом, отношения в мотивационной паре эквиполентные. Приведем один пример:

75) *Метафора ‘въезда в город’, которая соответствует выходу из смерти (ср. триумф), прикрепляется к спасителям и спасительницам так же, как и метафора ‘взятия города’, ‘победы над городом’, ‘спасения города’, в целом ряде случаев въезд спасителя в город семантизирует производительный акт, метафорический вариант входа жениха в брачный покой.* (О. М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра (1935).

Данный пример интересен тем, что сначала имя *спаситель* предстает как маркированный член мотивационной эквиполентной оппозиции (выражая семантический признак ‘мужчина’), а в конце предложения оно употребляется как немаркированное, объединяя всех спасителей по функции, по действию, независимо от биологического пола.

Слово *слушательница* в ТСС интерпретируется как одномотивированное, связанное с именем мужского рода *слушатель*. Так, в НКРЯ обнаружен 31 пример, в котором слово *слушательница* употребляется вместе с именем *слушатель*:

76) *Дорогие друзья! Слушатели и слушательницы! Молодежь!* (Е. Попов, 1970-2000).

77) *Слушатели и особенно слушательницы готовы были в десятый раз внимать занятым историям.* (А. П. Ладинский. (1960).

78) *Все слушатели и слушательницы были в восторге и, конечно, вполне согласились со мною в понимании типа Дон-Кихота.* (В. В. Вересаев. Воспоминания, 1925-1935).

Примеры корпусного анализа и установление мотивационных отношений в тексте позволили нам обнаружить опосредствованную мотивационную связь

имени женского рода *слушательница* с глаголом *слушать*, это демонстрируют следующие примеры:

79) *Рассказ его жадно слушали; но когда он думал, что уже кончил и удовлетворил своих слушательниц, то оказалось, что для них он как будто еще и не начинал.* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866).

80) *Она была необыкновенно благодарной слушательницей; уже то, как она слушала, — исцеляло.* (Л. К. Чуковская. Памяти Фриды, 1966-1967).

Имеется также единичный пример, где в одном предложении вместе с производным женским именем употреблена и непосредственная и опосредствованная мотивирующая база:

81) *Этот слушатель, вернее, слушательница, вела себя образцово: внимательно слушала, терпела идиотические вопросы, которые принялись задавать в конце лекции, истосковавшиеся по духовности русские любители литературы.* (Сергей Есин. Марбург (2005).

В НКРЯ были обнаружены также двойные мотивационные отношения у существительного *читательница*, связанного как непосредственной мотивацией с именем *читатель*, так и опосредствованной – с глаголом *читать*. Так, в НКРЯ были найдены 76 контекстов, где родовые пары *читательница* и *читатель* употребляются рядом в одном предложении, например:

82) *Да будет автор честен перед читателями (скорее — читательницами; читатели сами знают, что им нравится в читательницах прежде всего остального, а про глаза, ум и добрую душу придумывают позже), сперва Сергей узрел не саму Светочку, а Светочкин, простите, зад.* («Комедия женских положений», 2010).

83) *И пожалуйста, не поднимайте удивленно брови, уважаемые читатели и читательницы, все в дальнейшем будет объяснено.* (Сергей Есин, 2008).

84) *А так как Таня одна из многих сотен читателей и читательниц романа, на которых он произвел сходное впечатление, роман безусловно хорош.* («Лебедь», 2003.10.26).

Также было обнаружено 8 контекстов, в которых встречаются однокоренные слова *читательница* и *читать*, связанные опосредствованной мотивацией, например:

85) *Многих интересует вопрос, сколько мальчики **читают** по сравнению с девочками, имеющими репутацию прилежных **читательниц**.* («Рекламный мир», 2003.03.31).

86) *Слегка упомянула, что я даю **читать** книги и что угодила выбором книг своим **читательницам**.* (О. А. Бессарабова, 1923).

4. Исследование мотивационных связей личных имен женского рода в связи с гендерной проблематикой

Интерес к языковой семантической категории биологического пола и в связи с этим к категории рода в российской лингвистике не ослабевает, а, наоборот, усиливается [Кронгауз 1996, Галактионова 2000, Нещименко 2009, Мамечков 2010]. Это связано с формированием в России междисциплинарного гендерного направления гуманитарных исследований, в которых большую роль играет лингвистическая составляющая [Кириллина 2005: 6-20; Кириллина, Томская 2005, Николаева 2010, Дежина 2017, Мочалкина 2019]. Этот интерес подогревается западноевропейскими гендерными, в том числе и феминистскими [Зиновьева 2017, 2018] публикациями, в которых, помимо изучения особенностей речевого поведения мужчин и женщин, рассматриваются языковые «стереотипы фемининности и маскулинности», «гендерные асимметрии» и «признаки андроцентризма» современных европейских языков. Некоторые исследователи усматривают проявление «гендерной асимметрии» в русистике. Эта проблема не является предметом данной работы, однако представляется нам перспективной для дальнейшего исследования. Как дискриминационные гендерные признаки языковой системы женских номинаций в зарубежных гендерных публикациях трактуется целый ряд характеристик данной системы [Кириллина 2005: 10-13], из которых мы отметим значимые для русского языка. Среди признаков «гендерной

асимметрии» большое значение придается направлению производности и мотивации в родовых словообразовательных парах личных имен, а именно преобладающей мотивации личных имен женского рода именами мужского рода (типа *студент* → *студентка*, *учитель* → *учительница*, *писатель* → *писательница*,). Среди дискриминационных характеристик отмечается также наличие производных женских имен с отрицательной семантикой и неравноценность номинаций некоторых профессий в мужском и женском вариантах (*врач* / *врачиха*, *секретарь* / *секретарша*); случаи «статусного» выбора мужского имени по отношению к женщинам при наличии родовых пар (например, таких как *поэт* / *поэтесса*, *художник* / *художница*), «включенность» в грамматический мужской род номинаций женщин, если речь идет о лицах обоего пола (*студенты*, *учителя*), последняя трактуется как игнорирование женщин в картине мира и др. Эта проблематика требует специального изучения. Наше исследование показало богатые мотивационные связи личных имен женского рода, которые реализуются в зависимости от семантики имен, типа текста обозначаемой ситуации и межличностных социальных отношений в российском обществе (последний вопрос в своей работе мы лишь затронули).

5. Выводы

Наше исследование показало, что целый ряд номинаций женщин обладает двойной мотивацией и реализует в тексте связи не только с личными именами мужского рода, но также с глаголами, прилагательными и предметными именами. У некоторых личных имен женского рода чаще реализуется мотивационная связь с глаголом или прилагательным (например, *красавица* – *красивая*, *певица* – *петь*), чем с личным именем мужского рода (*красавец*, *певец*).

Таким образом, мотивационные связи у номинаций женщин в русском языке гораздо шире, чем они представлены в описании русского словообразования. Большинство полимотивированных женских имен составляют лексические единицы, в основу которых основы мужских имен не входят полностью

(*дипломница* ← *дипломник*, *красавица* ← *красавец*, *старуха* ← *старик*). Это свидетельствует о том, что феминитивы находятся на одной ступени деривации по отношению к обеим производящим базам с точки зрения формального механизма словообразовательной модели (*дипломница* и *дипломник*, *диплом*; *красавица* и *красавец*, *красивый*; *дачница* и *дачник*, *дача*). Более того, номинации мужского и женского рода находятся на одной ступени деривации по отношению к непроеизводным лексемам, выступающим как мотивирующие базы мужских имен. В текстах НКРЯ было проведено исследование мотивационных связей около 40 женских номинаций, двойная мотивация была подтверждена у 28 лексем. Функционально подтвержденная мотивация личных имен женского рода прилагательными, глаголами и предметными именами не противоречит их месту в словообразовательной системе и морфемной структуре.

К опосредствованной мотивации относятся имена женского рода типа *вымогательница*, *вдохновительница*, *избирательница*, потому что они отличаются от исходного непроеизводного слова большим числом формантов, по сравнению с именами мужского рода. Такие женские имена (*отравительница*, *писательница*, *победительница*, *покупательница*, *руководительница*, *спасительница*, *читательница*) в тексте реализуют как непосредственную (с именами мужского рода), так и опосредствованную мотивации.

Первичная роль имен мужского рода в русской системе номинаций людей независимо от пола связана с наличием в русском языке большого класса имен мужского рода, называющих профессии, должности, титулы (типа *инженер*, *педагог*, *профессор*) и не имеющих парных имен женского рода. Также имеются родовые пары с непроеизводными именами мужского рода (типа *студент* – *студентка*, *аспирант* – *аспирантка*), в которых у женских имен представлена одна единственная мотивация. При этом большое количество родовых пар с производными именами мужского рода показывает, что номинации женщин не уступают им в богатстве мотивационных связей, что отражает естественный процесс образования и функционирования личных имен женского рода в русском

языке. Корпусный анализ выявил у многих феминитивов, рассматриваемых в словообразовательных публикациях как одномотивированные, бинарные мотивационные связи не только с существительными мужского рода, но и с другими словами.

ГЛАВА 4. ТИПЫ МОТИВАЦИИ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С КИТАЙСКИМ ЯЗЫКОМ

1. Вступление

В первых трех главах мы рассмотрели типы мотивации в русском языке. Китайский язык (характеризующийся наибольшим количеством говорящих в мире) относится к совершенно другому языковому типу, чем флективно-фузионный русский язык, являясь изолирующим языком. Механизм образования русских слов является очень сложным вопросом для носителей китайского языка, изучающих русский язык, поэтому необходим сопоставительный анализ типов мотивации в русском и китайском языках. Выявление особенностей словообразовательного механизма в русском языке на китайском фоне позволяет глубже изучить типологическую специфику русского языка. Сопоставительное изучение типов мотивации производных слов в русском и китайском языках помогает понять и выявить особенности обоих языков, что чрезвычайно важно для успешного преподавания русского языка китайским студентам.

В этой главе мы рассматриваем трактовку термина «мотивация» в российском и китайском языкознании, анализируем словообразовательную и другие типы мотивации слов в сопоставляемых языках с предварительной классификацией и систематизацией этих типов, исследуем сходства и различия между принципами мотивации. В целом можно сказать о том, что типы мотивации слов в русском и китайском языках совпадают, несмотря на различие языковой структуры этих языков; расхождения касаются иерархии типов, а также специфической китайской графической мотивации, обусловленной иероглифическим письмом. В русском языке основным типом мотивации слов является словообразовательная мотивация, а в китайском языке – семантическая и графическая мотивации. Важно также отметить, что словообразовательная мотивация в современной русистике – это понятие исключительно синхронного

словообразования, в китайском же языке не проводится разграничения между диахронической и синхронной мотивацией.

2. Понятие мотивации слов в российской и китайской лингвистике

Как мы уже отметили выше, проблема обусловленности, т.е. мотивированности языкового знака, – это традиционный вопрос в языкознании. В российской лингвистике мотивация изучается прежде всего в словообразовании, но не ограничивается только этой сферой (подробнее о трактовке мотивации слов и словообразовательной мотивации в русистике см. в 1-ой главе). Китайские лингвисты в силу специфики структуры и графики китайского языка изначально трактуют это понятие широко. Лу Гуоцян считает, что «под мотивированностью слова подразумевается “обоснование” того, почему определенной вещи или явлению присваивается то или иное наименование, мотивированность показывает отношения между семантикой слова и признаками вещи или явления, которые оно характеризует» [Лу Гуоцян 1980: 17]. По мнению Сао Вэй «мотивированность слова – это основание для формирования семантики слова, мотивированность исследует этимологию слова через происхождение самих вещей и явлений» [Сао Вэй 2001: 54]. Сюй Юйлун считает, что «в некоторых случаях между формой слова и его семантикой существует внутренняя связь, мы можем догадаться о значении слова по его форме, это и есть мотивированность слова» [Сюй Юйлун 2001: 136]. Таким образом, мнения ученых о понятии мотивированности слова разделились. Мы считаем, что это может быть связано с объектом исследования – изучаемым языком, в случае с китайским языком мы будем придерживаться определения Сюй Юйлун, изложенного выше.

В целом мы можем констатировать, что типы мотивации, изучаемые в русистике, славистике и китайском языкознании в целом сходны и соответствуют типам, которые выделил М. Докулил. Речь идет о 1) звуковой, или подражательной, 2) словообразовательной, 3) семантической мотивации [Dokulil 1962: 103]. Учитывая связь между формой и семантикой китайских слов, Сюй

Юйлун выделяет в китайском языке еще один тип мотивации, а именно графическую мотивацию, которая определяется особенностями иероглифов [Сюй Юйлун 2001: 137]. Уникальность иероглифического письма в том, что в нем мотивированностью обладает каждая отдельная морфема-иероглиф. Вэй Чжичэн считает, что «китайская иероглифическая письменность относится к идеографическому виду письменности, в ней форма (начертание) иероглифа тесно связана с его значением, а анализ формы иероглифа способствует определению его основного (исходного) значения» [Вэй Чжичэн 2003: 137]. Мы полагаем, что проблему типологии мотивации слов в сопоставляемых языках можно раскрыть, опираясь на вышеупомянутые четыре типа мотивации.

Основное внимание в данном разделе уделено словообразовательной мотивации в русском и китайском языках. Но предварительно мы должны рассмотреть и сопоставить все выделенные четыре типа мотивации.

2.1. Звуковая мотивация

Как уже было отмечено в Главе 1 (раздел 2.2.), «звуковая мотивация проявляется в ассоциативной связи между звуковой формой слова и его семантикой» [Докулил 1962: 103]. Звукоподражательные слова включают в себя звучания, сопровождающие действия, воспроизводимые человеком, животными или предметами. Сравним примеры данного типа мотивированности, приводимые ниже в таблице. В русском и китайском языках обнаруживаются как различия, так и сходства.

1) Полностью индентичные и близкие по звучанию примеры фонетической мотивации в китайском и русском языках:

Русские звукоподражания	Китайские звукоподражания	Значения
ква, квак	呱呱 – gua-gua / гуа-гуа	звуки, которые издает лягушка (квакать)

гуль-гуль, гуля-гуля	咕咕 – gu-gu / гу-гу	звуки, которые издает голубь
му	哞 – mou / мой	звуки, которые издает корова (<i>мычать</i>)
мяу	喵 – miao / мяо	звуки, которые издает кошка (<i>мяукать</i>)
тик-так	滴答 – di-da / ди-да	звуки, которые издают часы (<i>тикать</i>)
шелестеть	沙沙 – sha-sha / ша-ша	‘издавать легкий шум’ (<i>страницы книги, листья деревьев шелестят</i>)
шуршать	沙沙 – sha-sha / ша-ша	‘издавать легкий шум’ (<i>шуршат камыши, сухие листья</i>)
ай, эй	哎 – ai / ай	выражает испуг, боль и другие сильные эмоции и ощущения (<i>айкать</i>)
хм	哼 – heng / хэн	выражает сомнение, недоверие, нерешительность и т. п. (<i>хмыкать</i>)

2) Различные по звучанию примеры фонетической мотивации

Русские звукоподражания	Китайские звукоподражания	Значения
хлоп	砰 – peng / пэн	Обозначает хлопающий звук
кряк	嘎嘎 – ga-ga / га-га	звуки, которые издают утки
чух	哼哼 – heng-heng /	возглас, которым

	ХЭН-ХЭН	подзывают свиней
брысь	去 – qu / цюй	окрик, которым прогоняют кошку.
кискис	咪 咪 – mī-mī / ми-ми	возглас при подзывании к себе кошки
тпру	吁 – yu / юй	возглас, которым возница останавливает лошадь

Вышеперечисленные примеры показывают, что вследствие различия в фонетических навыках носителей китайского и русского языков и разных подходов к наблюдению большинство звукоподражаний и междометий различаются. Например, звуки, которые издают утки, в русском языке звучат как *кряк*, а в китайском языке – 嘎嘎 ga-ga / га-га; возглас при подзывании к себе кошки в русском языке – *кискис*, а в китайском языке – 咪咪 mī-mī / ми-ми и др. (см. 2-ую таблицу). Несмотря на то что китайский и русский языки принадлежат к разным языковым системам, нетрудно заметить, что некоторые звукоподражательные русские слова очень похожи на китайские по произношению. Например, звуки *ква-ква* и 呱呱 – gua-gua / гуа-гуа, *мяу* и 喵 – mīao / мяо и *гуль-гуль* и 咕咕 – gu-gu / гу-гу и др. (см. 1-ую таблицу). Отметим, что в русском и китайском языках непосредственные звукоподражания мотивируют глаголы, их называющие, такие как *квакать*, *мяукать*, *мычать*, *тикать* (они приведены в правой колонке). В китайском языке это тоже регулярная модель: к звукоподражаниям добавляется формант 叫 – jiào / цзяо со значением ‘кричать’ или 响 – xiǎng / сянь со значением ‘звучать’, например, к звукоподражаниям 呱呱 – gua-gua / гуагуа (‘звуки, которые издает лягушка’) добавляется формант 叫 – jiào / цзяо (‘кричать’) получается глагол 呱呱叫 – gua-gua-jiao / гуа-гуа-цзяо (‘квакать’); к звукоподражаниям 滴答 – dī-da / ди-да

(‘звуки, которые издают часы’) добавляется формант 响 – xiāng / сян (‘звучать’) получается глагол 滴答响 – dī-da-xiāng / ди-да-сян (‘тикать’). Это уже словообразовательная мотивация, о которой речь пойдет в следующем разделе. Но в некоторых случаях в сопоставляемых языках наблюдается асимметрия между звукоподражаниями и образованными на их основе глаголами. Так, в русском языке есть звукоподражание ай (причитать, повторяя ай от боли, страха, восхищения и т.п.), и на его основе образуется глагол айкать, а в китайском языке есть идентичное звукоподражание, а соответствующего глагола нет. В русском языке имеются глаголы, имитирующие звук, исходящий от предмета, животного или человека, типа шуршать, шелестеть (ср. шелестели страницы; за печкой шуршала мышка), но отсутствуют соответствующие звукоподражания. В китайском языке эти звуки не различаются и передаются одним звукоподражанием (沙沙 – sha-sha / ша-ша) и одним глаголом (沙沙响 – sha-sha-xiāng / ша-ша-сян).

2.2. Семантическая мотивация

М. Докулил считал, что семантическая мотивация наблюдается «в словах с переносными (метафорическими или метонимическими) значениями, связанными с прямыми значениями» [Dokulil 1962: 103]. В русском языке, как и в китайском, многозначные слова широко распространены, поэтому в обоих языках довольно много слов, в определенном значении мотивированных семантически. Семантическая мотивация связана с развитием многозначности слова. Как мы уже упоминали в первой главе (2.4. раздел), мотивированностью производного слова заразить стало расширение его первоначального значения: на базе основного значения этого слова (‘передать заразу / болезнь кому-нибудь’) ему присваивается переносное значение – ‘увлечь кого-н. чем-н., внушить кому-н. что-н., передать кому-н. какую-н. склонность’ (заразить идей, заразить своим весельем, заразить

примером). Китайское слово 桥梁 – qiao-liang / цаолян ('мост') имеет основное значение 'искусственное сооружение, по которому проложен путь для беспрепятственного передвижения через реки, овраги и ущелья', второе значение данного слова – 'человек или предмет, как посредник, связующее звено' вступает в отношения семантической мотивации со своим основным значением при помощи расширения и переноса значения слова. Например: фраза 翻译是不同文化间的桥梁 (翻译 – fan-yi / фань-и ('перевод'), 是 – shi / ши ('являться'), 不同 – bu-tong / бу-тун ('разный'), 文化 – wen-hua / вень-хуа ('культура'), 间 – jian / цзянь ('между'), 的 – de / дэ ('суффикс прилагательного'), 桥梁 – qiao-liang / цао-лян ('мост')) переводится на русский язык как 'перевод является мостом между двумя разными культурами'. В этом случае слово *мост* употребляется в втором переносном значении.

Стоит обратить внимание на то, что в русском и китайском языках многие слова, выражающие одинаковые понятия, соответственно вступают в аналогичные отношения семантической мотивации. Например, русское слово *чернить* и китайское 抹黑 – mo-hei / мо-хэй ('чернить') обозначают одно и то же действие, и поэтому у обоих глаголов имеется переносное значение: 'клеветать, наговаривать на кого-нибудь', например, *чернить старых друзей*; 抹黑集体 – mo-hei-jì-tǐ / мо-хэй-цзи-ти ('чернить коллектив'), здесь дериваты с их переносным значением мотивируются соответствующими производящими основами в их прямом значении 'взять что-л. и покрасить в черный цвет'. Аналогично в результате семантической деривации от основного значения глагола *переварить* 'переработать в процессе пищеварения' в обоих языках развивается переносное значение 'усвоить, воспринять', например, *переварить прочитанное в книге*, причем русский глагол, в отличие от китайского, характеризуется разговорностью. Переносное значение слов *тупик* и 死胡同 – sǐ-hú-tóng / сы-хут-ун ('тупик') идентичны, они обозначают 'безвыходное

положение’, например, *это предложение ставит меня в тупик*; 关系陷入死胡同 – guan-xi-xian-ru-si-hu-tong / гуань-си-сянь-жу-сы-ху-тун (‘отношения зашли в тупик’), это тоже результат метафорического переноса значения. Приведем другие примеры: у прилагательных *тусклый* и 暗淡 – an-dan / ань-дань (‘тусклый’) одинаковое производное значение – ‘безжизненный, мрачный, угрюмый, невыразительный’, например, *тусклый взгляд*; *тусклая жизнь*; 前景暗淡 – qian-jing-an-dan / цянь-цзинь-ань-дань (‘тусклые перспективы’). Так же сходны и метафорические значения слов *выкорчевать* и 铲除 – chan-chu / чань-чу (‘искоренить’), которые обозначают (‘искоренить, уничтожить, прекратить чье-л существование’), например, *искоренить зло*; *искоренить всякое пустословие*; 铲除旧习俗 – chan-chu-jiu-xi-su / чань-чу-цзю-си-су (‘искоренить старые обычаи’). Все данные дериваты образовались из-за расширения и переноса первоначального значения. Но, конечно, между русским и китайским языками больше различий в семантической мотивации многозначных слов. Эти различия рассматриваются в разделе 4. «Метафорические типы словообразовательной мотивации в русском языке в сравнении с китайским языком».

2.3. Графическая мотивация

Главной особенностью русского языка является передача значения слова фонетически. Именно поэтому в алфавитном письме большое значение придается звучанию и фонограммам, а не начертанию и идеограммам, как в иероглифическом письме. Графическая мотивация, как мы уже указывали, имеется лишь в китайском языке и представляет собой отношение между изображением или начертанием иероглифа (графического символа) и его значением [Вэй Чжичэн 2003: 63]. В китайском языке «иероглиф изначально был связан с образом, имитирующим внешние черты и признаки обозначаемого предмета или явления» [там же]. Как мы уже отмечали, это в какой-то мере справедливо и для современного китайского языка. Например, иероглиф 林 – lin

/ линь ('лес') состоит из двух графем 木 – mu / му ('дерево'), то есть лес = 'два дерева', в то время как иероглиф 森 – sen / сэн, состоящий уже из трех 'деревьев', обозначает 'чащу', то есть густой частый лес. Однако в современном китайском языке иероглифы по большей части являются представленными в символической форме понятиями или комбинациями понятий. В Главе 1 мы уже приводили некоторые примеры (см. раздел 2.5.), рассмотрим еще несколько. Иероглиф 坏 – huai / хуай ('плохо') состоит из левой части с ключом 土 – tu / ту ('участок земли') и правой части с ключом 不 – bu / бу ('нет, не'). Получается такая мотивация: *плохо* = 'когда у кого-то нет участка земли'. Иероглиф 娶 – qu / цюй ('жениться') опять же включает в себя верхнюю часть 取 – qu / цюй ('брать, забирать, овладевать') и нижнюю 女 – nu / нюй ('женщина'), то есть 'если ты забрал, овладел женщиной, значит, ты на ней женился'.

3. Словообразовательная мотивация в российской и китайской лингвистике

Словообразовательная мотивация, которая, как мы уже отмечали, определяется как отношение между двумя однокоренными словами, значение одного из которых либо определяется через значение другого, либо тождественно значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи [РГ–80: 131], выделяется и в русской, и в китайской лингвистике. Однако для русского языка этот тип мотивации имеет большее значение, чем для китайского языка. Как мы уже писали в Главе 1, словообразовательная мотивация в русском языке обычно рассматривается в связи с производностью. Г.О. Винокур использовал данные термины как синонимичные. В статье «Заметки по русскому словообразованию» (1946) Г.О. Винокур использовал термин «мотивированность» по отношению к значению производного слова. Соответственно, он противопоставлял немотивированные и мотивированные слова, то есть «слова, по структуре своей составляющие вполне условные

обозначения соответствующих предметов действительности, и слова, составляющие в известном смысле не вполне условные, мотивированные обозначения предметов действительности» [Винокур 1946: 421]. Термины «производность» и «мотивированность» в современной российской лингвистике, вслед за Г.О. Винокуром, используются обычно исключительно по отношению к синхронному словообразованию. Но И.С. Улуханов придерживается мнения, что термины «производность» и «мотивированность» надо последовательно различать, поскольку синхронные словообразовательные отношения не всегда тождественны реальной истории образования слова [Улуханов 2015: 23]. Большинство ученых тем не менее считают, что словообразование как раздел науки о современном русском языке изучает только синхронические, т.е. существующие в языке наших дней, а не диахронические (исторические) формально-семантические связи между словами. Реальная же история словообразования слов – это предмет исторического языкознания, этимологии [Клобуков 2009: 346]. В китайской лингвистике нет такого противопоставления синхронического и диахронического словообразования, поэтому многие случаи графической мотивации рассматривается как вид словообразовательной мотивации, хотя, по сути, она представляет собой историю формирования иероглифов для обозначения определенных понятий. Можно сказать, что и в других случаях в китайской лингвистике не разграничиваются история формирования слова и его мотивационные отношения с другими словами в современном языке. Большое внимание при этом уделяется также соотношению формы иероглифа и признаков вещи или явления, которые он обозначает. По мнению Цао Вэй, «мотивированность слова – это основание для формирования семантики слова, мотивированность исследует этимологию слова через происхождение самих вещей и явлений» [Цао Вэй 2001: 54].

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что в теории русского словообразования последовательно различается синхроническое словообразование и этимология, а в китайской лингвистике такое строгое

разграничение не проводится. Таким образом, мотивированность в российской лингвистике – это синхроническое понятие, а в китайской лингвистике – и синхроническое, и диахроническое.

Хотя словообразовательная мотивация не является основным способом словообразования в китайском языке, но тем не менее она проявляется в современном китайском языке и демонстрирует активность, являясь способом обогащения и расширения словарного запаса языка. Известный китайский лингвист Ван Хунци считает, что по словообразовательной структуре все китайские слова делятся на три типа:

1) одноморфемные слова; 2) сложные слова; 3) производные слова [Ван Хунци 1995: 267].

1. Одноморфемные слова, то есть простые слова, состоящие из одной свободной морфемы (корня) (например, 水 – shuǐ / шуй ('вода'); 人 – rén / жэнь ('человек'); 头 – tóu / тоу ('голова'); 车 – chē / че ('любое средство передвижения на колесах, повозка'); 鱼 – yú / юй ('рыба'); 纸 – zhǐ / чжи ('бумага'); 书 – shū / шу ('книга'); 鸟 – niǎo / няо ('птица') и т.д.). В русском языке такие слова, как *да, нет, я, где, ты, вот* и т.д., являются тоже одноморфемными. В количественном отношении в китайском языке больше одноморфемных слов, чем в русском. Согласно исследованию, проведенному Пекинским институтом иностранных языков совместно с Китайской академией общественных наук, простые (одноморфемные) слова занимают примерно 20% от всех слов в современном китайском языке [Ван Хунци 1995: 270].

2. Сложные слова, состоящие из двух свободных морфем. Сложные слова по способу словообразования можно разделить на два типа: сложные слова, образованные словосложением; сложные слова, образованные удвоением.

2.1. Сложные слова, образованные словосложением

Сложное слово, образованное словосложением, – это слово, которое образуется от двух и более корней. Словосложение является самой важной

формой словообразования китайских слов и преобладает над другими формами. Подавляющее большинство сложных слов представляет собой двуморфемные образования. По сочетанию корней китайские слова, образованные словосложением, подразделяются на следующие типы:

2.1.1. Сочинительный тип связи

Сочинительный тип связи означает, что между двумя корневыми морфемами сложного слова равноправные смысловые отношения. По семантической связи между двумя корневыми морфемами сложные слова сочинительного типа можно разделить на 4 подтипа: синонимический, обобщающий, антонимический и односторонний.

2.1.1.1. Синонимический

Сложные слова такого подтипа обычно состоят из двух морфем, причем значение этих двух морфем абсолютно одинаковые, поэтому значение двусложной лексической единицы также равняется значению этих двух морфем, например, 周 – zhou / чжоу ('всесторонний') + 全 – quan / цюань ('всесторонний') = 周全 – zhou-quan / чжоу-цюань ('всесторонний'); 计 – ji / цзи ('считать') + 算 – suan / суань ('считать') = 计算 – ji-suan / цзи-суань ('считать').

2.1.1.2. Обобщающий

Сложные слова такого подтипа имеют обобщающее значение, то есть значение сложного слова обобщает значение составляющих, входящих в состав слова отдельных морфем, например, 笔 – bi / би ('кисть') + 墨 – mo / мо ('тушь') = 笔墨 – bi-mo / би-мо ('кисть и тушь'); 岁 – sui / суй ('год') + 月 – yue / юэ ('месяц') = 岁月 – sui-yue / суй-юэ ('время, год и месяц').

2.1.1.3. Антонимический

Каждый иероглиф у сложного слова этого подтипа является антонимом, при этом значение самого сложного слова включает в себя значение составляющих его морфем, например, 早 – zao / цзао ('утро') + 晚 – wan / ван ('вечер') = 早晚

– zao-wan / цзао-ван (‘утро и вечер’); 买 – mai / май (‘покупать’) + 卖 – mai / май (‘продавать’) = 买卖 – mai-mai / май-май (‘торговля’).

2.1.1.4. Односторонний

Стоит сразу отметить, что данный подтип является особенным, потому что одна из морфем двусложной лексической единицы не имеет значения. Ее исходное лексическое значение оказалось как бы поглощенным значением другого компонента сложного слова, например, 质 – zhi / чжи (‘качество’) + 量 – liang / лян (‘количество’) = 质量 – zhi-liang / чжи-лян (‘качество’); 忘 – wang / ван (‘забывать’) + 记 – ji / цзи (‘запомнить’) = 忘记 – wang-ji / ван-цзи (‘забывать’).

2.1.2. Атрибутивный тип связи

При атрибутивной связи между двумя морфемами сложного слова одна морфема семантически подчинена другой, и обе части, следовательно, находятся в разной смысловой зависимости. Поскольку их положение может быть разным, атрибутивный тип можно разделить на модель с подчинительной связью в постпозиции и модель с подчинительной связью в препозиции.

2.1.2.1. модель с атрибутивной связью в постпозиции.

Данный тип является самым частотным среди сложных слов с подчинительной связью, например, 树 – shu / шу (‘дерево’) + 根 – gen / гэнь (‘корень’) = 树根 – shu-gen / шу-гэнь (‘корень дерева’); 牛 – niu / ню (‘корова’) + 奶 – nai / най (‘молоко’) = 牛奶 – niu-nai / нюнай (‘коровье молоко’).

2.1.2.2. модель с атрибутивной связью в препозиции

При данной модели первая морфема означает предмет, а вторая является счетным словом, например, 信 – xin / синь (‘письмо’) + 件 – jian / цзянь (‘сч. слово’) = 信件 – xin-jian / синь-цзянь (‘письмо’); 花 – hua / хуа (‘цветок’) + 朵 – duo / дуо (‘сч. слово’) = 花朵 – hua-duo / хуа-дуо (‘цветок’).

2.1.3. Субъектно-предикативный тип связи

Субъектно-предикативный тип связи обнаруживается в случае, когда первая морфема обозначает субъект, а вторая – его действие или состояние, чаще всего последняя морфема поясняет первую и образуют связь *подлежащее + сказуемое*. Данный тип связи образует сложные имена существительные и прилагательные, а также глаголы, например, 地 – di / ди ('земля') + 震 – zhen / чжэн ('трястись') = 地震 – di-zhen / ди-чжэн ('землетрясение'); 雪 – xue / сюе ('снег') + 崩 – beng / бэн ('обвалиться') = 雪崩 – xue-beng / сюе-бэн ('снежный обвал').

2.1.4. Предикатно-объектный тип связи

При предикатно-объектном типе связи соединение двух морфем осуществляется управлением, обычно это глагольная и именная лексемы, при этом глагольная, выполняющая функцию сказуемого, употребляется первой, а именная, стоящая после, обозначает предмет, на который направлено действие, и выполняет функцию дополнения, например, 见 – jian / цзянь ('увидеть') + 面 – mian / мянь ('лицо') = 见面 – jian-mian / цзянь-мянь ('встретиться'); 辞 – ci / ци ('уволить') + 职 – zhi / чжи ('должность') = 辞职 – ci-zhi / ци-чжи ('увольняться').

2.1.5. Предикатно-комплементный тип связи

Предикатно-комплементный тип связи означает, что между двумя морфемами существуют пояснительные отношения, причем первый компонент – это сказуемое, а второй – дополнительный элемент, поясняющий значение сказуемого. Он может обозначать результат действия или его направленность. При этом первый компонент всегда является определяющим, например, 改 – gai / гай ('изменить') + 良 – liang / лян ('хорошо') = 改良 – gai-liang / гай-лян ('улучшать'); 延 – yan / янь ('длиться') + 长 – chang / чан ('длинный') = 延长 – yan-chang / янь-чан ('удлинить').

2.1.6. Двухглагольные словосочетания

Двухглагольные словосочетания состоят из двух компонентов сказуемого и представляют собой последовательность движений или некую логическую последовательность. Большинство из них имеет строгий порядок расположения морфем, например, 盜 – dao / дао ('грабить') + 賣 – mai / май ('продавать') = 盜賣 – dao-mai / дао-май ('продавать краденое имущество'); 退 – tui / туй ('отступать') + 休 – xiu / сю ('отдыхать') = 退休 – tui-xiu / туй-сю ('выходить на пенсию'); Щао Цзинминь считает, что «в этом типе связи из сложных слов можно образовать выражения по формуле: *сначала + первая лексема + затем + вторая лексема*» [Щао Цзинминь, 2016: 116]. Например, из 盜賣 – dao-mai / дао-май ('продавать краденое имущество') можно образовать выражение *сначала грабить, затем продавать*.

2.1.7. Сцепление, членная конструкция

Этот тип выделяется тогда, когда два сказуемых выражают движение или состояние субъекта и объекта вместе, при этом субъект и объект скрыты, например, 逗 – dou / доу ('дразнить') + 笑 – xiao / сао ('смеяться') = 逗笑 – dou-xiao / доу-сао ('вызвать у кого-то смех'); 劝 – quan / цзань ('уговаривать') + 退 – tui / туй ('отступить') = 劝退 – quan-tui / цзань-туй ('уговаривать отступить').

2.2. сложные слова, образованные удвоением

Удвоение – это один из грамматических приемов, характерный для всех языков сино-тибетской языковой семьи. Это способ образования новых слов путем нагромождения или повторения морфем, например, 爷爷 – ye-ye / е-е ('дедушка со стороны отца'), 哥哥 – ge-ge / ге-ге ('старший брат'), 好好 – hao hao / хао-хао ('хорошенько'), 轻轻 – qingqing / цинцин ('легонько'), 常常 – chang-chang / чан-чан ('часто'), 刚刚 – gang-gang / ган-ган ('только что').

По данным китайского лингвиста, процент сложных слов в китайском языке составляет более 70% всех слов, это самая большая группа [Ван Хунци 1995: 276].

3. Производные слова, определение которых в китайском и русском языках существенно различается. В китайской лингвистике производное слово понимается уже, чем в русской: производными не считаются сложные слова, к производным относят только такие слова, которые образованы прибавлением к одноморфемному слову аффиксальной морфемы. А в российской лингвистике принято считать, что производное слово – это любое слово, образованное от какого-либо другого слова или двух (трех) слов [Моисеев, 1980: 208]. Приведем примеры китайских слов, которые рассматриваются как производные: 作 – zuo / цзо ('писать, творить') + 家 – jia / цзя ('суффикс лица') = 作家 – zuo-jia / цзо-цзя ('человек, успешный в написании литературных произведений'); 画 – hua / хуа ('рисовать') + 家 – jia / цзя ('суффикс лица') = 画家 – hua-jia / хуа-цзя ('человек, профессионально занимающийся живописью'). Суффикс '迷 – mi / ми ('болельщик') обозначающий 'ярый поклонник, фанат', например, 球 – qiu / цю ('мяч') + 迷 – mi / ми ('суффикс лица') = 球迷 – qiu-mi / цю-ми ('болельщик, страстный поклонник спортивных игр с мячом'); 影 – ying / ин ('фильм') + 迷 – mi / ми ('суффикс лица') = 影迷 – ying-mi / ин-ми ('фанат кинематографа').

Приведем примеры производных слов, образованных способом префиксации. Считается, что в китайском языке существуют следующие префиксы: 老 – lao / лао, 阿 – a / а, 第 – di / ди и т.д.. Причем префикс 阿 – a / а обычно добавляется перед словами, обозначающими родственников, 老 – lao / лао добавляется только в словах, обозначающих людей и животных, при этом происходит грамматикализация значения, то есть изначальное значения корня нивелируется. Например, 老 – lao / лао + 师 – shi / ши ('учитель') = 老师 – lao-shi / лао-ши ('учитель'); 老 – lao / лао + 虎 – hu / ху ('тигр') = 老虎 – lao-hu / лао-ху ('тигр'). Суффикс 第 – di / ди ('суффикс порядкового числительного') добавляется перед цифрами и обозначает порядковое число. Например, 第 – di / ди + 一 – yi / и

(‘один’) = 第一 – di-yi / ди-и (‘первый’); 第 – di / ди + 二 – er / эр (‘два’) = 第二 – di-er / ди-эр (‘второй’).

Процент подобных слов в китайском языке относительно мал (не более 10%). В русском же языке аффиксальным способом словообразования образована большая часть производных слов.

В русском языке, по подсчетам китайских лингвистов, на первом месте по количеству стоят аффиксальные производные слова, за ними идут сложные слова, третья и самая малочисленная группа – это простые одноморфемные слова [Ван Хунци 1995: 6]. В китайском языке по количеству лидируют сложные слова, на втором месте располагаются простые слова, а производных слов относительно мало, поэтому они на последнем месте [Ван Хунци 1995: 236]. В этом выражается специфика словарного состава сопоставляемых языков.

При сравнении производных слов в китайском и русском языках важно сопоставить количество аффиксов в обоих языках. Согласно Словарю морфем [Кузнецова, Ефремова 1986: 16], в русском языке более 500 суффиксов и 70 префиксов. Словарь словообразовательных аффиксов [Лопатин, Улуханов 2016] включает 445 словообразовательных суффиксов и 98 префиксов [Улуханов 2019]. В китайском языке всего лишь 30 суффиксов и 10 префиксов [Чжэн Цифу 2007: 6]. Словообразовательная система в китайском языке устроена по-другому и отличается от русской малым количеством аффиксов. В китайском нет такого разнообразия словообразовательных способов, словообразовательных формантов, и словообразовательных типов как в русском языке, поэтому нет условий для реализации неединственной словообразовательной мотивации, в то время как неединственная мотивация в русском языке представлена широко.

Несмотря на то, что количество китайских и русских аффиксов несопоставимо, есть одна общая черта: в обоих языках суффиксов больше, чем префиксов. Разберем сначала суффиксы. Суффиксы русского языка по их функциональной принадлежности можно разделить на 2 группы: словообразовательные и словоизменяющие суффиксы. Словообразовательных

суффиксов больше, чем словоизменительных. Словоизменительные суффиксы используются для образования форм сравнительной степени *-ее, -ей, -е, ше, -айш-, -ейш-, наиболее* (*красивее, выше, красивейший, сильнейший*), прошедшего времени *-л-* (*читал, писал, слушал, работал, пел, смотрел*), причастий *-ущ, ющ, ащ, ящ-* (*бегущий, читающий, лежащий, стоящий*) и деепричастий *-в, -вши, -ши, -а, -я* (*услыхав, открывши, извлеки, читая, плача*). В китайском языке подавляющее большинство суффиксов тоже словообразовательные. К формообразовательным аффиксам относятся следующие суффиксы. Суффиксы 们 – men / мэнъ используются для формирования множественного числа личных местоимений и собирательных существительных, например, 我 – wo / во ('я') + 们 – men / мэнъ ('суффикс') = 我们 – wo-men / во-мэнъ ('мы'); 你 – ni / ни ('ты') + 们 – men / мэнъ ('суффикс') = 你们 – ni-men / ни-мэнъ ('вы'); 他 – ta / та ('он') + 们 – men / мэнъ ('суффикс') = 他们 – ta-men / та-мэнъ ('они'). Суффикс 了 – le / лэ добавляется после глагола и употребляется для выражения единичного завершённого действия, например, 吃 – chi / чи ('есть') + 了 – le / лэ ('суффикс') = 吃了 – chi-le / чи-лэ ('ел'); 写 – xie / се ('писать') + 了 – le / лэ ('суффикс') = 写了 – xie-le / се-лэ ('писал'). Суффикс 更 – geng / гэн ('более') добавляется перед именами прилагательными и употребляется для образования сравнительной степени, например, 更 – geng / гэн ('более') + 好 – hao / хао ('хорошо') = 更好 – geng-hao / гэн-хао ('лучше'); 更 – geng / гэн ('более') + 美 mei / мэй ('красивый') = 更美 geng-mei / гэн-мэй ('красивее'). Таким образом, словоизменительных суффиксов в китайском языке намного меньше, чем в русском.

Проведем сравнительный анализ суффиксов обоих языков на примере суффиксов, участвующих в образовании имён существительных.

В русском языке самая большая словообразовательная категория – это номинации лиц. В китайском языке тоже есть суффиксы со значением лица: 子 –

zi / цзы, 生 – sheng / шэн, 师 – shi / ши, 迷 – mi / ми, 士 – shi / ши, 信 – guan / гуань, 匠 – jiang / цзян, 工 – gong / гун, 族 – zu / цзу, 翁 – weng / вэн, 者 – zhe / чжэ, 家 – jia / цзя. Они соответствуют русским суффиксам: *-тель; -ник; -чик (-щик); -ец; -ист; -ун* и др.

Главное различие между суффиксами русского и китайского языков состоит в том, что в русском языке один и тот же суффикс, например суффиксы *-тель, -ник* может использоваться в номинации как лиц (*учитель, преподаватель, руководитель, читатель, писатель, собеседник, ученик, работник, волшебник, помощник*), так и предметов, механизмов (*выключатель, распылитель, удлинитель, смеситель, чайник, кофеник, приемник, бумажник, справочник*). В китайском языке суффиксы лица вообще не используются для создания номинации предметов, эту функцию выполняют абсолютно иные суффиксы со значением предмета такие, как 瓶 – ping / пин, 机 – ji / цзи, 具 – ju / цзюй, 器 – qi / ци, 盒 – he / хэ, 箱 – xiang / сянь, 袋 – dai / дай, 罐 – guan / гуан и др.

Кроме того, в русском языке имеются суффиксы со значением женского пола: *-к(а), -ниц(а), -чица, щица, (учительница, студентка, собеседница, советчица, сборщица)*, в китайском языке таких суффиксов нет. Значение женскости выражается лексически: прибавлением морфемы-иероглифа 女 – nv / нюй со значением ‘женщина’. Например, 女 – nv / нюй + 人 – ren / жэнь (‘человек’) = 女人 – nv-ren / нюй-жэнь (‘женщина’); 女 – nv / нюй + 孩 – hai / хэй (‘ребёнок’) = 女孩 – nv-hai / нюй-хэй (‘девушка’).

В русском языке есть еще один вид суффиксов – оценочно-субъективные *-ец-, -ик-, -ышк-, -к-, -ушк-, -ок -чик-, -еньн-, -иц-, -онк* (*братец, билетик, солнышко, крылышко, ключик, снежок*), они придают словам эмоционально-экспрессивную окраску, передавая различные оттенки – ласки, пренебрежения, уничижения, иронии, увеличения или уменьшения. Стоит отметить, что иногда один суффикс может выражать несколько различных

оттенков, как, например, суфф. *-(я)ашк(а)-*. При добавлении его к основе имени существительного передается как уменьшительно-ласкательный оттенок значения: *мордашка, кудряшка*, так и уничижительный оттенок: *старикашка, америкашка*. В китайском языке суффиксов субъективной оценки намного меньше, например: 儿 – er / эр, 鬼 – gui / гуй, 徒 – tu / ту, 蛋 – dan / дань и т.д. Однако наблюдаются случаи, когда один и тот же суффикс придает разную, даже противоположную окраску словам, например, суффикс 鬼 – gui / гуй в слове 机灵鬼 – ji ling gui / цзи-лин-гуй ('ловкач, умник') = 机灵 – ji ling / цзи-лин ('ловкий, умный') + 鬼 – gui / гуй ('суффикс') вносит оттенок ласки в значение слова, а в слове 烟鬼 – yan gui / янь-гуй ('курильщик') = 烟 – yan / янь ('сигарета') + 鬼 – gui / гуй ('суффикс'), наоборот, оттенок презрения и отвращения.

Таким образом, в русском языке многие суффиксы существительных имеют обобщенную семантику предмета, субстанции – как собственно предмета (т.е. вещи), так и лица. В китайском языке суффиксы имеют более конкретную семантику. При этом многие русские производные имена, образованные суффиксальным способом (типа *чайник, сахарница*), соответствуют в китайском языке одноморфемным или сложным словам (без аффиксальных морфем). Кроме того, имеются и другие существенные различия между русским и китайским языками в составе аффиксальных морфем. Например, в китайском языке нет глагольных префиксов со значением направления движения, эти пространственные значения выражаются при помощи наречий. Например 走 – zou / цзоу ('ходить') + 近 – jin / цзин ('близко') = 走近 – zou-jin / цзоу-цзин ('подойти'); 跑 – pao / пао ('бегать') + 近 – jin / цзин ('близко') = 跑近 – pao-jin / пао-цзин ('подбегать'). 走 – zou / цзоу ('ходить') + 出 – chu / чу ('снаружи') = 走出 – zou-chu / цзо-учу ('выйти'); 跑 – pao / пао ('бегать') + 出 – chu / чу ('снаружи') = 跑出 – pao-chu / пао-чу ('выбегать').

4. Метафорические типы словообразовательной мотивации в русском языке в сравнении с китайским языком

Метафорическая мотивация, как тип мотивации, широко представлена как и в русском, так и в китайском языках и проявляет в них значительное сходство. Данный раздел посвящен нестандартным типам словообразовательной мотивации, основанным на метафорах, ассоциациях и сравнении, когда значение мотивирующего слова занимает периферийное положение в толковании мотивированного. Метафорическая и ассоциативная мотивации являются выражением образного мышления людей, которое различается у носителей разных языков. Сопоставительный анализ в русском и китайском языках периферийных типов мотивации позволяет глубже понять словообразовательные механизмы и культурно значимые образы и сравнения.

Считается, что производное слово является мотивированным, если его значение может быть описано с помощью стандартной формулы толкования, одна часть которого соответствует мотивирующему слову. Известно, что в русском языке у производных слов существует два типа словообразовательной мотивации – стандартный и нестандартный. Как уже было отмечено в Главе 1 (раздел 5), стандартная словообразовательная мотивация предполагает, что семантика производящей основы непосредственно и полностью входит в значение деривата и мотивирует его, например, *домик* = ‘маленький дом’; *студентка* = ‘студент-женщина’; *переделать* = ‘сделать заново’ и т.д. Метафорическая и ассоциативная мотивации относятся к нестандартному типу словообразовательной мотивации, при которой связь производящей основы с семантикой мотивированного слова не столь очевидна, обычно она составляет периферийную часть его значения. При этом семантические отношения между мотивирующим и мотивированным базируются на переносных значениях: метафоре и метонимии, - в основе которых лежат ассоциации, сравнения и экспрессии, причем нередко в их взаимодействии [Улуханов 1977: 34-57, Ширшов

1995: 41-53, Лопатин 1975: 53-57, Земская 1989: 242]. В данном разделе особое внимание уделяется анализу нестандартных и периферийных типов словообразовательной мотивации, основанных на ассоциациях и образных сравнениях, поскольку ассоциативно-образная словообразовательная мотивация характерна и для китайского языка.

4.1. Ассоциативно-образные типы словообразовательной мотивации в русском языке

Разнообразные типы нестандартной мотивации в словообразовании описываются в русистике в разных терминах. Так, Е.А. Земская выделяет периферийную мотивацию, когда значение мотивирующего занимает периферийное положение при толковании мотивированного (*полковник* – ‘тот, кто командует воинским подразделением, в том числе полком’, *булочная* – ‘магазин, где продается хлебопекарная продукция, в том числе булки’) [Ермакова, Земская 1991]. При периферийной мотивации происходит чаще всего метонимическое расширение производного слова в сравнении с производящей базой, как в случае с *полковник* и *булочная*. Реже встречается сужение семантики дериватов по сравнению с мотивирующим: например, номинация *розовый* мотивирована именем цветка *роза* и связана с представлением о классическом цвете розы.

Другие типы нестандартной и периферийной мотивации связаны с метафорами (образами) и ассоциациями, которые может вызывать семантика мотивирующих слов. Речь идет о таких производных, как *плакучая (ива)*, *головорез*, *молокосос*, *небоскреб*, *буквояд*, *гробить*, *задубеть*, *вертихвостка*, *прихлебатель*, *бесхребетный*, *педалировать*, *головомойка*, *бреющий (полет)*, *окрылить* и др. Как мы уже отмечали в Главе 1, некоторые лингвисты рассматривали данные производные как примеры метафорической [Лопатин 1975: 55], или переносной и образной мотивации [Земская 1984: 337]. И.С. Улуханов трактует подобные случаи как особый тип ассоциативно-сравнительной мотивации, которая базируется на образах, обычно не включенных в словарные

толкования: *бесхребетный* (человек) – ‘беспринципный, не имеющий твердости, стержня в характере (по ассоциации с хребтом, являющимся таким стержнем для тела)’; *плакучая (ива)* – ‘ива с длинными и опущенными ветвями (имеющая печальный образ, как будто она плачет)’; *буквоед* – ‘формалист, педант, придающий значение внешней стороне дела, мелочам (буквам) в ущерб общему смыслу’; *окрылить* – ‘привести в состояние душевного подъема, как будто у человека вырастают крылья за спиной’. Развернутые суждения эксплицируют метафорические сравнения, лежащие в основе образных производных номинаций. В языковом сознании закрепляются ассоциации, репрезентирующие коллективные знания о предмете. Обобщая, можно назвать такие типы мотивации ассоциативно-образными, или метафорическими [Петрухина 2018]. По словам И.А. Ширшова, «сравнение выступает промежуточным звеном между производящим и производным: при порождении слова оно свертывается в метафору, при описании значения производного метафора развертывается в сравнение»: *каменеть* – ‘становиться твердым, как камень’; *змеевик* – ‘трубка, по форме напоминающая змею’; *репчатый* – ‘по виду похожий на репу’ [Ширшов 1999: 160]; *гуськом* – ‘один за другим, как гуси’ (гуси, дикие и домашние водоплавающие птицы, обычно передвигаются по земле строго в ряд друг за другом) [Мусатов 2011: 201].

Итак, рассмотренные типы мотивации связаны со значением мотивирующего не напрямую, а посредством ассоциации, которую вызывает обозначаемый объект. Подобные ассоциации являются образными, метафорическими характеристиками на основе сравнения и уподобления.

4.2. Метафорические типы словообразовательной мотивации в китайском языке

Как можно заметить, среди метафорически мотивированных русских производных слов большое место занимают сложные слова. «Мотивированность сложных слов, как известно, вообще гораздо конкретнее, определеннее, чем

мотивированность простых аффиксальных производных, а следовательно, и сам содержащийся в таких словах метафорический образ более конкретен и потому легче ощутим» [Лопатин 1975: 55]. Сложные слова (компози́ты) с метафорической мотивацией представляют большой интерес с точки зрения китайского языка. Китайские композиты – это сложные номинации, состоящие из двух, трех и более иероглифов. Словообразовательная мотивация, не являясь основным типом мотивации в современном китайском языке [МаЯньхун 2019: 58], реализуется активно именно при образовании сложных слов. Во многих случаях в ее основе лежит метафора, образ, связанный с устойчивыми ассоциациями.

По нашему наблюдению, в китайском языке семантика сложных слов с ассоциативно-образной мотивацией обычно связана с пространством, органами тела, животными и растениями. Рассмотрим семантические типы такой мотивации китайских композитов подробнее.

В образовании китайских сложных слов часто используются иероглифы со значением пространства. Обладая более конкретным значением, они соединяются с другими частями китайского композита и создают новый образ. Так, номинация 心房 xīn-fāng / синь-фан (‘предсердие’) связана с ассоциацией ‘пространство’, так как 心 xīn / синь переводится на русский язык как ‘сердце’, 房 fāng / фан – ‘комната’, то есть 心房 xīn-fāng / синь-фан (‘предсердие’) *предсердие* – ‘это комната, где живет сердце’. Аналогичная ассоциация лежит в основе образования существительного 河床 hé-chuāng / хэ-чуан = букв. ‘кровать реки’, по форме оно состоит из двух иероглифов: 河 hé / хэ (‘река’) и 床 chuāng / чуан (‘кровать’) – и обозначает ‘речное русло’, потому что речное русло с точки зрения китайского восприятия похоже на кровать, на которой располагается вода реки.

Как форманты с ассоциативно-образной мотивацией пространства в сложных словах употребляются также такие лексические единицы, как 海 hǎi / хай (‘море’), 田 tián / тянь (‘поле’), 窝 wō / во (‘гнездо’). Например, такие русские слова, как

мысль, память могут переводиться на китайский язык как 脑海 nao-hai / нао-хай (脑 nao / нао(‘мозг’), 海 hai / хай (‘море’)). В основе образования данного сложного слова лежит ассоциация с тем, что мозг, отвечающий за память, восприятие, мысли и т. д., такой же бескрайний, как море. Слово *сердце* переводится на китайский язык как композит, который употребляется в письменной речи, 心田 xin-tian / синь-тянь (心 xin / синь (‘сердце’), 田 tian / тянь (‘поле’)), буквально ‘поле сердца’, потому что сердце человека ассоциируется с полем, на котором прорастают семена добра и зла, доброе ли у человека сердце или злое – зависит от этих семян. Номинация *спальный мешок* переводится на китайский язык как 被窝 bei-wo / бэй-во (被 bei / бэй (‘одеяло’), 窝 wo / во (‘гнездо’)), т.е. буквально как ‘гнездо из одеяла’, потому что спальный мешок, вызывает ассоциации с тёплым, уютным местом, защищенным со всех сторон, как птичье гнездо.

Метафорическая мотивация обнаруживается также во многих сложных китайских словах с компонентами, обозначающими части и органы тела, такие как *сердце, рот, глаза, шея, рука*. Рассмотрим конкретные примеры. Так, существительное *макароны* переводится на китайский язык как 通心粉 tong-xin-fen / тун-синь-фэнь (通 tong / тун (‘сквозной, пустой’), 心 xin / синь (‘сердце’), 粉 fen / фэнь (‘лапша’)). Оно буквально обозначает ‘лапша без сердца’, так как внутри макароны пустые. Слово 针眼 zhen-yan / чжэнь-янь (‘игольное ушко’) состоит из 针 zhen / чжэнь (‘игла’) и 眼 yan / янь (‘глаз’) и буквально обозначает ‘глаз иголки’, так как игольное ушко по форме похоже на глаз. Таким образом, и в русском, и в китайском языках в основе данной номинации лежат метафоры, связанные с частями тела – *ухом* (в русском языке) и *глазом* (в китайском языке). Подобная ассоциация с частью тела выявлена также у существительного 壶嘴 hu-zui/ ху-цзуй (‘носик’), которое состоит из 壶 hu/ ху (‘чайник’) и 嘴 zui / зуй (‘рот’), то есть буквально значит ‘рот чайника’.

Кроме того, в составе сложных слов с метафорической мотивацией также используются номинации частей тела животных. Так, имя 鸡眼 ji-yan / цзи-янь, которое переводится на русский язык как ‘мозоль’, является в китайском языке сложным: по форме оно мотивировано именами 鸡 ji / цзи (‘курица’) и 眼 yan / янь (‘глаз’) на основе визуальных ассоциаций между видом мозоли и глазом курицы. Сходная метафорическая мотивация лежит и в основе номинации 猫眼 maoyan / мао-янь = букв. ‘глаз кошки’: 猫 mao / мао (‘кошка’); 眼 yan / янь (‘глаз’), которое переводится на русский язык как глазок в двери. В китайском толковании эта метафора объясняется так: «Если смотреть на глазок в двери на расстоянии, то можно заметить, что преломляющийся через него свет очень похож на свет, излучаемый глазами кошки ночью» [Чжан Гочжи, 2012: 34]. Интересно, что слово кепка переводится на китайский язык сложным словом из трех иероглифов 鸭舌帽 ya-she-mao / я-шэ-мао, (鸭 ya / я (‘утка’), 舌 she / шэ (‘язык’) и 帽 mao / мао (‘шапка’), здесь возникла метафорическая ассоциация между верхней частью кепки и языком утки.

В китайской культуре часто используются слова, обозначающие животных, для наименования других явлений или предметов на основе внешнего вида, привычного поведения и других особенностей животных. Например, существительное 蛇纹石 she-wen-shi / шэ-вень-ши обозначает *офиолит* в русском языке, узор этой горной породы похож на узор змеи, поэтому 蛇纹石 she-wen-shi / шэ-вень-ши состоит из трех слов: 蛇 she / шэ (‘змея’), 纹 wen / вень (‘узор’), 石 shi / ши (‘камень’), то есть это камень с узором змеи. Приведем еще два примера. Существительное *горб* (у человека) переводится как 驼背 tuo-bei / туо-бэй, оно мотивировано двумя иероглифами: 驼 tuo / туо (‘верблюд’) и 背 bei / бэй (‘спина’) – и образовано при помощи ассоциации между спиной верблюда и горбатой спиной человека. Существительное 蛙泳 wa-yong / ва-юн состоит из

двух иероглифов: 蛙 wa / ва ('лягушка') и 泳 yong / юн ('плавание') –и обозначает стиль плавания 'басс', так как движения басса в представлении китайского народа похожи на движения плывущей лягушки.

Для образования сложных слов с метафорической мотивацией в китайском языке также часто используются как предмет сравнения номинации растений. Например, слово 杏眼 xing-yan / син-янь (杏 xing / син ('миндаль'), 眼 yan / янь ('глаз')) обозначает 'напоминающие миндаль глаза' и употребляется в китайском языке для описания больших и миндалевидных глаз у красивых девушек. Для изображения черт лица у красивых девушек есть еще такое слово, как 柳叶眉 liu-ye-mei / лю-е-мэй, (柳 liu / лю ('ива'), 叶 ye / е ('лист') и 眉 mei / мэй (бровь)). Оно употребляется для обозначения длинных, слегка изогнутых, красивых бровей, так как форма этих бровей напоминает листья ивы.

Таким образом, метафорическая мотивация лежит в основе образования многих сложных китайских слов, эти ассоциации отражают общее для всех китайцев представление о мире и его объектах, для обозначения которых используются понятные всем образы.

4.3. Сходство метафорической мотивации в русском и китайском языках

Попробуем найти соответствия в китайском языке некоторым русским примерам, рассмотренным выше. Довольно точно на китайский язык можно перевести производные слова, типа *небоскреб*, *буквояд*, *молокосос*, *гуськом*, *бесхребетный*. Они переводятся на китайский язык при помощи композитов, которые состоят из двух или более иероглифов.

Что касается слова *небоскреб*, то как в русском, так и в китайском языках, это сложное существительное является калькой английского композита *skyscraper*, образованного также на основе метафоры: 'очень высокое многоэтажное здание', как бы скребущее небо (*sky* 'небо' и *scrape* 'скрести'). Сходство в образах при образовании этого слова в русском и китайском языках возникло именно потому,

что в обоих языках были последовательно переведены все части исходного сложного английского слова. Существительное небоскре́б соответствует в китайском языке сложной номинации 摩天楼 mo-tian-lou / мо-тянь-лоу (摩 mo / мо ('касаться'), 天 tian / тянь ('небо'), 楼 lou / лоу ('здание')), то есть 'здание такое высокое, что как будто касается неба'.

Русское слово *буквоед* соотносится с сложным словом 咬文嚼字 yao-wen-jiao-zi / яо-вэнь-цзяо-цзы, состоящим из нескольких иероглифов: 咬 yao / яо ('грызть'), 文 wen / вэнь ('текст'), 嚼 jiao / цзяо ('жевать'), 字 zi / цзы ('иероглиф'). В основе образования как сложного русского слова, так и китайского лежит аналогичная метафора. Так, *буквоед* в русском языке образовано от двух слов – буква и есть–и не означает дословно 'тот, кто ест буквы', а имеет переносное значение: 'формалист, педант, придающий значение внешней стороне дела, мелочам (буквам) в ущерб общему смыслу'. В китайском языке это сложное слово в буквальном значении толкуется сходным образом, как в русском языке, – 'тот, кто грызет текст и жуёт каждый иероглиф', но на самом деле оно обозначает формалиста, педанта, который придирается к каждому слову (иероглифу).

Тожественным значением 'очень молодой, незрелый человек' обладает русское слово *молокосос* и китайский аналог – композит 乳臭未干 ru-chou-wei-gan / жу-чуо-вэй-ган, состоящий из нескольких иероглифов: 乳 ru / жу ('молоко'), 臭 chou / чуо ('запах'), 未 wei / вэй ('еще нет'), 干 gan / ган ('высохнуть'), и здесь речь идет о метафорическом переосмыслении: 'тот, кто еще пахнет молоком'. Точно так же метафорическая мотивация русского слова *бесхребетный* (см. выше) соответствует образной мотивации китайского многосоставного композита 没骨头的 mei-gu-tou-de / мэ-гу-тоу-дэ (没 mei / мэ ('нет'), 骨头 gutou / гутоу ('кость'); 的 de / дэ ('суффикс прилагательного')), базирующегося на ассоциации между отсутствием костей и отсутствием принципов. Наречие *гуськом* (толкование см. выше) переводится на китайский

язык сложным словом 鱼贯地 yu-guan-de / юй-гуан-дэ (鱼 yu / юй ('рыба'), 贯 guan / гуан ('подряд'), 地 de / дэ ('суффикс наречия')), при этом в основе этого композита лежит ассоциация с движением рыб, которые, двигаясь в воде, следуют друг за другом 'голова к хвосту'.

5. Выводы

Основные типы мотивации: звуковая, семантическая и словообразовательная – совпадают в русском и китайском языках, несмотря на различие языковой структуры этих языков. Основным различием является отсутствие в русском языке графической мотивации, характерной для китайского языка. Отличием является и то, что в русском языке основным типом мотивации является словообразовательная мотивация, тогда как в китайском языке на первом месте стоят семантическая и графическая мотивации. В китайском языке нет неединственной мотивации, которая, как системное явление, широко представлена в русском языке. Словообразовательная мотивация в современной русистике является понятием исключительно синхронного словообразования, в китайском же языкознании не проводится разграничения между диахронической и синхронической мотивацией.

В русском языке на первом месте по количеству стоят аффиксальные производные слова, за ними идут сложные слова, третья и самая малочисленная группа — это простые одноморфемные слова. А в китайском языке по количеству лидируют сложные слова, на втором месте располагаются простые слова, а производные слова, образованные аффиксами, находятся, соответственно, на последнем месте. В обоих языках суффиксов больше, чем префиксов. Для русского языка характерна обобщенная семантика аффиксов, а китайскому языку при образовании и сложных, и аффиксальных производных свойственна образная и конкретная мотивации.

Нестандартная словообразовательная мотивация (периферийная, метафорическая, переносная, ассоциативно-образная) является важным

механизмом образования слов в русском языке. Что касается ассоциативно-образной мотивации, то она распространена как в русском, так и в китайском языках. При этом в китайском языке этот тип мотивации реализуется только сложными номинациями, то есть многосоставными сочетаниями иероглифов. В русском языке этот тип мотивации представлен шире, так как связан с образованием не только сложных слов, но и с аффиксальными способами словообразования (типа *гуськом*, *бесхребетный*, *окрылить*).

Русский и китайский языки проявляют сходство в том, что в основе ассоциативно-образной мотивации лежит метафора, образ, связанный с устойчивыми ассоциациями. При этом в китайском языке существуют определённые слова с пространственным значением (房 fang / фан – ‘комната’, 海 hai / хай (‘море’), 田 tian / тянь (‘поле’), 心 xin / синь (‘сердце’)), а также слова, обозначающие органы тела, животных и растения, регулярно использующиеся при образовании сложных слов. В русском языке таких слов нет: каждое сложное слово, обладающее метафорической мотивацией, в русском языке уникально по своей структуре.

Среди производных слов русского языка, обладающих метафорической мотивацией, имеются аналоги в китайском языке (*небоскреб*, *буквояд*, *молокосос*, *гуськом*, *бесхребетный*). В одних случаях в основе образования таких аналогичных лексических единиц лежат похожие образы и метафоры (*бесхребетный*), в других случаях сходные по значению производные слова в сопоставляемых языках основаны на разных образах сравнения (*гуськом*) и имеют разную внутреннюю форму, что отражает разные языковые картины мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение проблемы типов словообразовательной мотивации в русском языке позволяет сделать следующие выводы.

1. Термины *мотивация* и *производность* имеют в словообразовании длительную традицию употребления. За последние годы изучение проблемы словообразовательной мотивации активизировалось, и связано это с тем, что анализ происхождения и отношения между мотивацией и производностью имеет большое теоретическое и практическое значение, это также помогает глубже познать и понять значение слов и другие проблемы в этой области.

В своей диссертации мы используем оба термина по отношению к синхронному словообразованию. При этом мы учитываем семантическую и формальную близость мотивирующего к производному слову. Мотивирующее может быть использовано в толковании производного слова, и по форме оно ближе всего стоит к нему.

2. В центре нашего исследования словообразовательная мотивация, которая в российской лингвистике изучается с разных сторон. Выделяются различные её типы: полная и частичная, основная и периферийная, прямая и переносная, метафорическая, косвенная, ассоциативная, непосредственная и опосредствованная, исходная и неисходная, регулярная и нерегулярная, единственная и неединственная и др. Данные типы словообразовательной мотивации можно разделить на два больших класса: на стандартную и нестандартную. При стандартной мотивации семантика производящей основы непосредственно и полностью входит в значение деривата и мотивирует его. Например, *домик* = ‘маленький дом’; *студентка* = ‘студент-женщина’; *переделать* = ‘сделать заново’ и т.д. При нестандартной мотивации семантические отношения между производящим и производным базируются на переносных значениях, образах, ассоциациях, экспрессии, причем нередко в их взаимодействии.

3. Основное внимание в диссертационной работе уделено изучению множественной (неединственной) мотивации. Неединственная мотивация, как системное явление, широко представлена в русском языке. Это понятие обычно рассматривается на фоне одномотивированных слов и определяется как возможность выводимости одного производного из двух и более производящих. При этом о полимотивированности можно говорить только в том случае, если обе производящие базы отличаются от производного только на один формант и если оба они могут использоваться в толковании производного.

4. При проведении нашего исследования была проведена работа со словарем И.А. Ширшова и были изучены типы полимотивированных слов в этом словаре. По всему словарю мы изучили с точки зрения полимотивированности следующие словообразовательные типы: существительные на *-ость* с приставками *не-* и *без(с)-*; наречия на *-о* с приставками *не-* и *без(с)-*, а также производные имена со значением женскости. После этого нами было определено количество одномотивированных и полимотивированных слов в этих типах. По нашим данным, существительных на *-ость* с приставкой *не-* в словаре 176, из них 83 (47%) слова отмечены как полимотивированные, а 93 (53%) – как одномотивированные. Далее мы расширили предмет нашего исследования и провели анализ 70 толково-словообразовательных гнезд, представленных в словаре, с целью выявления других типов полимотивированных слов и их количества. В 70 проанализированных словообразовательных гнездах содержится 4284 производных слова, среди которых насчитывается 512 слов с неединственной мотивацией. В их число входит 135 поликоррелятивных слов (26% от всех слов с неединственной мотивацией) и 377 полимотивированных слов (74%).

5. Во второй главе были выявлены словообразовательные типы, в которых множественная мотивация реализуется регулярно: у существительных с суффиксом *-ость* и с приставкой *не-* (тип *независимость* ← *независимый*, *зависимость*; *неграмотность* ← *неграмотный*, *грамотность*); у качественных

наречий на -о с приставкой *не-* (тип *нелогично* ← *нелогичный, логично; ненормально* ← *ненормальный, нормально*); у приставочных глаголов НСВ (тип *вдохновляться* ← *вдохновлять, вдохновиться; увеличиваться* ← *увеличить, увеличивать*); у имен существительных женского лица с суффиксами -к(а), -ниц(а), -иц(а), -ищиц(а) и др. (*красавица* ← *красавец, красивый; избранница* ← *избранник, избранный*); у возвратных приставочных глаголов совершенного вида СВ (тип *развариться* ← *разварить, вариться; согреться* ← *согреть, греться*); у приставочных глаголов НСВ с суффиксом -ы(и)ва- (тип *закатывать* ← *закатить, закатать; переворачивать* ← *перевернуть, переверотить*); у отглагольных существительных со значением действия на -ние (тип *увеличение* ← *увеличить, увеличиться; повышение* ← *повысить, повыситься*).

6. Были проанализированы и словообразовательные типы с меньшей степенью регулярности. Всего в исследовании с точки зрения множественной мотивации было проанализировано 14 словообразовательных типов.

7. В нашей работе мы применили новый метод верификации множественной словообразовательной мотивации, реализованной в тексте, – с помощью поиска в Национальном корпусе русского языка пары родственных слов в одном тексте. Нахождение в одном предложении двух однокоренных слов, связанных семантически, может свидетельствовать о реализации мотивационных отношений между ними, причем двух типов – непосредственной и опосредствованной мотивации (последняя была изучена на материале личных женских имен).

8. В НКРЯ были проверены мотивационные связи 416 производных слов, образованных по таким моделям, как существительные на -ость с приставками *не-* и *без(с)-*, приставочные возвратные глаголы НСВ и отглагольные существительные на -ние. В результате исследования было обнаружено, что многие слова, представленные в ТСС как одномотивированные, в реальных текстах оказались полимотивированными, то есть они проявляли мотивационные связи с несколькими производящими.

9. В Главе 3 мы исследовали мотивацию личных имен женского рода на *-ниц(а)*, *-тельниц(а)*, *-овниц(а)*, *-щиц(а)*, *-чиц(а)*, *-лиц(а)*, *-виц(а)*, *-риц(а)*, *-диц(а)*, *-миц(а)*, *-тиц(а)*, *-нк(а)*, *-тк(а)*. Большую часть полимотивированных женских имен составляют лексемы, в основу которых основы мужских имен не входят полностью, типа *дипломница* ← *дипломник*, *красавица* ← *красавец*, *старуха* ← *старик*. Такие имена мужского и женского рода находятся на одной ступени деривации по отношению к непроеводным лексемам, выступающим как мотивирующие базы мужских имен (*диплом*, *красивый*, *старый*).

10. В диссертационной работе было проанализировано 475 личных имен женского рода, включенных в ТСС. Наше исследование показало, что их полимотивированность в тексте представлена значительно шире, чем в ТСС. В НКРЯ было проверено 42 личных имени женского рода. У 28 женских имен были выявлены мотивационные связи не только с личными именами мужского рода, но также с глаголами, прилагательными и предметными именами. У имен *красавица*, *певица* мотивационная связь с прилагательным *красивая* или глаголом *петь* в НКРЯ реализуется чаще, чем с личным именем мужского рода.

11. Мотивационные связи у личных имен женского рода в русском языке более широкие, чем они представлены в описании русского словообразования: они проявляются в тексте не только с именами мужского рода, но и с прилагательными, глаголами и предметными именами.

12. В случае имен женского рода типа *вымогательница*, *вдохновительница*, *избирательница*, отличающихся от исходного непроеводного слова большим числом формантов, по сравнению с именами мужского рода, речь идет об опосредствованной мотивации.

13. Первичная роль личных имен мужского рода в мотивационных связях определяется наличием в русском языке большого класса имен мужского рода, называющих профессии, должности, титулы (типа *инженер*, *педагог*, *профессор*) независимо от пола и не имеющих парных имен женского рода, а также частностью родовых пар с непроеводными именами мужского рода (типа

студент – студентка, аспирант – аспирантка), в которых у женских имен представлена одна единственная мотивация. При этом большой класс родовых пар с производными личными именами мужского рода показывает, что имена женщин не уступают им в богатстве мотивационных связей.

14. Основные типы мотивации в русском и китайском языках совпадают, несмотря на различие языковой структуры этих языков. В обоих языках есть звуковая, семантическая и словообразовательная мотивации. Основным различием является то, что для китайского языка характерна также графическая мотивация, обусловленная иероглифическим письмом, которой нет в русском языке. Кроме того, в русском языке словообразовательная мотивация – это основной тип мотивации, а в китайском языке к основным типам мотивации можно отнести семантическую и графическую мотивации. Неединственной мотивации нет в китайском языке, в то время как в русском языке она широко представлена. Словообразовательная мотивация в современной русистике это понятие исключительно синхронного словообразования. В китайском языке не проводится разграничения между диахронической и синхронической мотивацией.

15. Ассоциативно-образная мотивация, распространенная как в русском, так и в китайском языках при образовании сложных слов, в русском языке представлена шире, чем в китайском, так как связана с образованием не только сложных слов, но и с аффиксальными способами словообразования (типа *гуськом, бесхребетный, окрылить*). В китайском языке этот тип мотивации ограничен сложными номинациями, представленными как многосоставное сочетание иероглифов.

16. В основе ассоциативно-образной мотивации как в русском, так и в китайском языках лежит метафора, образ, связанный с устойчивыми ассоциациями. Семантика композитов с такой мотивацией в китайском языке обычно связана с пространством, органами тела, животными и растениями. В отличие от китайского, в русском языке нет конкретных слов, которые бы регулярно использовались при образовании образных сложных слов. Некоторые

производные слова русского языка, обладающие метафорической мотивацией, имеют свои аналоги в китайском языке (*небоскреб, буквоед, молокосос, гуськом, бесхребетный* и др.). В некоторых случаях сходные по значению производные слова в сопоставляемых языках основаны на разных образах сравнения и имеют разную внутреннюю форму, что отражает разные языковые картины мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бархударова Е.Л., Короткова О.Н., Красильникова Л.В. Русский язык как иностранный: фонетика, словообразование. М., 2017.
2. Блинова О.И. Явление мотивации слов. Томск, 1984. 192 с.
3. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. М., 2010. 304 с.
4. Ван Хунци. Общее введение в языкознание. Пекин, 1995. 225 с. (на китайском языке) (王红旗. 语言学概论. 北京大学出版社, 1995. 225 页).
5. Виноградов В.В. Современный русский язык. М., 1952. 520 с.
6. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
7. Винокур Г.О. Заметки по русскому языку словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 419-442.
8. Волоцкая З.М. Установление отношения производности между словами. ВЯ. № 3. 1960. 162 с.
9. Вэй Чжичэн. Сравнительная теория лингвистики. Шанхай, 2003. 442 с. (на китайском языке) (魏志成. 比较语言学概论. 上海教育出版, 2003. 442 页).
10. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. М., 1977. 264 с.
11. Галактионова И.В. Номинативный аспект категории рода у существительных, входящих в родовые пары // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова / Вопросы русского языкознания. Выпуск VIII / Под ред. М.Л. Ремнёвой и Е.В. Клобукова. М.: МГУ, 2000. С. 73-84.
12. Генеральный Интернет-корпус русского языка. URL: <http://www.webcorpora.ru>
13. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989. 252 с.
14. Голев Н.Д. «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6. С. 14-28.

15. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования. М.: Отечественные записки, 2005. № 2. С. 22-43.
16. Кирилина А.В. Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
17. Копелиович А.Б. Именная категория лица в её отношении к грамматическому роду. ВГПУ, 1997. 95 с.
18. Дежина Т.П. Этапы становления концепта “Гендер” в зарубежной и отечественной лингвистике // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 6. Ч. 1. С. 76-79.
19. Ермакова О.П. Расхождение формальной и семантической производности // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1976. Вып. II. С. 17-37.
20. Ермакова О.П. О соотношении понятий производность и мотивированность // актуальные проблемы русского словообразования: Материалы V Республиканской научной конференции. Ташкент, 1989. С. 45-58.
21. Ермакова О.П., Земская Е.А. К уточнению отношений словообразовательной производности // Russian Linguistics, 1991. С. 105-116.
22. Земская Е.А. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. – Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964. 560 с.
23. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981. 323 с.
24. Земская Е.А. Виды семантических отношений словообразовательной мотивации // Wiener Slavischer Almanach. М., 1984. С. 337-349.
25. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992. 221 с.
26. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык: учеб. для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
27. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. 2-е изд., стереотипное. М.: Изд-во Ком Книга, 2005. 224 с.

28. Зиновьева Е.С. Феминистская лингвистика в контексте постмодернистской философии // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. № 1. С. 43-47.
29. Зиновьева Е.С. Языковые механизмы конструирования маскулинности и феминности в дискурсе глянцевого журналов (на материале английского и русского языков). Дисс. канд. филол. наук. Ярославль, 2018. 236 с.
30. Зубова Л.В., Меньшикова Ю.В. Морфемика и словообразование современного русского языка / Учебно-методический комплекс по курсу «Морфемика и словообразование современного русского языка». – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 254 с.
31. Клобуков Е.В. Словообразование // Краткий справочник по современному русскому языку / П.А. Лекант. М.: Высшая школа, 1995. 382 с.
32. Клобуков Е.В. Словообразование // Современный русский литературный язык. Учебник / Под ред. П.А. Леканта. М.: Высшая школа, 2009. 495 с.
33. Клобуков Е.В. Словообразование // Современный русский литературный язык. Учебник / Под ред. П.А. Леканта. М.: Высшая школа, 2013. 766 с.
34. Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина; Ин-т рус. яз. АН СССР. М.: Рус. яз. 1989. 639 с.
35. Кронгауз М.А. Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М., 1996. С. 510-525.
36. Костромина Н.В. Суффиксальное словообразование прилагательных в русском литературном языке первой трети XIX в. КД. М., 1961. 214 с.
37. Кураева Ю.С. Множественность словообразовательной структуры сложных прилагательных на *-ческ(ий)* // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1976. Вып. II. С. 78-82.
38. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981. 200 с.
39. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи. «Очерки по лингвистике». М., 1962. 456 с.

40. Лопатин В.В. Выступление на обсуждении книги А.Н. Тихонова «Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка». АПРС. Самарканд, 1972, вып. II. С. 96-102.
41. Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. Вып. I. С. 53-57.
42. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. 315 с.
43. Лопатин В.В., Улуханов И.С. О принципах словообразовательного анализа и классификации морфов // Русский язык в национальной школе, 1969. № 5. С. 11-18.
44. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 800 с.
45. Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. Современный русский язык: Теоретический курс. Словообразование. Морфология: Учебное пособие, М.: «Русский язык». 1989. 250 с.
46. Лу Гоцянь. Лексикология современного английского языка. Шанхай, 1980. 400 с. (на китайском языке) (陆国强. 现代英语词汇学. 上海外语教育出版社, 1980. 400页) .
47. Ма Яньхун Типы мотивации слов в русском языке в сравнении с китайским языком // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 2019, № 6. С. 54-63.
48. Ма Яньхун Метафорические типы словообразовательной мотивации в русском и китайском языках // Журнал Мир науки, культуры, образования. 2020, № 4. С. 421-423.
49. Мамечков С.Г. Функционально-семантическое поле биологического пола в современном русском языке. М., 2010.: диссертация кандидата филологических наук : 10.02.01. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. 437 с.
50. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980. 296 с.

51. Милославский И.Г., Лопатин В.В., Шелякин М.А. Современный русский язык: Теоретический курс. Словообразование. Морфология: Учебное пособие, М.: «Русский язык». 1989. 250 с.
52. Мочалкина А.А. Проблема изучения гендера в зарубежной и отечественной лингвистике — Текст: непосредственный, электронный // Молодой ученый. 2019. № 6 (244). URL: <https://moluch.ru/archive/244/56413/>
53. Мусатов В.Н. Типы мотивации производных слов // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. С. 199-202.
54. Нецименко Г.П. Существительные женского рода со значением лица в чешском и русском языке: Тенденции развития // Язык. Сознание. Коммуникация. Сборник научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой. Выпуск 38. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 10-25.
55. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
56. Николаева И.Ю. Наименования лиц женского пола по профессии, должности в гендерном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета. Русская филология, 2010. № 3. С. 93-98.
57. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Школа "Языки русской культуры", 1999. 275 с.
58. Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени. М.: МАКС Пресс, 2009. 207 с.
59. Петрухина Е.В. Дискуссионные вопросы русского словообразования // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 2017, № 4. С. 7-32.
60. Петрухина Е.В. Словообразование современного русского языка. Курс лекций, прочитанный на русском отделении бакалавриата филологического факультета МГУ в 2018 г.
61. Петрухина Е.В. Ключевые вопросы современного славянского словообразования (в свете трудов Е.С. Кубряковой) // Журнал Когнитивные исследования языка.

2018. Том 32. С. 179-192.

62. Петрухина Е.В., Ма Яньхун. Неединственная словообразовательная мотивация в русском языке и способы её верификации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020, № 1. С. 181-187.
63. Петрухина Е.В., Ма Яньхун. Мотивация русских личных имен женского рода в словаре и тексте с точки зрения гендерной проблематики // Журнал Когнитивные исследования языка. 2020, № 3. С. 557-564.
64. Грамматика современного русского литературного языка / [С. Н. Дмитренко и др.; отв. ред. Н.Ю. Шведова]; Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. Москва: Наука, 1970.
65. Русская грамматика. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. 767 с.
66. Ряснянская Р.А. Множественность словообразовательной структуры прилагательных с суффиксом *-чив-* в современном русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1976. Вып. II. С. 133-138.
67. Современный русский язык, т. II. Под редакцией проф. Е.М. Галкиной-Федорук. Изд. МГУ, 1964. 638 с.
68. Соломина А.С. Имена существительные с суффиксом *-ств(о) (стви-е)* в древнерусском языке XI-XVII вв. и в современном русском языке. КД. Алма-Ата, 1970. 660 с.
69. Сюй Юлун. Введение в контрастную лингвистику. Шанхай, 2001. 557 с. (на китайском языке) (许余龙. 对比语言学概论. 上海教育出版社, 2001. 557 页).
70. Ташлыкова М. Русское слово в свете структурно-семантического описания (словообразовательный и морфемный анализ). Иркутск, 1999. 240 с.
71. Тихонов А.Н. Множественность словообразовательной структуры слова в русском языке. Русский язык в школе, 1970, № 4. С. 83-88.
72. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I-II. М., 1985. 887 с.
73. Тихонов А.Н., Джамбазов П. Н. Морфемика и словообразование // Современный русский литературный язык. Велико Тырново. 1988. С. 98-112.

74. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977. 256 с.
75. Улуханов И.С. О степенях словообразовательной мотивации слов // В.Я. 1992. № 5. С. 74-88.
76. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация М., 1996. 221 с.
77. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М.: ООО Издательский центр «Азбуковник». 2005. 311 с.
78. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания М., 2007. 254 с.
79. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ» 2015. 320 с.
80. Улуханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка: в 2 т. М.: Азбуковник, 2015. 330 с.
81. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ» 2019. 262 с.
82. Цао Вэй. Семантика современного китайского языка. Цзинань, 2001. 323 с. (на китайском языке) (曹炜. 现代汉语语义学. 暨南大学出版社, 2001. 323 页).
83. Чжан Гочжи. Структура и научный принцип дневного глазок // преподавание физики. Пекин, 2012, № 9. С. 69-85. (на китайском языке) (张国志. 猫眼的结构和科学原理 // 物理教学. 北京, 2012. 69-85 页).
84. Чжэн Цифу. Словарь современного китайского слова формирующих аффиксов. Ханчжоу, 2007. 275 с. (на китайском языке) (郑启富. 现代汉语构词词缀. 杭州出版社, 2007. 275 页).
85. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959. 246 с.
86. Шаталова З.И. Множественность словообразовательной структуры имен существительных на -оств(о) // Актуальные проблемы русского словообразования.

Ташкент, 1976. Вып. II. С. 283-285.

87. Шаталова З.И. Множественность словообразовательной структуры имен существительных на -овик(-евик) // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1976. Вып. II. С.191-194.
88. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: лексика. М., 1977. 335 с.
89. Ширшов И.А. Типы словообразовательной мотивации // Филологические науки, 1995, № 1. С. 41-54.
90. Ширшов И.А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост.гос. ун-та, 1981. 118 с.
91. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования. М., 1999. 236 с.
92. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М., Русские словари, 2004. 1024 с.
93. Щао Цзинминь Словообразование современного китайского языка. Пекин, 2016. 438 с. (на китайском языке) (绍启明. 现代汉语构词. 北京, 2016. 438 页).
94. Янко-Триницкая Н.А. Флексии базового слова в морфологически выводимой основе // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина, № 341, Вопросы филологии. М., 1969. С. 334-347.
95. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001. 503 с.
96. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Praha, 1962. 263 p.